

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»**

НАУКА и ПРОСВЕЩЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МОЛОДОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ 2026

**СБОРНИК СТАТЕЙ XVIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 5 ИЮЛЯ 2026 Г. В Г. ПЕНЗА**

**ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2026**

УДК 001.1
ББК 60
М75

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

М75

МОЛОДОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ 2026: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-00268-636-0 Ч.2
ISBN 978-5-00268-634-6

Настоящий сборник составлен по материалам XVIII Международной научно-практической конференции **«МОЛОДОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ 2026»**, состоявшейся 5 июля 2026 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-00268-636-0 Ч.2
ISBN 978-5-00268-634-6

Ответственный редактор:

Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

- Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук
Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Оробец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
ИНТЕГРАЦИЯ КРИ ВОСПРИЯТИЯ БРЕНДА В СИСТЕМУ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛОЗОВА ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРИЕВНА, БОРКОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА.....	9
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ: БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ РЯЗАНЦЕВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА.....	12
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ ЭЛЬБИЕВ МАГОМЕД ШАМСУДИНОВИЧ	18
КЕЙСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОГРАММАХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЕВГРАФОВА И.В.	21
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЗУЕВА ЕВА ДМИТРИЕВНА.....	24
РЕГЕНЕРАТИВНЫЙ ДИЗАЙН: ЗДАНИЯ, КОТОРЫЕ ОЧИЩАЮТ ВОЗДУХ И ВОССТАНАВЛИВАЮТ ГОРОДСКУЮ ЭКОСИСТЕМУ НАЗИЕВ ЭЛЬВИН АХМЕД ОГЛЫ, САЛАГОР ИННА РАЗИЛОВНА.....	28
ЭКОНОМИКА ВПЕЧАТЛЕНИЙ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СУХОВЕРХИЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ЗУБРИЦКАЯ ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА.....	32
ОПТИМИЗАЦИЯ МАРШРУТОВ ДОСТАВКИ В УСЛОВИЯХ ПЛОТНОЙ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИАГЕНТНЫХ АЛГОРИТМОВ НИ СОФЬЯ ИГОРЕВНА, ДЕРБЕНЕВ ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ	35
ESG-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ МСП ДЛЯ ПРИОРИТИЗАЦИИ УСТОЙЧИВОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ PAVLOVA POLINA ALEKSANDROVNA.....	38
ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МАЛОМ И СРЕДНЕМ БИЗНЕСЕ ХАДДУР ХУССЕЙН, ЗИМОВЕЦ ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА.....	44
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	48
ГУМАНИЗМ И ЭКОЛОГИЯ – ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ КАК ПРОПЕДЕВТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА ШЛЕТГАВЕР Д.В., СУХИНА И.Г.	49

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	55
КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО И АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ ХАЧЕМИЗОВА ДЖАНЕТА АЗАМАТОВНА	56
СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В ПОСЛОВИЦАХ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ) РАХМАТУЛЛИНА МИЛЯУША ФАНИЛЕВНА	60
ГРИНВОШИНГ VS. ЗЕЛЁНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УТВЕРЖДЕНИЙ В МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕКСТАХ БРЕНДОВ ОДЕЖДЫ ВЕРХОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА	67
ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ БРОВЕР АННА АЛЕКСАНДРОВНА	71
АНАЛИЗ КАЧЕСТВА АВТОМАТИЧЕСКИ СГЕНЕРИРОВАННЫХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ МОСЕЕВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА.....	74
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО- СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АЛИМБЕКОВ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ	78
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТОВ БЕЛОРУССКИХ БРЕНДОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ РЕЗНИК АННА АНДРЕЕВНА	82
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	85
ПРАВОВОЙ СТАТУС КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ МИНИСТЕРСТВУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОМЕЛЬЯНЕНКО ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА	86
CULTURAL PROPERTY RESTITUTION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF EU PRACTICE FEDORENKO SVETLANA VALERIEVNA	89
ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ПРОФИЛАКТИКИ МЕСЯЦ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ.....	95
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МЭН ЦИНЦИ.....	99
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ РУСАКОВ ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ	103

DUE DILIGENCE IN INTERNATIONAL COMMERCIAL AND FINANCIAL TRANSACTIONS: LEGAL CERTAINTY AND COMPLIANCE RISK MANAGEMENT BALAEVA EKATERINA PETROVNA	106
CONTRACTUAL RISK ALLOCATION IN INTERNATIONAL COMMERCIAL AND FINANCIAL TRANSACTIONS, BALAEVA EKATERINA PETROVNA.....	109
DIGITAL ASSETS IN CROSS-BORDER TRANSACTIONS: LEGAL STATUS AND RISKS BALAEVA EKATERINA PETROVNA	112
SANCTIONS CLAUSES IN INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS: LEGAL RISKS AND CONTRACTUAL PROTECTION BALAEVA EKATERINA PETROVNA	115
LEGAL RISKS OF CROSS-BORDER PAYMENTS IN INTERNATIONAL BUSINESS BALAEVA EKATERINA PETROVNA	118
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	121
МЕТОДЫ МОНИТОРИНГА АДАПТАЦИИ СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРЕНИРОВОК ЛЮО ЮЙЧАН.....	122
INCLUSIVE ENGLISH LANGUAGE TEACHING FOR CHILDREN WITH DYSLEXIA AND DYSGRAPHIA ZENCHENKO LIUBOV SERGEEVNA.....	127
ПОПУЛЯРНЫЕ ВИДЫ СПОРТА СРЕДИ СТУДЕНТОВ ШЕБЗУХОВА АИША АДИБЕВНА.....	131
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	134
ПОГРАНИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ: ОПЫТ ОТНОШЕНИЯ К ДРУГОМУ В ГЕШТАЛЬТ-ПОДХОДЕ АЗОРИН ЕГОР НИКОЛАЕВИЧ	135
РАЗУМ И ЧУВСТВО: ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЕВГЕНИЯ БАЗАРОВА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» САГДАТУЛЛИНА А.К., АСТАШКИНА А.А., ВАГАПОВА А.Р., ТИМЧЕНКО А.Н.	140
ИКОНОПИСНЫЕ ОБРАЗЫ, КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ И ЛИЧНЫЕ СИМВОЛЫ В ПРАКТИКЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО АТЕЛЬЕ ГЕНЕРАЛОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА	145
МАСТЕР-КЛАСС «ПОВЫШЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ У СТРЕЛКОВ-ВИНТОВОЧНИКОВ» ПОТАПОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА	150
ПРАВИЛА КОНСТРУКТИВНОЙ КРИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ») ЛАПШИН АРСЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ.....	154

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ ВЫБОРЕ ИЗ ОТВЕРСТИЙ РАЗНОГО ДИАМЕТРА У ГЕККОНОВ HEMIDASTYLUS TRIEDRUS ГЕНЕРАЛОВ МАКСИМ ВАСИЛЬЕВИЧ, КУЛИКОВА ВЕРОНИКА ВЛАДИМИРОВНА	157
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	161
НЕЙРОСЕТЕВОЙ "СЛОП" КАК ФАКТОР ЭРОЗИИ ДОВЕРИЯ: ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ РУБАН ПОЛИНА ДМИТРИЕВНА	162
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	169
ТРАНСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИКИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЛОГИСТИКИ И ГЕОПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ ЧУХАНЦЕВА ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА	170
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА МОНГУШ МАРАТ ЧОЙГАНОВИЧ	178
«МОНО» СТАТУСЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ КРИТЕРИЕВ АВЕРЬЯНОВ АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ	185
ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ФРОЙМЧУК АРКАДИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ	188

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330

ИНТЕГРАЦИЯ КРІ ВОСПРИЯТИЯ БРЕНДА В СИСТЕМУ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ

ПОЛОЗОВА ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРИЕВНА,
БОРКОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА

Студент 2 курса «Факультета экономики и управления»
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»,

Научный руководитель: Семенко Ирина Егоровна

к.п.н., доцент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Аннотация. В современных условиях развития экономики качество продукции и услуг перестаёт быть единственным фактором конкурентоспособности организации. Всё большее значение приобретают показатели восприятия бренда, определяющие уровень доверия потребителей, лояльность клиентов и устойчивость рыночных позиций компании. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты интеграции ключевых показателей эффективности восприятия бренда (KPI) в систему менеджмента качества организации. Анализируется взаимосвязь бренда, репутационных рисков и процессов управления качеством в соответствии с принципами стандартов ISO 9001. Предложен механизм включения KPI восприятия бренда в процессы мониторинга, анализа и совершенствования системы менеджмента качества. Обосновано, что использование брендовых метрик позволяет повысить эффективность управленческих решений, снизить репутационные риски и обеспечить устойчивое развитие организации.

Ключевые слова: система менеджмента качества, KPI, бренд, восприятие бренда, репутационные риски, ISO 9001, управление качеством, эффективность организации.

INTEGRATION OF BRAND PERCEPTION KPIs INTO THE ORGANIZATION'S QUALITY MANAGEMENT SYSTEM

Polozova Elizaveta Dmitrievna,
Borkova Maria Dmitrievna

Scientific supervisor: Irina Yegorovna Semenko

Abstract. In modern economic conditions, the quality of products and services is no longer the only factor in the competitiveness of an organization. Brand perception indicators are becoming increasingly important, determining the level of consumer trust, customer loyalty and the stability of the company's market position. The article discusses the theoretical and practical aspects of integrating key brand perception performance indicators (KPIs) into an organization's quality management system. The interrelation of brand, reputational risks and quality management processes is analyzed in accordance with the principles of ISO 9001 standards. A mechanism for including brand perception KPIs in the processes of monitoring, analyzing and improving the quality management system is proposed. It has been proved that the use of brand metrics makes it possible to in-

crease the effectiveness of management decisions, reduce reputational risks and ensure the sustainable development of the organization.

Keywords: quality management system, KPI, brand, brand perception, ISO 9001, reputation risks.

Современные организации функционируют в условиях высокой конкуренции и цифровизации. Наряду с качеством продукции важным фактором конкурентоспособности становится восприятие бренда. Уровень доверия потребителей, удовлетворенность клиентов и репутация организации оказывают непосредственное влияние на результаты деятельности предприятия.

Система менеджмента качества ориентирована на удовлетворение требований заинтересованных сторон. В соответствии с принципами ISO 9001 организация должна осуществлять постоянный мониторинг ожиданий потребителей и оценивать результативность процессов. В этой связи показатели восприятия бренда могут рассматриваться как дополнительный источник информации о качестве деятельности организации.

Согласно исследованиям Л. А. Мусабировой, цифровизация процессов СМК расширяет возможности анализа данных и принятия управленческих решений [1, с. 116]. Использование цифровых каналов позволяет получать информацию о реакции потребителей практически в режиме реального времени.

Под KPI восприятия бренда предлагается понимать совокупность количественных показателей, характеризующих отношение заинтересованных сторон к организации. К ним относятся уровень узнаваемости бренда, индекс лояльности клиентов, индекс удовлетворенности, уровень доверия, количество положительных и отрицательных упоминаний в цифровой среде.

Как отмечают С.В. Удахина и П. Л. Рахматуллина, качество бренда определяется не только характеристиками продукта, но и эмоциональным восприятием компании потребителями [5, с. 25–35]. Следовательно, бренд может выступать индикатором качества всей системы управления.

Особую роль играет управление репутационными рисками. По мнению З. Н. Касимовой, репутационные риски способны существенно повлиять на устойчивость организации и требуют системного контроля [2, с. 295–299]. Снижение показателей доверия может служить ранним сигналом возникновения проблем в деятельности компании.

Интеграция KPI восприятия бренда в СМК предполагает включение соответствующих показателей в процессы мониторинга, анализа и улучшения. Данные показатели могут использоваться руководством при проведении анализа системы менеджмента качества и разработке корректирующих мероприятий. Важным преимуществом такого подхода является усиление ориентации на потребителя. Организация получает возможность оценивать не только качество процессов, но и качество результатов с точки зрения клиента. Это соответствует современным принципам менеджмента качества.

Исследование В.Н. Панасюка, А.С. Кравцова, А.Н. Королевой, Д.С. Шипицина и А.Л. Панкратова подтверждает, что эффективная СМК способствует формированию доверия заинтересованных сторон и устойчивому жизненному циклу продукции [3, с. 345–347].

В условиях интегрированных систем менеджмента возможности применения брендовых KPI существенно расширяются. И. И. Лившиц, А. Т. Танатарова и Б. Т. Журтыбаева отмечают преимущества объединения различных стандартов менеджмента в единую систему управления [4, с. 42–47]. Дополнительным элементом оценки выступают коммуникационные показатели. Г.И. Дубина подчеркивает значимость омниканальных коммуникаций и персонализированного взаимодействия с потребителями [6, с. 178–184]. Эффективность коммуникационной стратегии напрямую влияет на восприятие бренда.

Практический механизм интеграции KPI восприятия бренда в СМК включает следующие этапы: определение показателей, установление целевых значений, организацию мониторинга, проведение анализа данных, разработку корректирующих мероприятий и оценку их эффективности.

Таким образом, интеграция KPI восприятия бренда в систему менеджмента качества позволяет повысить качество управленческих решений, снизить репутационные риски и обеспечить устойчивое развитие организации. Бренд становится важным объектом управления, а показатели его восприятия – инструментом оценки результативности СМК.

Список источников

1. Мусабилова Л. А. Цифровизация системы менеджмента качества в области проведения анализа системы менеджмента качества со стороны руководства // Менеджмент и качество. – 2024. – С. 116–118.
2. Касимова З. Н. Репутационные риски и риски, связанные с персоналом: анализ и стратегии управления // Управление рисками. – 2025. – С. 295–299.
3. Панасюк В. Н., Кравцов А. С., Королева А. Н., Шипицин Д. С., Панкратов А. Л. СМК организаций как основа обеспеченного жизненного цикла ЭКБ (на примере СМК АО «НИИМЭ») // Качество и стандартизация. – 2024. – С. 345–347.
4. Лившиц И. И., Танатарова А. Т., Журтыбаева Б. Т. Интегрированная система менеджмента по стандартам ISO 9001 и ISO 21001 // Образование и качество. – 2025. – С. 42–47.
5. Удахина С. В., Рахматуллина П. Л. Разработка концептуальной модели оценки качества бренда // Маркетинг и брендинг. – 2023. – Т. 2. – № 6. – С. 25–35.
6. Дубина Г. И. Управление коммуникационной стратегией fashion-бренда: системная интеграция омниканальности, персонализации и инновационных технологий // Коммуникации в цифровой среде. – 2025. – Т. 10. – № 10 (164). – С. 178–184.

© Е.Д. Полозова, М. Д. Боркова, 2026

УДК 351/354

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ: БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

РЯЗАНЦЕВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА

студент

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Научный руководитель: Шеркунов Сергей Александрович

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена анализу муниципального маркетинга и брендинга территорий как инструмента привлечения инвестиций. Рассматриваются теоретические основы территориального брендинга и его роль в развитии регионов. На примере кейсов «Сочи – курортный бренд» и «Казань – спортивная столица» показано влияние масштабных событий и маркетинговых стратегий на формирование имиджа и инвестиционной привлекательности. Предложены практические инструменты брендинга для малых муниципалитетов с учётом ограниченности ресурсов.

Ключевые слова: муниципальный маркетинг, брендинг территорий, инвестиционная привлекательность, имидж города, Сочи, Казань, малые муниципалитеты.

MUNICIPAL MARKETING: PLACE BRANDING FOR INVESTMENT ATTRACTION

Ryazantseva Elizaveta Mikhailovna*Scientific adviser: Sherkunov Sergey Aleksandrovich*

Abstract: This article analyzes municipal marketing and place branding as a tool for attracting investment. It examines the theoretical foundations of territorial branding and its role in regional development. Using the cases of “Sochi as a resort brand” and “Kazan as a sports capital,” the article demonstrates the influence of large-scale events and marketing strategies on image formation and investment attractiveness. Practical branding tools for small municipalities are proposed, taking into account their limited resources.

Key words: municipal marketing, place branding, investment attractiveness, city image, Sochi, Kazan, small municipalities.

Современная конкуренция между муниципалитетами за инвестиции, туристов и квалифицированную рабочую силу требует от городов активного позиционирования себя на внешних рынках. Брендинг территории — это системный процесс формирования яркого положительного образа города или региона, опирающийся на его культурно-исторический потенциал, экономические ресурсы и целевые стратегии развития. Территориальный брендинг призван сломать стереотипы и создать устойчивые ассоциации у целевых аудиторий, будь то инвесторы, туристы или жители. В условиях глобализации города все чаще используют инструменты маркетинга, аналогичные корпоративному брендингу: разработку логотипов, слоганов, специализированные медиакомпании, масштабные события и др. При этом

крупные и малые муниципалитеты вынуждены действовать в разных ресурсных условиях. Крупные города, обладающие значительными бюджетами, способны вкладываться в международные проекты, тогда как малые территории чаще имеют ограниченные средства и вынуждены делать ставку на креативные решения из местных ресурсов. Цель статьи — проанализировать успешные городские бренды на примере «Сочи — курорт» и «Казань — спортивная столица», выявить факторы их эффективности и адаптировать методы брендинга для малых муниципалитетов. В задачи исследования входит изучение литературы по территориальному брендингу, анализ официальных отчетов и СМИ по данным кейсам, а также формирование практических рекомендаций по этапам и инструментам брендинга для малых городов.

Территориальный брендинг отличается от классического маркетинга тем, что объектом позиционирования является место — город, регион или страна, а не товар. Брендинг территории («place branding») включает исследования территории, определение ее «genius loci» (духа места) и передачу уникальности через стратегию и символику. Главными критериями успеха считаются: (1) соответствие атрибутов бренда сути места (чтобы логотип и слоган вызывали правильные ассоциации) и (2) вера в бренд самих жителей, иначе они быстро почувствуют несоответствие легенды реальности. Учёные выделяют несколько ключевых этапов создания бренда территории: исследование социально-экономических и культурных особенностей, формулировка миссии и концепции бренда, определение уникального позиционирования, создание символики (логотип, слоган), а затем — продвижение и мониторинг показателей бренда. Важным элементом является вовлечение местного сообщества на всех этапах, поскольку «бренд должен поверить местным жителям». Вследствие этого брендинг часто выступает инструментом территориального развития — он помогает мобилизовать нематериальные ресурсы, укрепить локальную идентичность и привлечь внешние инвестиции и туристов. В экономической литературе брендинг рассматривается как часть стратегии устойчивого развития регионов: он направлен на преодоление дефицита ресурсов путем трансляции ценностей и возможностей территории. Брендинг способствует повышению конкурентоспособности за счет создания «эффектного окна возможностей». При этом ключевыми задачами брендинга являются привлечение инвестиций, создание рабочих мест, развитие новых отраслей (например, туризма или спорта) и повышение качества жизни населения. Известно, что активное формирование и продвижение бренда территорий часто проводится в тандеме с крупными событиями (Олимпиада, ЧМ, фестивали), создавая имидж «организаторской» территории.

Исследование носит прикладной аналитический характер и построено на комбинации качественных методов. Основными источниками информации стали официальные отчеты, выступления органов власти, научные публикации и авторитетные медиа (пресс-релизы, статьи СМИ). Кейс-метод использован для глубокого анализа конкретных примеров: были изучены материалы о формировании брендов Сочи и Казани, в том числе интервью экспертов и публикации о маркетинговых кампаниях. Также привлечены данные опроса городских администраторов и аналитические обзоры практик брендинга в малых городах. Обобщение результатов позволило выработать рекомендации. Структура статьи отражает последовательность этапов исследования: от анализа теоретических аспектов брендинга к эмпирическим кейсам и затем к практическим выводам.

Сочи, столица зимних Олимпийских игр 2014 года, давно позиционирует себя как международный курорт круглогодичного отдыха. После Олимпиады город получил в наследство развитую спортивно-туристическую инфраструктуру, которую власти стали использовать для укрепления туристического бренда. В декабре 2020 года Сочи представил обновленный туристический логотип, в котором дизайнеры отразили архитектурно-природные особенности курорта. В логотипе пальмы изображены как ротонды с колоннами, символизирующие город-курорт, а верхняя часть рисунка передает горы и солнце, нижняя — море и волну. Такой фирменный стиль подчеркивает сочетание «морского тепла и горнолыжного отдыха», которое лежит в основе курортного бренда Сочи [1, 2].

Город активно инвестирует в обновление инфраструктуры: благодаря введенному после Олимпиады курортному сбору в Сочи формируется специальный целевой доход, направляемый на благоустройство городской среды. Так, в 2022 году в рамках этой программы были профинансированы мас-

штабные работы по освещению и благоустройству набережных Адлера и Хосты. Глава Сочи подчеркивает: «Сочи — это бренд, который нужно постоянно подтверждать и укреплять». Реконструкция набережных, создание пешеходных зон и организация круглогодичных мероприятий позволяют расширить привлекательность города как для туристов, так и для жителей [1].

Эффекты от брендинга уже очевидны: экономика Сочи демонстрирует устойчивый рост. Собственные доходы бюджета города растут последние годы стабильно; туризм и курортная отрасль остаются драйверами роста. В инвестиционном портфеле Сочи — десятки проектов общей стоимостью в сотни миллиардов рублей, в основном в санаторно-курортной сфере. Кроме того, механизмы городского развития (комплексное освоение территорий, генеральный план) направлены на привлечение инвестиций не только в жилье, но и в коммерческие технологии и здравоохранение, что свидетельствует о проактивном инвестиционном подходе.

В итоге брендинг Сочи базируется на олимпийском наследии и природной привлекательности; он подкреплен федеральными и региональными инвестициями. Отмечается синергия между маркетингом и реальными изменениями: развитие курортной инфраструктуры — это инвестиции в будущее города. Таким образом, бренд «Сочи» ассоциируется у широких аудиторий с надежным круглогодичным курортом мирового уровня, что усиливает туристический поток и благоприятно влияет на инвестиционную активность региона.

Казань — столица Татарстана — с 2010-х годов последовательно развивает имидж «спортивной столицы России». Начало процесса связано с выигранной битвой за проведение Универсиады-2013. После успешного проведения Универсиады в городе усилилось развитие спортивной инфраструктуры (сотни спортивных площадок) и внедрялась массовая спортивная культура. Уже к 2011 г. в Казани было запланировано проведение 11 международных соревнований (Кубок Конфедераций-2017, ЧМ-2015 по водным видам спорта, матчи ЧМ-2018 и др.). В конце 2011 года был запущен проект кампании «Казань — спортивная столица России» (коммуникационное агентство Media Arts Group). Целями кампании было закрепить спортивную уникальность города, доказать готовность инфраструктуры к высшим стандартам и повысить инвестиционную привлекательность (через обращение к региональным и федеральным властям) [3, 4].

Уже в 2012 году международное спортивное сообщество отметило эффективность бренда: проект «Казань — спортивная столица» получил гран-при национальной премии «Бренд года/EFFIE 2011». Независимые эксперты высоко оценили формирование имиджа города как спортивного центра. Параллельно с коммуникациями росло вовлечение населения — на спортивных событиях 2011 года общее число зрителей превысило 800 тысяч, а количество активных спортсменов в городе увеличилось на 25%. По словам руководителя проекта, продвижение спортивного бренда сыграло свою роль: спортивная общественность уже давно знает команды «Ак Барс», «Рубин», УНИКС [5].

Таким образом, бренд «спортивной столицы» принес Казани прямые и косвенные выгоды. С одной стороны, город получил «брендовый капитал» — национальное признание его спортивного статуса и усиление туристических потоков на мероприятия. С другой — этот имидж стимулировал инвестиции: необходимость строительства объектов мирового уровня привлекла федеральные и частные средства. Например, инфраструктура Универсиады-2013 потребовала реконструкции железной дороги и аэропорта, а позднее был запущен проект спортивных объектов (стадион «Казань-Арена», бассейны, Дворец единоборств и др.), что создало десятки тысяч рабочих мест и улучшило качественные характеристики города. Сегодня в Казани более двух тысяч спортивных объектов — результат многолетних инвестиций в спорт.

Вывод по кейсам: и Сочи, и Казань добились своих брендинговых целей через сочетание масштабных проектов (Олимпиада, Универсиада, ЧМ) и целенаправленных маркетинговых кампаний. Оба города инвестировали в инфраструктуру, поддерживали визуальный стиль бренда и привлекали внимание СМИ и партнёров. Успешное закрепление бренда принесло рост туристических потоков и привлечение инвестиций в соответствующие отрасли: курорты в Сочи и спортивные объекты в Казани. Это подтверждает, что правильно выстроенный муниципальный бренд работает на экономическое развитие города.

Таблица 1

Сравнительная характеристика брендинга территорий (Казань, Сочи и малые муниципалитеты)

Инструмент / Этап	Казань (спорт)	Сочи (курорт)	Малые муниципалитеты
Стратегия / позиционирование	Ориентация на спортивные объекты и турниры (Универсиада, ЧМ)	Ориентация на природный и исторический потенциал (горы, море, Олимпиада)	Выделение локальной особенности (исторический памятник, природное явление, промысел); разработка миссии и слогана на местную тему.
Лого и айдентика	Брендовый логотип, который используется в промо-материалах и атрибутике (сувениры с символикой клубов)	Новый логотип с элементами пальм, гор и волн (2020); визуальные образы Олимпиады	Разработка простого логотипа и фирменного стиля через конкурс и волонтерские инициативы; использование официального герба и цветов города.
Коммуникации и PR	Масштабные международные кампании (AdIndex, Effie); освещение в СМИ турниров	Продвижение на туристических выставках; реклама на федеральных каналах; соцсети города; участие в форумах (WTM, MITT)	Посты в соцсетях о местных достопримечательностях; сотрудничество с региональными туроператорами; участие в тематических IT и культурных форумах.
События / инфраструктура	Организация международных соревнований (Казань-Арена, Универсиада-2013)	Развитие инфраструктуры Олимпийского парка, санаториев, благоустройство набережных	Проведение местных праздников (например, фестивалей ремесел), создание небольших прогулочных маршрутов, обновление туристических стендов.
Бюджет и ресурсы	Высокие (средства из федерального и республиканского бюджетов на спорт); также спонсоры чемпионатов	Средства федерального бюджета и курортного сбора; инвестиции в объекты КРТ	Низкие — в основном собственный бюджет (обычно <0,1–0,5 млн руб.), гранты (туристические фонды), добровольный труд; краудфандинг и спонсоры из МСП.

Малые города не могут конкурировать с мегаполисами в масштабах финансирования мероприятий или грандиозных инфраструктурных проектов. Вместо этого им следует опираться на локальные уникальные ресурсы и гибкие, низкобюджетные инструменты. Опыт показывает, что даже небольшим городам под силу создать узнаваемый бренд при разумном подходе.

- Стратегические инструменты: изучение и селективное продвижение ключевых особенностей территории. Например, в брендинге Сочи выделили природные и исторические «достоинства» (горы, леса, приморская идентичность), в Казани — спортивные достижения. Малый город может найти «изюминку» в своей истории или культуре (как это удалось Костроме — бренд «Кострома — город золотого кольца»), или Керчи со своим нетуристическим имиджем. Важно сформулировать миссию бренда и слоган, отражающий эти особенности.

- Символические инструменты: визуальная айдентика (логотип, герб, цветовая палитра), туристические продукты (сувениры, путеводители, сайты). Например, для Владивостока бренд сделал акцент на природной достопримечательности: обновление набережных и выпуск экопродукции с изоб-

ражением морской фауны [6]. Малые города могут организовывать дизайн-конкурсы для создания логотипа и айдентики, выпускать тематические сувениры (открытки, значки) и издавать красочные путеводители о своих памятниках.

- Коммуникационные инструменты: интернет и социальные сети, события и PR. Крупные города проводят международные рекламные кампании, а малые — могут эффективно использовать соцсети, региональные СМИ и туристические платформы. Организация локальных фестивалей или ярмарок (этнографических, гастрономических, культурных) — один из наиболее доступных способов заявить о себе широким кругам. Например, проведение ежегодного фестиваля в честь местной традиции или проекта «Дни города» привлекает туристов и СМИ за умеренные средства.

- Инфраструктурные и партнёрские инструменты: создание базовых удобств (туристической навигации, малых архитектурных форм), а также сотрудничество с бизнесом и крупными проектами. Многие малые города используют государственные программы поддержки туризма и культурного наследия для финансирования проектов брендинга. При этом часто задействуют волонтеров — студентов, краеведов, предпринимателей — для разработки концепций и проведения мероприятий.

При планировании брендинга малых городов критично учитывать бюджетные ограничения. Исследование практики показало, что половина малых городов работает с бюджетами менее 100 тыс. руб. на разработку бренда, а лишь около 15% — с суммами свыше 500 тыс. руб. [7]. Многие проекты реализуются «внутренними силами» администрации без привлечения дорогостоящих агентств. Это накладывает ограничения: чаще используются дешёвые медиа (сайт, соцсети), прямые мероприятия с местной аудиторией, а не крупные внешние кампании. Тем не менее даже такие малобюджетные инициативы могут дать ощутимый эффект при грамотном подходе.

Обобщая результаты, можно выделить следующие рекомендации по брендингу территорий в контексте привлечения инвестиций:

- Учитывать специфику масштаба: крупный город, как Сочи или Казань, способен формировать бренд через масштабные события и программы за счёт больших бюджетов, тогда как малый муниципалитет должен найти локальное конкурентное преимущество и работать с доступными ресурсами. Важно правильно подать «портрет» города целевым группам.

- Последовательность этапов: любой бренд-проект должен начинаться с анализа ресурсов территории (экономических, культурных, рекреационных). Затем следует чётко сформулировать стратегию бренда (миссию, целевую аудиторию) и провести комплексную рекламную-коммуникационную кампанию по продвижению имиджа.

- Социальная вовлечённость: успешный брендинг невозможен без поддержки местных жителей. Рекомендуется привлекать общественность к разработке идей и участию в мероприятиях: открытые конкурсы логотипов, краеведческие проекты, волонтерские отряды. Местные жители могут выступать «амбассадорами» бренда, рекламируя свой город знакомым и гостям.

- Мониторинг и адаптация: необходимо регулярно оценивать эффективность бренда (опросы удовлетворённости, динамика инвестиций, туристический поток) и при необходимости корректировать стратегию. Например, Сочи активно анализирует отчеты ТОС и запросы туристов, чтобы определить, какие места благоустроить.

- Целевое бюджетирование: при ограниченных средствах малым муниципалитетам полезно стремиться к софинансированию (гранты, спонсорские программы) и проектной работе (поэтапное выполнение задуманного). Важно грамотно распределить даже небольшой бюджет: например, вложиться в цифровой контент (веб-сайт, виртуальные туры) или в организацию одного яркого мероприятия, которое даст максимальный рекламный эффект.

В заключение отмечаем, что территориальный брендинг — это мощный инструмент привлечения инвестиций через формирование благоприятного имиджа. На примере Сочи и Казани видно, что системное продвижение городских брендов в сочетании с реальными инвестициями в отрасль (туризм или спорт) приводит к устойчивому экономическому росту. Малые города могут использовать аналогичные принципы в упрощённом виде: выделить уникальность, собрать вокруг идеи сообщество и по-

следовательно презентовать себя внешнему миру. При этом даже при ограниченных ресурсах правильный бренд «своего места» способствует росту узнаваемости и привлечению новых проектов — ведь инвесторы ценят не только цифры, но и имидж региона, в котором им предстоит работать.

Список источников

1. Копайгородский А. В. «Сочи — это бренд, который нужно постоянно подтверждать и укреплять» // Коммерсантъ — Краснодар, 15.12.2023.
2. Город-курорт Сочи получил новый туристический бренд // Sostav.ru, 21.12.2020.
3. Проект «Казань — спортивная столица России» стал победителем премии «Бренд года/EFFIE 2011» // Пресс-релиз AdIndex.ru, 13.04.2012.
4. АНО «Дирекция спортивных и социальных проектов». О Казани [Электронный ресурс] // dspkazan.com, 2024. URL: <https://dspkazan.com/kazan-city/history/> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Петрова П. Мэрия Казани получила гран-при за бренд «Спортивная столица России — Казань» // Коммерсантъ — Казань, №67, 14.04.2012.
6. Старкова Г. П., Слободянюк П. О. Развитие территории с помощью инструментов брендинга на примере Владивостока // Молодой ученый. 2021. № 1 (343). С. 202–203.
7. Макаров П. Ю., Соколова М. В., Илларионова А. Е. Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 66–88.

© Е.М. Рязанцева, 2026

УДК 338

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

ЭЛЬБИЕВ МАГОМЕД ШАМСУДИНОВИЧ

Магистрант

ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет»
имени академика Миллионщикова

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы повышения эффективности управленческой деятельности предприятия в условиях цифровой трансформации экономики. Исследованы основные направления внедрения цифровых технологий в систему управления организацией, включая автоматизацию бизнес-процессов, использование информационно-аналитических систем и технологий искусственного интеллекта. Обоснована необходимость развития цифровых компетенций персонала и формирования инновационной корпоративной культуры. Сделан вывод о том, что комплексное применение цифровых инструментов способствует повышению качества управленческих решений, росту конкурентоспособности и обеспечению устойчивого развития предприятия.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, управленческая деятельность, эффективность управления, цифровые технологии, автоматизация бизнес-процессов, искусственный интеллект, управленческие решения, конкурентоспособность предприятия.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE COMPANY'S MANAGEMENT ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

Elbiev Magomed Shamsudinovich

Abstract: The article discusses topical issues of improving the efficiency of the company's management activities in the context of the digital transformation of the economy. The main directions of the introduction of digital technologies into the organization's management system, including the automation of business processes, the use of information and analytical systems and artificial intelligence technologies, are investigated. The necessity of developing the digital competencies of the staff and the formation of an innovative corporate culture is substantiated. It is concluded that the integrated use of digital tools contributes to improving the quality of management decisions, increasing competitiveness and ensuring sustainable development of the enterprise.

Keywords: digital transformation, digital economy, management activities, management efficiency, digital technologies, automation of business processes, artificial intelligence, management solutions, competitiveness of the enterprise.

Современный этап развития экономики характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все сферы хозяйственной деятельности. Цифровая трансформация становится одним из ключевых факторов устойчивого развития предприятий, поскольку способствует повышению эффективности управления, оптимизации бизнес-процессов и формированию новых конкурентных преимуществ. В

этих условиях управленческая деятельность приобретает качественно новое содержание, основанное на использовании больших данных, цифровых платформ, искусственного интеллекта и автоматизированных систем поддержки принятия решений.

Развитие цифровой экономики оказывает существенное влияние на подходы к организации управления предприятиями. Руководители получают возможность использовать актуальную информацию о состоянии производственных, финансовых и логистических процессов практически в режиме реального времени. Это позволяет своевременно выявлять отклонения от плановых показателей, оперативно корректировать деятельность подразделений и принимать более обоснованные управленческие решения. Таким образом, цифровые технологии становятся важным инструментом повышения качества управления и обеспечения устойчивого развития организации [2, с. 74].

Повышение эффективности управления невозможно без комплексной цифровизации бизнес-процессов предприятия. Современные информационные системы позволяют автоматизировать процессы планирования, контроля, анализа и прогнозирования, значительно сокращая время обработки информации и снижая вероятность принятия ошибочных управленческих решений. Кроме того, цифровые технологии обеспечивают оперативный обмен информацией между подразделениями организации, что способствует повышению качества координации деятельности и ускорению реакции предприятия на изменения внешней среды.

Одним из наиболее значимых направлений цифровой трансформации является внедрение интегрированных корпоративных информационных систем, объединяющих данные различных подразделений предприятия в единое информационное пространство. Подобный подход позволяет исключить дублирование информации, повысить прозрачность управленческих процессов и обеспечить единые стандарты принятия решений. Использование цифровых платформ способствует формированию эффективной системы мониторинга деятельности предприятия и позволяет руководителям быстрее реагировать на изменения внутренней и внешней среды [4, с. 96].

Одним из важнейших условий успешной цифровой трансформации является изменение модели управления организацией. Традиционные иерархические структуры постепенно уступают место более гибким системам управления, основанным на проектном подходе, командной работе и цифровых коммуникациях. Руководители предприятий должны обладать новыми компетенциями, связанными с управлением цифровыми проектами, анализом данных и развитием инновационной корпоративной культуры [3, с. 56].

Важным фактором повышения эффективности управленческой деятельности становится формирование цифровой культуры организации. Она предполагает готовность сотрудников к постоянному освоению новых технологий, развитию профессиональных компетенций и участию в инновационных проектах. Предприятия, уделяющие внимание обучению персонала и развитию цифровых навыков работников, значительно быстрее адаптируются к изменениям внешней среды и эффективнее реализуют проекты цифровой трансформации [3, с. 53].

Особую роль в повышении эффективности управленческой деятельности играет использование аналитических инструментов, позволяющих обрабатывать значительные объемы информации в режиме реального времени. Применение технологий Business Intelligence, систем интеллектуального анализа данных и прогнозной аналитики способствует более точной оценке состояния предприятия, выявлению рисков и формированию обоснованных стратегических решений. В результате повышается адаптивность предприятия к изменениям рыночной конъюнктуры и обеспечивается рост его конкурентоспособности [4, с. 102].

Следует отметить, что цифровая трансформация способствует не только совершенствованию оперативного управления, но и повышению качества стратегического планирования. Использование методов прогнозной аналитики позволяет моделировать различные сценарии развития предприятия, оценивать последствия принимаемых решений и выбирать наиболее эффективные направления развития бизнеса. Это особенно важно в условиях высокой неопределенности внешней среды и усиления конкурентной борьбы [4, с. 108].

Вместе с тем цифровая трансформация сопровождается рядом организационных проблем. Среди наиболее значимых можно выделить недостаточный уровень цифровой зрелости предприятий, дефицит квалифицированных специалистов, сопротивление персонала организационным изменениям и необходимость значительных инвестиций в цифровую инфраструктуру. Дополнительными факторами риска являются обеспечение информационной безопасности, защита корпоративных данных и необходимость постоянного обновления программного обеспечения в соответствии с современными требованиями [5, с. 118].

Для успешного преодоления указанных проблем требуется формирование комплексной стратегии цифровой трансформации, включающей развитие человеческого капитала, модернизацию бизнес-процессов, совершенствование системы корпоративного управления и создание эффективной цифровой инфраструктуры. Важным элементом такой стратегии является непрерывная оценка результатов внедрения цифровых технологий с использованием системы ключевых показателей эффективности, позволяющей своевременно корректировать управленческие решения и повышать результативность деятельности предприятия [5, с. 121].

Таким образом, повышение эффективности управленческой деятельности предприятия в условиях цифровой трансформации экономики представляет собой комплексный процесс, предполагающий внедрение современных цифровых технологий, совершенствование организационной структуры управления, развитие цифровых компетенций персонала и применение аналитических инструментов поддержки принятия решений. Реализация данных направлений способствует повышению эффективности использования ресурсов предприятия, ускорению управленческих процессов, улучшению качества стратегического планирования и укреплению конкурентных позиций организации в условиях цифровой экономики. В долгосрочной перспективе именно способность предприятий эффективно использовать цифровые технологии становится одним из ключевых факторов их устойчивого развития и успешного функционирования на современном рынке.

Список источников

1. Флек М. Б., Угнич Е. А. Управление предприятием в условиях цифровой трансформации. - Ростов н/Д: Донской государственный технический университет, 2020. - 246 с.
2. Меняев М. Ф. Цифровая экономика предприятия: учебник. - Москва: ИНФРА-М, 2020. - 369 с.
3. Яхонтова Е. С. Цифровая трансформация и модели управления компанией // Проблемы теории и практики управления. - 2020. - № 1. - С. 48–55.
4. Ершова Н. А., Миронова О. В., Сергеева Н. В. Трансформация модели управления в условиях цифровой экономики: монография. – Москва: Проспект, 2023. - 198 с.
5. Мозговой Александр Иванович, Кузина Галина Петровна, Крылов Александр Николаевич ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ // Вестник евразийской науки. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-problemy-tsifrovoy-transformatsii-biznesa-rossiyskih-predpriyatiy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 05.07.2026).

УДК 330.4

КЕЙСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОГРАММАХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЕВГРАФОВА И.В.

студент

Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию метода кейсов как эффективного инструмента формирования профессиональных компетенций обучающихся по программам среднего профессионального образования в сфере банковской деятельности. Рассматриваются теоретические основы и практические аспекты применения кейс-метода при изучении деятельности кредитных организаций

Ключевые слова: Кейс-метод, кредитные организации, среднее профессиональное образование, профессиональные компетенции, практико-ориентированное обучение, банковская деятельность, образовательные технологии.

CASES AS A TOOL FOR MASTERING THE ACTIVITIES OF CREDIT ORGANIZATIONS IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION PROGRAMS

Evgrafova I.V.

Annotation. The article is devoted to the study of the case method as an effective tool for developing professional competencies of students enrolled in secondary vocational education programs in the field of banking. The article examines the theoretical foundations and practical aspects of using the case method in studying the activities of credit organizations.

Keywords: Case method, credit institutions, secondary vocational education, professional competencies, practice-oriented training, banking activities, and educational technologies.

В программах среднего профессионального образования по профилю «Деятельность кредитных организаций» активно используется метод кейсов. Это практическое внедрение основано на реальных ситуациях, с которыми сталкиваются финансовые учреждения. Студенты анализируют работу кредитных организаций в условиях экономических кризисов, изменений в законодательстве или изменяющихся предпочтений потребителей. Такой подход помогает связать теоретические знания с реальными банковскими процессами, для которого необходимо подробное изучение темы на жизненных примерах.

Кейсы могут быть направлены на разработку инновационных финансовых решений и услуг. В рамках этих заданий учащиеся разрабатывают бизнес-планы для проектов, связанных с кредитованием или депозитами, используя данные маркетинговых исследований, анализ конкурентной среды и финансовые прогнозы. Это способствует развитию у студентов системного мышления и стратегического подхода.

Кроме того, кейсы могут затрагивать этические или юридические дилеммы, возникающие в кредитной деятельности. Решение таких задач способствует пониманию важности соблюдения професси-

ональных стандартов и законодательства. Работа над кейсами в группах также развивает навыки командного взаимодействия и общения. Подготовка итоговых презентаций по результатам анализа помогает студентам адаптироваться к будущей профессиональной среде.

Сегодня, когда финансовый сектор активно развивается, подготовка квалифицированных специалистов для работы в кредитных организациях становится особенно важной. Метод кейсов здесь служит эффективным инструментом для изучения деятельности кредитных организаций. Он позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации и развивать практические навыки принятия решений.

Разработка эффективных кейсов для подготовки специалистов в сфере банковского дела требует комплексного подхода, учитывающего ряд фундаментальных аспектов. Прежде всего, кейсы должны быть тесно связаны с актуальными профессиональными стандартами и максимально точно отражать реалии современной банковской индустрии. Важно, чтобы предлагаемые сценарии были правдоподобными и допускали существование множества альтернативных путей решения [2].

В рамках преподавания банковских дисциплин применяются разнообразные типы кейсов. Так, структурированные кейсы служат инструментом для отработки типовых банковских операций, таких как расчет процентных ставок, оформление депозитных договоров и процедуры кредитования. Неструктурированные кейсы, напротив, предназначены для анализа сложных управленческих дилемм, требующих принятия стратегических решений. Первооткрывательские кейсы стимулируют развитие креативного мышления и поиск новаторских подходов в банковской деятельности.

Процесс работы с кейсом обычно включает несколько последовательных стадий. На начальном этапе обучающиеся детально изучают представленную ситуацию, идентифицируя ключевую проблему. Далее следует этап анализа возможных вариантов действий, за которым следует выбор наиболее оптимального решения с учетом всех релевантных факторов. Завершающая фаза предполагает представление полученных результатов и их последующее обсуждение, разбор вопросов, проблемных ситуаций [5]. Применение кейс-метода в обучении банковских профессионалов демонстрирует высокую результативность. Этот подход позволяет сформировать практические навыки работы с нетипичными банковскими ситуациями, развить аналитические способности, повысить мотивацию к профессиональному росту и успешно адаптироваться к динамичным условиям современного финансового рынка. Особое внимание следует уделять методическому обеспечению процесса работы с кейсами. Преподавателю необходимо тщательно организовать учебный процесс, предоставить обучающимся необходимые информационные ресурсы и создать благоприятную среду для продуктивного взаимодействия в группах при решении поставленных задач [6].

Однако, кейс-метод в СПО зародился в Гарвардской школе бизнеса, где были выделены следующие иды кейсов: дескриптивные (описание ситуации), проблемные (с противоречиями), оценочные (для проверки компетенций), прогностические (с прогнозированием последствий), описанные выше методы соответствует ФГОС СПО, анализирую источники данной темы, эффективность оценивается следующими вводными: 87% студентов лучше понимают материал, 74% чувствуют рост профессиональной уверенности, средний балл повышается на 0,8 пункта. Формируются общие компетенции (ОК-2, ОК-4, ОК-6) и профессиональные навыки. Работодатели отмечают готовность выпускников к работе [2].

Стандартизация образовательного процесса осуществляется в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования (ФГОС СПО), профессиональными стандартами Банка России и международными нормами. Образовательные программы включают современные методики оценки эффективности обучения, такие как скорость адаптации выпускников на рынке труда, успешность прохождения внутренних аттестаций и уровень заработной платы специалистов.

Инновационные подходы к разработке кейсов охватывают междисциплинарные проекты и социально-ориентированные задания в области финансовой грамотности. Образовательный процесс трансформируется в сторону гибридных форматов, активно использующих цифровые платформы, проектную работу в междисциплинарных командах и виртуальные стажировки в банковских средах.

Система контроля качества подготовки специалистов включает регулярное обновление базы кейсов, оценку удовлетворенности обучающихся и анализ данных о трудоустройстве выпускников. Важным элементом является мониторинг профессионального развития и своевременная корректировка образовательных программ [3].

Существенную роль в повышении эффективности обучения играет поддержка со стороны практикующих специалистов, а также участие студентов в профессиональных конкурсах молодых специалистов. Это дает возможность не только закрепить теоретические знания, но и приобрести реальный опыт решения практических задач в условиях, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности, к которым у обучающихся есть возможность подготовиться, используя кейс-технологии, например: бизнес-план [7].

Таким образом, непрерывное совершенствование и адаптация кейс-метода к новым вызовам банковской сферы обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов, способных эффективно функционировать в условиях цифровой экономики и стремительно меняющегося финансового рынка.

Список источников

1. Федеральный закон "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" от 10.07.2002 N 86-ФЗ (последняя редакция)

УДК 339.5

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ЗУЕВА ЕВА ДМИТРИЕВНА

студент

Белорусский национальный технический университет

Научный руководитель: Кожар Владимир Владимирович

ст. преподаватель

Белорусский национальный технический университет

Аннотация: в статье рассматривается сущность внешнеторговой деятельности и ее роль в развитии экономики, а также исследуется, какое значение играет государственное регулирование в эффективности внешнеторговой деятельности и с помощью каких инструментов оно осуществляется.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность, эффективность внешней торговли, государственное регулирование, тарифные и нетарифные методы, институциональная среда, экономическая устойчивость.

THE ROLE OF GOVERNMENT POLICY IN ENHANCING THE EFFICIENCY OF FOREIGN TRADE ACTIVITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN MODERN CONDITIONS

Zueva Eva Dmitrievna

Scientific adviser: Kozhar Vladimir Vladimirovich

Abstract: the article examines the essence of foreign trade activity and its role in the development of the economy, as well as examines the importance of state regulation in the effectiveness of foreign trade activities and the tools used to implement it.

Key words: foreign trade, efficiency of foreign trade, government regulation, tariff and non-tariff methods, institutional environment, economic sustainability.

Эффективность внешнеторговой деятельности является важнейшим критерием жизнеспособности и устойчивости функционирования экономики государства. Именно благодаря экспорту и импорту государство в рамках внешнеторгового оборота снабжается необходимыми ресурсами, технологиями и денежными потоками, получая возможность дальнейшего свободного развития. При этом эффективность функционирования внешнеэкономической деятельности значительно зависит от проводимой государственной политики, которая включает создание необходимой институциональной среды, поддержку предприятий-экспортеров, разработку систем диверсификации рынков и другие инструменты. Особенно в условиях высокой степени неопределенности и санкционных ограничений государственное регулирование стало играть критическую роль в обеспечении эффективности внешней торговли, сви-

детельствуя о необходимости изучения влияния государственной политики.

По мнению российского политического деятеля, ученого и публициста Р. И. Хасбулатова, внешнеторговая деятельность определяется как предпринимательская деятельность в области международного обмена товарами, работами, услугами, информацией, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность) [1, с. 90]. Данное определение соответствует общему понятию, сформулированному в главном нормативном акте Республики Беларусь, регулирующим соответствующую сферу экономики, – Законе Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности». Согласно ему, внешнеторговая деятельность представляет собой деятельность по осуществлению внешней торговли товарами, и (или) услугами, и (или) объектами интеллектуальной собственности [2].

Внешнеторговая деятельность (ВТД) является элементом внешнеэкономической деятельности и включает в себя осуществление таких процессов между резидентами и нерезидентами, как экспортно-импортные операции, реэкспорт, реимпорт, а также логистические процессы. Важность данной сферы для развития экономики любого государства безусловна, поскольку именно благодаря данным процессам страна получает доступ к нужным ресурсам, новым технологиям и рынкам. Помимо этого, благодаря экспорту осуществляется приток иностранной валюты, что позволяет формировать золотовалютные резервы для поддержания стабильности национальной валюты. Также с помощью ВТД страна участвует в международном разделении труда, специализируясь на производстве определенных видов товаров в зависимости от наличия соответствующих условий и ресурсов для их производства и сбыта. Это позволяет предприятиям специализироваться на более конкурентоспособных направлениях деятельности и обеспечивает возможность реализации товаров и услуг в значительно больших масштабах, чем могло быть сбыто только в рамках одного государства. Все это в совокупности влияет на повышение конкурентоспособности страны и позволяет развиваться в соответствии с темпами внешнего мира.

Понимая значимость данной сферы деятельности, осознается необходимость обеспечения ее высокой эффективности. Под эффективностью ВТД понимается отношение результата внешнеторговой сделки между хозяйствующими субъектами к затратам на ее осуществление [3, с. 75]. Также можно сказать, что эффективность ВТД определяет способность государства получать экономические выгоды от внешней торговли.

Для ее оценки могут использоваться различные группы показателей:

- абсолютные величины: объемы экспорта и импорта продукции, сальдо торгового баланса;
- относительные величины: структура экспорта, доля государства в мировом экспорте;
- финансовые показатели: рентабельность внешнеторговых сделок, добавленная стоимость экспорта и др.

На эффективность ВТД оказывает влияние множество различных факторов, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Внешние факторы. К ним относятся внешнеторговая политика стран-субъектов ВТД, конъюнктура и емкость внешних рынков, фактор глобальной неопределенности. При этом большинство внешних факторов относятся к неконтролируемым и оказывают особенное влияние на страны с открытой экономикой, поэтому они требуют постоянного отслеживания и своевременной реакции со стороны предприятий и государства [4, с. 51].

2. Внутренние факторы. Факторы, действующие внутри страны, также можно подразделить на соответствующие подгруппы в зависимости от их сферы действия. Институциональные факторы включают нормативную базу, касающуюся функционирования субъектов хозяйствования; таможенную политику, в том числе таможенные пошлины, торговые преференции, антидемпинговые меры и т. д.; а также инструменты государственного регулирования, применяемые для сдерживания либо поддержки экономической деятельности субъектов хозяйствования. Технологические факторы включают уровень цифровизации, наличие высоких технологий и интеллектуального капитала. К финансовым факторам относятся доступ к финансированию, проводимая валютная политика, установленные ставки кредитования.

3. Логистические факторы. Они включают доступность и оптимальность транспортных коридоров, стоимость логистики, скорость транспортировки, доступ к портам. Логистический фактор значительно

влияет на объем издержек, связанных с закупкой сырья и реализацией продукции, соответственно, максимальная оптимизация логистики существенно повышает эффективность ВТД.

При этом государственное регулирование в зависимости от сложившейся под действием внутренних и внешних факторов обстановки занимается созданием наилучших условий для функционирования субъектов внешней торговли и максимального расширения ее масштабов, тем самым выступая одним из важнейших факторов эффективности ВТД.

Государственное регулирование ВТД представляет собой комплексную систему разнообразных мер законодательного, исполнительного, а также контролирующего характера, реализуемых уполномоченными органами государственной власти. Государственная политика в данной сфере направлена на достижение следующих целей:

- использование внешнеэкономических связей для ускорения создания развитой национальной экономики;
- повышение производительности труда и качества национальной продукции путем освоения новых технологий, качественного сырья, а также включения государственных предприятий в мировую конкуренцию;
- защита национальных внешнеэкономических интересов, защита внутреннего рынка;
- поддержание благоприятного международного режима во взаимоотношениях с различными государствами и международными организациями [5, с. 83-84].

Главным нормативным актом, регулирующим ВТД в Республике Беларусь, как говорилось ранее, является Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. №347-3 «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности». В нем закреплены цели, принципы, методы регулирования и полномочия государственных органов в сфере ВТД.

Осуществление государственного регулирования ВТД происходит с помощью различных экономических и финансовых мер для регулирования экспортно-импортной деятельности субъектов хозяйствования, а также за счет использования тарифных и нетарифных методов государственного контроля.

Для поддержки государственных предприятий, осуществляющих ВТД, применяются государственные преференции, предусматривающие налоговые льготы, выгодные кредиты или временное освобождение от таможенных пошлин. Также применяется предоставление экспортных субсидий для стимулирования вывоза отечественной продукции на внешние рынки с помощью государственного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ или производства продукции экспортно-ориентированных предприятий. Кроме того, для защиты предприятий-экспортеров от экономических и политических рисков при международных поставках осуществляется страхование экспортных рисков при поддержке государства.

Тарифные и нетарифные методы направлены на государственный контроль объемов импорта и экспорта товаров и услуг. Тарифные методы основаны на применении таможенных пошлин и квот. При повышении таможенных пошлин цена импортируемой продукции повышается и отечественные товары становятся на рынке более конкурентоспособными. В обратном случае снижение пошлин или установление тарифных квот используется для стимулирования импорта нужного сырья, оборудования и технологий. К нетарифным методам относятся лицензирование, сертификация, технические регламенты, которые помимо регулирования объема импорта продукции направлены на обеспечение достойного качества и безопасности ввозимой продукции.

Также можно выделить организационные меры, осуществляемые государством для повышения эффективности ВТД. Они включают создание государственных программ поддержки экспорта, государственных экспортных центров для помощи отечественным предприятиям в выходе на внешний рынок, создание особых экономических зон, а также разработку международных соглашений в сфере экономики для расширения рынков сбыта и устранения барьеров при внешнеторговом обороте между странами.

В заключение стоит отметить, что в текущих сложных условиях, характеризующихся санкциями, высокой степенью неопределенности и необходимостью изменения логистических маршрутов, государственное регулирование остается одним из важнейших факторов для стабилизации экономического

состояния. В настоящее время с помощью государственной политики совершенствуется нормативная база для снижения административных барьеров, заключаются новые международные экономические соглашения для расширения международного сотрудничества, перенаправления логистических потоков и сохранения объемов реализации, а также осуществляется поддержка предприятий-экспортеров с помощью различных экономических, институциональных и организационных мер, что существенно усиливает ВТД государства.

Список источников

1. Международные экономические отношения: [В 2 т.] / Под общ. ред. Хасбулатова Р. И. - М.: Новости, 1991.
2. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : Закон Респ. Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-3 : в ред. от 12 июля 2023 г. № 280-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь (дата обращения: 28.06.2026).
3. Кожар, В. В. Факторы эффективности внешнеторговой деятельности Республики Беларусь в новых условиях / В. В. Кожар // Вести Института предпринимательской деятельности. – 2022. – №1(26). – С. 50–56.
4. Ефимцева, Т. В. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности: методы и их правовая сущность / Т. В. Ефимцева, А. С. Алитурлиев // Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 83–93.

© Е.Д. Зуева, 2026

УДК 72.01:502.131.1

РЕГЕНЕРАТИВНЫЙ ДИЗАЙН: ЗДАНИЯ, КОТОРЫЕ ОЧИЩАЮТ ВОЗДУХ И ВОССТАНАВЛИВАЮТ ГОРОДСКУЮ ЭКОСИСТЕМУ

НАЗИЕВ ЭЛЬВИН АХМЕД ОГЛЫ

студент

САЛАГОР ИННА РАЗИЛОВНА

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Томский государственный архитектурно-строительный университет»

Аннотация: в статье рассматривается регенеративный дизайн как направление архитектурного проектирования, ориентированное на положительное воздействие здания на городскую среду. Выделены механизмы очистки воздуха, восстановления водного режима, поддержки биоразнообразия и формирования экологического каркаса. Особое внимание уделено применимости таких решений в условиях плотной застройки и холодного климата.

Ключевые слова: регенеративный дизайн, экологическая архитектура, зеленая инфраструктура, очистка воздуха, городская экосистема, биофильный подход, устойчивое развитие.

REGENERATIVE DESIGN: BUILDINGS THAT PURIFY AIR AND RESTORE THE URBAN ECOSYSTEM

Naziyev Elvin Akhmed ogly,
Salagor Inna Razilovna

Abstract: the article considers regenerative design as an architectural approach focused on the positive impact of a building on the urban environment. The paper identifies mechanisms of air purification, water regime restoration, biodiversity support and formation of an ecological framework. Special attention is paid to the applicability of these solutions in dense urban areas and cold climates.

Key words: regenerative design, ecological architecture, green infrastructure, air purification, urban ecosystem, biophilic approach, sustainable development.

Введение

Развитие городов сопровождается ростом плотности застройки, увеличением площади твердых покрытий и сокращением непрерывных природных территорий. В результате здание все чаще воспринимается не только как объект размещения функций, но и как элемент городской экологической системы. Для архитектуры это меняет постановку задачи: недостаточно просто уменьшить расход ресурсов, необходимо определить, может ли объект улучшать состояние территории, на которой он расположен.

Актуальность темы усиливается двумя обстоятельствами. Во-первых, загрязнение атмосферного воздуха остается значимым фактором риска для здоровья населения: Всемирная организация здравоохранения связывает его с воздействием твердых частиц, оксидов азота и других загрязнителей [1]. Во-вторых, сектор зданий и строительства сохраняет крупную долю в мировом энергопотреблении и вы-

бросах углекислого газа, поэтому экологическая архитектура не может ограничиваться декоративным озеленением [2].

Цель статьи — определить, какими средствами регенеративный дизайн позволяет проектировать здания, участвующие в очистке воздуха и восстановлении городской экосистемы. Для достижения цели рассматриваются отличие регенеративного подхода от устойчивого проектирования, основные архитектурные механизмы экологического воздействия и практические ограничения применения таких решений в российских городах.

Регенеративный подход в архитектуре

Устойчивое проектирование обычно описывает стратегию снижения ущерба: меньше энергии, меньше воды, меньше отходов, меньше выбросов. Такая логика необходима, однако она задает в основном оборонительную позицию по отношению к природе. Регенеративный дизайн формулирует более высокий критерий: здание должно не только потреблять меньше ресурсов, но и участвовать в восстановлении качества места. В работах Б. Рида регенеративная архитектура рассматривается как переход от «зеленых» технических приемов к проектированию живых систем, способных развиваться во времени [3].

Ключевое отличие регенеративного здания состоит в том, что его экологическая ценность оценивается не по набору внешних признаков, а по результату. Зеленая кровля, фасадное озеленение или использование природных материалов не являются достаточным доказательством регенеративности. Они становятся частью регенеративной системы только тогда, когда связаны с конкретными показателями: снижением пылевой нагрузки, задержкой поверхностного стока, улучшением микроклимата, ростом разнообразия растений и насекомых, повышением доступности природной среды для пользователей.

Здания как инструмент очистки воздуха

Архитектура не способна заменить транспортную, промышленную и энергетическую экологическую политику, но она может влиять на качество воздуха в зоне повседневного пребывания человека: у фасада, во дворе, на террасе, в общественном пространстве и внутри здания. Основной принцип здесь заключается в объединении пассивных и активных решений. Пассивные решения уменьшают образование и накопление загрязнений, активные — обеспечивают фильтрацию, контроль и обслуживание.

Первый механизм связан с растительностью. Листовая поверхность задерживает часть твердых частиц, а растения способны поглощать отдельные газообразные загрязнители. Эффективность зависит от площади листьев, фактуры поверхности, видового состава и условий роста. Исследования зеленой инфраструктуры в уличных каньонах показывают, что растительность может снижать концентрации загрязнений, но результат определяется геометрией улицы и воздухообменом [5]. Поэтому в плотной застройке нельзя механически заменять расчет фразой «добавить деревья»: иногда более уместны зеленые стены, низкие кустарники или проницаемые посадки, не перекрывающие вентиляцию улицы.

Второй механизм — аэродинамическая организация пространства. Конфигурация двора, высота застройки, расположение входов, галерей и экранов влияют на перенос загрязненного воздуха. Регенеративная логика требует не создавать «карманы» застоя у пешеходного уровня. При проектировании необходимо проверять, как озеленение и малые архитектурные формы изменяют проветривание. Особенно это важно для участков рядом с магистралями, парковками и зонами погрузки.

Третий механизм относится к внутренней среде. Здание может защищать пользователей от наружных загрязнений за счет приточно-вытяжной вентиляции с фильтрацией, рекуперации тепла, контроля CO₂ и PM_{2.5}, тамбуров при входах и низкоэмиссионных отделочных материалов. Такое решение нельзя рассматривать отдельно от энергетики: высокое качество воздуха не должно достигаться избыточным расходом энергии. Поэтому очистка воздуха должна проектироваться вместе с тепловой защитой, автоматикой и графиком технического обслуживания.

Практическую структуру решений можно представить в виде проектной матрицы, где каждый прием связан с проверяемым экологическим результатом (табл. 1).

Таблица 1

Матрица решений регенеративного здания

Уровень	Прием	Экологический результат	Ограничение
Участок	Сохранение деревьев, дождевые сады, водопроницаемые покрытия	Удержание осадков, снижение пылевого подъема, поддержка почвы	Грунты, реагенты, зимняя уборка
Фасад	Зеленые стены, перголы, шероховатые минеральные поверхности	Осаждение частиц, локальное охлаждение, микрометеобитания	Ветер, инсоляция, пожарные требования
Кровля	Экстенсивная зеленая кровля, участки для опылителей	Задержка стока, снижение перегрева, прирост биоразнообразия	Снеговая нагрузка, дренаж, обслуживание
Инженерия	Фильтрация приточного воздуха, датчики PM2.5 и CO2	Контроль качества внутренней среды	Стоимость фильтров, энергопотребление
Эксплуатация	Мониторинг воздуха, воды и состояния растений	Переход от декларации к измеряемому эффекту	Ответственный оператор, регулярность измерений

Восстановление городской экосистемы

Очистка воздуха является только одной частью регенеративного эффекта. Городская экосистема включает почву, воду, растительность, животных, микроорганизмы и человека. В обычной застройке эти элементы часто разорваны: почва изолирована асфальтом, осадки быстро уходят в ливневую канализацию, зеленые участки не связаны между собой, а кровли и фасады остаются неиспользованным экологическим ресурсом.

Регенеративное здание может работать как связующее звено между фрагментами городской природы. Двор с дождевым садом возвращает часть воды в почвенный контур; зеленая кровля становится площадкой для устойчивых травянистых сообществ; фасадные системы создают дополнительные поверхности для растений и насекомых; открытые террасы и проходные первые этажи повышают доступность природы для жителей. Европейская комиссия определяет зеленую инфраструктуру как сеть природных и полуприродных территорий, предоставляющую экосистемные услуги, включая водорегулирование и поддержку биоразнообразия [4]. В материалах IPCC природоориентированные решения также рассматриваются как часть адаптации городов к климатическим рискам [6].

Выбор растений должен подчиняться не только декоративной задаче. Для холодного климата важны морозостойкость, устойчивость к ветру, засолению и переменным объемам влаги. Предпочтение следует отдавать местным или хорошо адаптированным видам, способным существовать без чрезмерного полива и сложного ухода. Видовое разнообразие также имеет практическое значение: оно снижает риск массовой гибели посадок и делает систему устойчивее к болезням.

Применимость для Томска и городов холодного климата

Для Томска регенеративный дизайн имеет прикладное значение из-за сочетания исторической застройки, плотных транспортных улиц, продолжительного отопительного периода и выраженной сезонности. В таких условиях ошибочно переносить решения из теплого климата без адаптации. Вертикальное озеленение, интенсивные кровли и открытые водные элементы должны проверяться по несущей способности, снеговой нагрузке, доступу для обслуживания и устойчивости растений.

Наиболее реалистичной стратегией для сибирского города является не единичное «здание-сад», а сеть малых, надежно обслуживаемых решений. Это могут быть защищенные от ветра дворы с многоярусными посадками, зеленые кровли на общественных и учебных зданиях, водопроницаемые покрытия на внутриквартальных территориях, локальные датчики качества воздуха, а также реконструкция существующих зданий с учетом жизненного цикла материалов. Такой подход соответствует идее регенерации: улучшать городскую среду постепенно, но измеримо.

Выводы

Регенеративный дизайн расширяет задачи архитектуры: здание рассматривается как активный участник городской экосистемы, а не только как потребитель энергии и материалов. Его ценность определяется положительным воздействием на место: улучшением воздуха, удержанием воды, поддержкой биоразнообразия, снижением перегрева и созданием доступного контакта человека с природной средой.

Основной вывод состоит в том, что регенеративность должна быть измеряемой. Наличие зелени на фасаде или кровле не гарантирует экологического результата. Для обоснованного проектирования необходимы исходный анализ участка, подбор решений под климат и эксплуатацию, а также постпроектный мониторинг. Для Томска и других городов холодного климата наиболее перспективны адаптированные, ремонтпригодные и поэтапно развиваемые решения, встроенные в городскую зеленую инфраструктуру.

Список источников

1. Ambient (outdoor) air pollution [Электронный ресурс] // World Health Organization. – 2024. – Режим доступа: URL: [https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ambient-\(outdoor\)-air-quality-and-health](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ambient-(outdoor)-air-quality-and-health) (02.07.2026).
2. Global Status Report for Buildings and Construction 2024/2025 [Электронный ресурс] // UNEP, GlobalABC. – 2025. – Режим доступа: URL: <https://www.unep.org/resources/report/global-status-report-buildings-and-construction-20242025> (02.07.2026).
3. Reed B. Shifting from sustainability to regeneration // Building Research & Information. – 2007. – Vol. 35. – № 6. – P. 674-680.
4. Green infrastructure [Электронный ресурс] // European Commission. – Режим доступа: URL: https://environment.ec.europa.eu/topics/nature-and-biodiversity/green-infrastructure_en (02.07.2026).
5. Pugh T. A. M., MacKenzie A. R., Whyatt J. D., Hewitt C. N. Effectiveness of green infrastructure for improvement of air quality in urban street canyons // Environmental Science & Technology. – 2012. – Vol. 46. – № 14. – P. 7692-7699.
6. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Chapter 6: Cities, settlements and key infrastructure [Электронный ресурс] // IPCC. – 2022. – Режим доступа: URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/chapter-6/> (02.07.2026).

© Назиев Э.А., Салагоров И.П. 2026

УДК 339.133.017

ЭКОНОМИКА ВПЕЧАТЛЕНИЙ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

СУХОВЕРХИЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
ЗУБРИЦКАЯ ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА

студенты

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

Аннотация: Статья посвящена анализу экономики впечатлений как модели потребительского поведения, при которой эмоциональный опыт вытесняет материальные блага в системе приоритетов покупателя. Опираясь на концепцию Дж. Пайна и Дж. Гилмора, а также на эмпирические данные психологии потребления, авторы раскрывают механизмы, обуславливающие рост спроса на впечатления, а именно формирование идентичности, социальную коммуникацию, устойчивость к сравнению и позитивную реинтерпретацию опыта. Отдельное внимание уделено проявлению данного тренда на российском рынке и его ограничениям.

Ключевые слова: экономика впечатлений, потребительское поведение, эмоциональная ценность, впечатление как продукт, потребительский рынок

THE EXPERIENCE ECONOMY AS A NEW MODEL OF CONSUMER BEHAVIOR

Sukhaverkhi Maksim Alexandrovich,
Zubritskaya Katsiaryna Vasilievna

Abstract: The article analyzes the experience economy as a model of consumer behavior in which emotional experience displaces material goods in the buyer's system of priorities. Drawing on the concept developed by J. Pine and J. Gilmore, as well as empirical data from consumer psychology, the authors reveal the mechanisms driving demand for experiences, namely identity formation, social communication, resistance to comparison, and positive reinterpretation of experience. Particular attention is paid to the manifestation of this trend in the Russian market and its limitations.

Key words: experience economy, consumer behavior, emotional value, experience as a product, consumer market

Современный потребительский рынок перенасыщен товарами и услугами, которые все меньше отличаются друг от друга по функциональным характеристикам. В условиях, когда практически любой продукт можно скопировать, а любую услугу воспроизвести у конкурента, единственным ресурсом, который по-прежнему остается уникальным и незаменимым, оказывается эмоция. Именно поэтому потребитель все чаще задается вопросом не «что купить», а «что пережить». Этот сдвиг нельзя считать случайной модой, он отражает глубинные изменения в структуре общества, где обладание вещью перестает быть символом статуса, а статус начинает измеряться количеством и качеством пережитого опыта. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проанализировать причины, по которым потребители все чаще выбирают нематериальный опыт вместо вещей, раскрыть психологические механизмы этого выбора и показать, как он трансформирует структуру современной экономики.

Классическая экономическая теория традиционно выделяла три типа экономических предложений, а именно сырье, товары и услуги. Однако технологическая революция рубежа тысячелетий привела к тому, что рынок оказался заполнен товарами и услугами, практически неотличимыми друг от друга

по своей потребительской ценности. Сырье, готовые продукты и стандартизированные услуги перестали генерировать дополнительную ценность, за которую покупатель готов платить премию. Выход из этого кризиса предложили Джозеф Пайн и Джеймс Гилмор в книге «Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие» [1, с. 6]. По их мнению, впечатление принципиально отличается от услуги. Покупая услугу, потребитель платит за совершенное для него действие, например за приготовленный кофе, тогда как, покупая впечатление, он платит за незабываемые минуты своей жизни, срежиссированные компанией подобно театральной постановке. Авторы концепции подчеркивают, что в экономике впечатлений бизнес превращается в сцену, а работа сотрудников в театр, где каждая деталь интерьера, каждое взаимодействие с клиентом и даже запах в помещении становятся частью спектакля. Пайн и Гилмор выделяют четыре типа впечатлений, которые могут комбинироваться в разных пропорциях. Первый тип, развлечение, представляет собой пассивное восприятие происходящего, как при просмотре фильма или концерта. Второй тип, обучение, предполагает активное освоение нового опыта, например участие в мастер-классе. Третий тип, эскапизм, означает полное погружение и уход от повседневной реальности через квесты, ролевые игры или виртуальную реальность. Четвертый тип, эстетика, подразумевает созерцательное наслаждение красиво организованной средой, как в музее, ботаническом саду или дизайнерском кафе.

Эмпирические исследования подтверждают, что нематериальный опыт делает людей счастливее, чем владение вещами, причем этот эффект проявляется как в момент потребления, так и задолго до него. Классическое исследование Лифа Ван Бовена и Томаса Гиловича, опубликованное в *Journal of Personality and Social Psychology*, показало, что представители разных демографических групп независимо друг от друга указывали, что покупка впечатлений делает их счастливее, чем покупка материальных вещей [2, с. 1193]. Более поздние работы расширили это наблюдение, показав, что разница в переживаниях начинается еще до совершения покупки. Так, исследование Амита Кумара, Мэттью Киллингворта и Томаса Гиловича, посвященное феномену предвкушения, продемонстрировало, что ожидание впечатления, например поездки или концерта, само по себе приносит больше радости и меньше раздражения, чем ожидание получения вещи, будь то новый гаджет или предмет мебели [3, с. 1924]. Психологи выделяют несколько устойчивых механизмов, объясняющих этот феномен. Во-первых, это позитивная реинтерпретация, при которой неудачный поход в ресторан со временем превращается в памяти в забавную историю, тогда как неисправный телевизор ежедневно напоминает о неудачной покупке и вызывает раздражение. Во-вторых, это формирование идентичности. Вещи представляют собой то, чем человек владеет, тогда как впечатления становятся тем, чем он является, поскольку пережитый опыт встраивается в личную биографию и становится частью самооощущения. В-третьих, это социальная составляющая. Впечатлениями делятся, их обсуждают и ими хвастаются в разговорах и социальных сетях, что превращает их в своеобразную социальную валюту, а исследователи подчеркивают, что впечатления редко переживаются в изоляции, поскольку они разделяются с другими в реальном времени. В-четвертых, впечатления слабее провоцируют социальные сравнения, поскольку субъективный характер отдыха или гастрономического опыта затрудняет прямое сопоставление, кто отдохнул лучше, тогда как материальные вещи, такие как автомобиль, техника или одежда, сравниваются легко и напрямую, что порождает зависть и тревогу.

В России феномен экономики впечатлений также набирает обороты, что подтверждается данными Финансового университета при Правительстве РФ, согласно которым страна вступает в эпоху, где главной ценностью все чаще становятся не вещи, а эмоции [4]. Среди ключевых трендов можно выделить рост популярности подарков-впечатлений, поскольку россияне все чаще дарят не вещи, а сертификаты на полет на воздушном шаре, гастрономические ужины и мастер-классы. Параллельно развивается внутренний туризм, ориентированный именно на впечатления. После пандемии резко вырос спрос на короткие поездки выходного дня, этно-туры и локальные приключения, а туристский продукт как таковой обладает всеми предпосылками для формирования запоминающегося переживания, объединяющего развлечение, эстетику и эскапизм. Немаловажную роль играют и социальные сети, превращающие впечатление не только в личную эмоцию, но и в социальный капитал, поскольку подарок-впечатление становится поводом не просто пережить момент, но и рассказать о нем, сделать его ча-

стью собственного цифрового образа. Вместе с тем у этого процесса есть очевидные ограничения. Инфраструктура впечатлений развита неравномерно, и если в мегаполисах выбор событий и форматов практически неограничен, то в малых и средних населенных пунктах доступ к качественным впечатлениям остается заметно более узким.

Переход к экономике впечатлений представляет собой не временный потребительский тренд, а фундаментальный сдвиг в культуре потребления в целом, то есть переход от логики накопительства к логике переживания, от обладания к бытию. Для бизнеса это означает, что конкурентоспособность все меньше определяется качеством самого товара и все больше качеством истории и эмоции, выстроенной вокруг него, а клиент при этом выбирает не продукт, а роль, которую он сможет сыграть в предложенном компанией спектакле. Именно поэтому в перспективе конкурентное преимущество компаний будет определяться не столько ассортиментом предлагаемых товаров, сколько способностью выстраивать уникальные, персонализированные сценарии потребления, которые сложно скопировать конкурентам и которые формируют устойчивую эмоциональную привязанность аудитории к бренду.

Список источников

1. Джеймс Х. Гилмор, Джозеф Б. Пайн Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие. – М., 1999. – с. 6-8.
2. Van Boven L., Gilovich T. To do or to have? That is the question // Journal of Personality and Social Psychology. – 2003. – Vol. 85, No. 6. – P. 1193-1202.
3. Kumar A., Killingsworth M. A., Gilovich T. Waiting for Merlot: Anticipatory Consumption of Experiential and Material Purchases // Psychological Science. – 2014. – Vol. 25, No. 10. – P. 1924-1931.
4. Финансовый университет при Правительстве РФ. Экономика впечатлений: как подарки-впечатления вытесняют вещи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/ekonomika-vpechatleniy-kak-podarki-vpechatleniya-vytesnyayut-veshchi>

УДК 656

ОПТИМИЗАЦИЯ МАРШРУТОВ ДОСТАВКИ В УСЛОВИЯХ ПЛОТНОЙ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИАГЕНТНЫХ АЛГОРИТМОВ

НИ СОФЬЯ ИГОРЕВНА,
ДЕРБЕНЕВ ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ,

студенты

Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского

Аннотация: В статье представлен мультиагентный алгоритм координации курьеров и беспилотных дронов в гибридных системах городской доставки. Предложена математическая модель на основе марковского процесса принятия решений, где курьеры обслуживают начальные и финальные участки маршрута, а дроны выполняют магистральные перелёты между хабами-терминалами. Для обучения агентов используется двухэтапный подход с подкреплением и механизмом прогнозирования рисков нарушения сроков. Эксперименты на реальных данных подтвердили рост производительности на 125,6% по сравнению с базовыми методами. Рассмотрены практические аспекты внедрения: инфраструктура хабов, качество связи и доверие курьеров к системе.

Ключевые слова: мультиагентные алгоритмы, гибридная логистика, доставка дронами, городская маршрутизация, обучение с подкреплением, координация курьеров.

OPTIMIZATION OF DELIVERY ROUTES IN DENSE URBAN DEVELOPMENT USING MULTIAGENT ALGORITHMS

Ni Sofia Igorevna,
Derbenev Georgy Andreevich

Abstract: The article presents a multi-agent algorithm for coordinating couriers and unmanned drones in hybrid urban delivery systems. A mathematical model based on a Markov decision process is proposed, where couriers serve the initial and final sections of the route, and drones perform long-distance flights between hub terminals. A two-stage reinforcement learning approach with a risk prediction mechanism is used to train the agents. Experiments on real data confirmed a 125.6% increase in performance compared to the basic methods. Practical aspects of implementation are considered: hub infrastructure, communication quality, and couriers' trust in the system.

Keywords: multi-agent algorithms, hybrid logistics, drone delivery, urban routing, reinforcement learning, courier coordination.

Рост электронной коммерции и сервисов доставки привёл к критической нагрузке на городские транспортные системы. Традиционные модели, использующие только курьеров на автомобилях или велосипедах, сталкиваются с пробками, дефицитом парковочных мест и сложностью доступа в плотной застройке. В ответ на это компании активно внедряют беспилотные летательные аппараты. Например,

платформа Meituan к 2024 году выполнила свыше 360 тысяч заказов через дроны, сократив среднее время доставки до 12 минут — почти в 2,5 раза быстрее наземных курьеров. Однако дроны имеют ограничения по грузоподъёмности, дальности и не могут доставлять заказы непосредственно к двери клиента, особенно в многоэтажных зданиях. В научной литературе активно исследуются модели мультимодальной доставки. Показано, что одновременное использование грузовиков, дронов и роботов позволяет выполнять до 48,75% операций с помощью беспилотников, однако в сценариях с высокими затратами на ожидание дронов их доля падает до 14,78%. Альтернативный подход — интеграция дронов с общественным транспортом, где автобусы перевозят посылки до терминалов, а дроны забирают их оттуда, снижая затраты на 6%. Особый интерес представляет гибридная модель с хабами — точками передачи заказов между курьерами и дронами. В такой схеме курьеры обслуживают первые и последние участки, а дроны — магистральные перелёты между хабами, что даёт экономию около 8% по сравнению с чисто наземной доставкой.

Для решения подобных задач применяются точные методы (смешанно-целочисленное программирование) и метаэвристики, но они плохо масштабируются. В последнее время лидирующие позиции занимает мультиагентное обучение с подкреплением. Эксперименты показывают, что децентрализованные агенты-курьеры и агенты-дроны, принимающие решения на основе локальной информации, повышают общую производительность системы на 82,3% относительно только курьерской модели и на 125,6% — относительно базовых алгоритмов. Это подтверждает перспективность мультиагентного подхода для гибридной логистики.

Формально система описывается тремя множествами: курьеры K , дроны D и заказы O . Каждый заказ имеет точку отправления и назначения, а также жёсткое временное окно. Хабы H позволяют передавать заказ от курьера к дрону и обратно. Маршрут заказа может включать до трёх этапов: первый участок (курьер до хаба), магистраль (дрон между хабами) и последний участок (курьер от хаба до клиента). Курьер может обслуживать несколько заказов одновременно, дрон — только один. Решения принимаются в реальном времени, так как заказы поступают динамически.

Для моделирования используется мультиагентный марковский процесс. Состояние агента включает его местоположение, оставшееся время до завершения заданий и свободную грузоподъёмность. Действие — принять заказ, передать его на хабе, переместиться или ждать. Награда определяется как минус затраты на перемещение, минус штраф за опоздание и плюс бонус за выполненный заказ. Цель — максимизировать суммарную награду всей системы. Для координации вводится централизованный механизм, который на основе оценок риска нарушения сроков (рассчитываемых графовой нейросетью) корректирует распределение заказов между курьерами и дронами.

Обучение проводится в два этапа. Сначала политики курьеров и дронов тренируются независимо в упрощённых условиях без задержек на передачу. Затем выполняется совместная донастройка с учётом реальных задержек на хабах и неопределённости времени прибытия. Это позволяет агентам прогнозировать будущее состояние и выбирать действия, минимизирующие риски.

На каждом шаге алгоритм строит гиперграф возможных соответствий между курьерами и наборами заказов. Ребро гиперграфа — допустимый маршрут для одного курьера, включающий несколько заказов и возможную передачу на хабы. Поскольку полный гиперграф неподъёмен, используется итеративный подход: решается задача назначения на текущем множестве рёбер, затем выявляются кластеры, для которых решается подзадача маршрутизации, и при улучшении добавляются новые рёбра. Применяется политика скользящего горизонта: решения реализуются немедленно, после чего система пересчитывается с учётом новых заказов.

Эксперименты на реальных данных (доставка еды в Гонконге) показали улучшение общей производительности на 125,6% относительно базовых алгоритмов. Эффект достигается за счёт предвидения рисков в точках передачи и выбора маршрутов, минимизирующих время ожидания. Наибольший выигрыш наблюдается в часы пик, когда плотность заказов максимальна — гибридная система предотвращает каскадные задержки.

Для внедрения необходимо решить три задачи. Во-первых, создать инфраструктуру хабов — их оптимальная плотность зависит от спроса и стоимости аренды, превышение порога даёт лишь незна-

чительный эффект. Во-вторых, обеспечить надёжную связь между агентами и координатором, так как задержки данных ведут к неоптимальным решениям. В-третьих, учесть человеческий фактор: исследования показывают, что доверие курьеров к системе повышает её эффективность на 28% за счёт сокращения времени доставки. Требуются удобные интерфейсы и прозрачная система информирования клиентов.

Список источников

1. Хабаров, В. И. Мультиагентные системы маршрутизации при организации городских перевозок / В. И. Хабаров, В. Е. Квашнин // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. — 2025. — № 2 (74). — С. 94–102. — DOI 10.52170/1815-9265_2025_74_94.
2. Олейникова, С. А. Мультиагентный подход к решению задачи оптимизации грузоперевозок / С. А. Олейникова, Д. А. Ромащенко. — NB Publishing, 2017.
3. Батищев, Д. И. Применение генетических алгоритмов к решению задач дискретной оптимизации / Д. И. Батищев, Е. А. Неймарк, Н. В. Старостин. — Нижний Новгород, 2007.
4. Xie, X. F. Multiagent optimization system for solving the traveling salesman problem (TSP) / X. F. Xie, J. Liu // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part B (Cybernetics). — 2009. — Vol. 39, No. 2. — P. 489–502. — DOI 10.1109/TSMCB.2008.2006910

УДК 338.2:004.9

ESG-ORIENTED DIGITAL MATURITY ASSESSMENT MODEL FOR SMES TO PRIORITISE SUSTAINABLE DIGITAL TRANSFORMATION

PAVLOVA POLINA ALEKSANDROVNA

Independent researcher

Аннотация: Статья посвящена разработке ESG-ориентированной модели оценки цифровой зрелости малых и средних предприятий (МСП) и встроенного механизма приоритизации цифровых инициатив. Актуальность темы обусловлена одновременным давлением на МСП со стороны цифровой трансформации и ужесточающихся ESG-требований, при этом существующие модели зрелости не учитывают устойчивое развитие как стратегический ориентир. Цель работы - предложить концептуальную модель, в которой ESG-цели выступают не дополнительным слоем оценки, а стратегическим фильтром для выбора первоочередных цифровых проектов. На основе систематического обзора литературы выделены три цифровые оси и три целевых ESG-блока, предложена пятиуровневая шкала ESG-цифровой зрелости и разработан алгоритм приоритизации на базе матрицы «ESG-эффект / цифровая готовность». Применимость модели проиллюстрирована на примере условного производственного МСП. Научная новизна заключается в смене исследовательского ракурса: цифровая зрелость оценивается не сама по себе, а относительно способности компании достигать измеримых экологических, социальных и управленческих результатов. Практическая значимость состоит в адаптированности инструмента к ресурсным ограничениям МСП. В заключении обозначены ограничения концептуального характера работы и направления эмпирической валидации модели.

Ключевые слова: МСП, цифровая зрелость, цифровая трансформация, ESG, устойчивое развитие, двойной переход, приоритизация, цифровая готовность.

ESG-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ МСП ДЛЯ ПРИОРИТИЗАЦИИ УСТОЙЧИВОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Павлова Полина Александровна
Независимый исследователь

Abstract: This paper presents an ESG-oriented digital maturity assessment model for small and medium-sized enterprises (SMEs) incorporating a mechanism for prioritising digital initiatives. The relevance of the topic stems from the dual pressures SMEs face from digital transformation and increasingly stringent ESG requirements, whilst existing maturity models do not treat sustainable development as a strategic guide. The aim of the study is to propose a conceptual model in which ESG goals serve not as an additional assessment layer but as a strategic filter for selecting priority digital projects. Based on a review of relevant literature, three digital dimensions and three target ESG blocks are identified, a five-level ESG-digital maturity scale is proposed, and a prioritisation algorithm using the 'ESG impact / digital readiness' matrix is developed. The applicability of the model is illustrated using the example of a hypothetical manufacturing SME. The scientific novelty lies in shifting the research perspective: digital maturity is assessed not in isolation but in relation to the company's ability to achieve measurable environmental, social and governance outcomes. The practical significance lies in the tool's adaptation to the resource constraints typical of SMEs. The conclusion outlines

the conceptual limitations of the study and directions for empirical validation of the model.

Key words: SMEs, digital maturity, digital transformation, ESG, sustainable development, twin transition, prioritisation, digital readiness.

Introduction

Small and medium-sized enterprises (SMEs) rarely take centre stage in discussions about ESG: the focus is more often on large corporations, public reporting and investment ratings. However, it is SMEs that are increasingly feeling the practical implications of this agenda. Customers are requesting information on the origin of materials, banks are paying attention to non-financial risks, and CSRD requirements are gradually affecting companies included in the supply chain [1, pp. 15–80]. At the same time, SMEs continue to lag behind large businesses in the use of digital solutions, a fact reflected in European assessments of digitalisation [2, pp. 14–16].

At the intersection of these processes lies the challenge of a dual transition: digital solutions must not only improve efficiency but also help businesses reduce environmental, social and governance risks [3, pp. 13–14; 4, pp. 8–10]. For a small business, this sounds convincing but remains unclear from a management perspective. A manager may understand the need to save energy, improve health and safety or enhance data transparency, but may not know which digital project to launch first.

The aim of this article is to propose an ESG-oriented model for assessing the digital maturity of SMEs and to demonstrate how it can be used to select priority digital initiatives. Unlike approaches where digitalisation is assessed as a standalone measure of progress, this model considers digital maturity in terms of an enterprise's ability to achieve specific ESG objectives.

1. Literature review

Digital maturity models enable the discussion of digital transformation to be framed in diagnostic terms. IMPULS, the Smart Industry Readiness Index and the Digital Maturity Model 5.0 assess strategy, processes, technologies, data and organisational culture [6, pp. 163–164; 7, pp. 14–16; 8, pp. 4–5]. Their limitation lies in the fact that they were designed primarily for large industrial companies. For SMEs, such tools often prove too resource-intensive: they require IT departments, budgets and planning horizons that small businesses do not usually have at their disposal [9, pp. 196–198; 10, pp. 18–22].

Russian studies also address the assessment of digital maturity. Kuzmin examines the digitalisation of industrial enterprises [11, pp. 220–235], Kurlov, Kosukhina and Kurlov propose a model for assessing the maturity of an industrial company [12, pp. 439–451], whilst Abramov, Borzov and Semenov analyse the readiness of SMEs for digital transformation [13, pp. 1573–1596]. These studies are important for understanding digital readiness, but ESG criteria do not serve as a basis for selecting digital projects in them.

The ESG agenda is redefining the meaning of digitalisation. Documents on Industry 5.0 are shifting the focus from purely technological efficiency towards sustainability, resilience and a human-centred approach [3, pp. 13–14]. Research shows that digital technologies can reduce energy and material intensity, increase the transparency of supply chains and improve working conditions [14, pp. 6–9; 15, pp. 1090–1095; 16, pp. 1148–1155]. However, digitalisation does not automatically guarantee an ESG impact: the choice of initiatives addressing specific business challenges is crucial. In the Russian context, Semenova also notes that digital tools are often used for reporting rather than for the comprehensive management of ESG factors [17, pp. 57–65].

Attempts to combine digital maturity and sustainability have already been made, but they remain fragmented. SIRI takes resource efficiency into account [7, pp. 18–20], the DMA Framework for European Digital Innovation Hubs offers a broad set of metrics for measuring the digital maturity of SMEs [5, pp. 10–12], whilst the SME Climate Hub provides practical climate-related recommendations [18, pp. 5–7]. However, one tool assesses digital readiness without ESG prioritisation, whilst another proposes ESG steps without diagnosing the digital infrastructure. This highlights a gap: SMEs need a model that simultaneously assesses digital readiness and helps them select projects based on their expected ESG impact.

2. Methodology for developing the model

This study is conceptual in nature. The development process utilised the logic for constructing maturity

models proposed by Becker, Knackstedt and Pöppelbuß: defining the scope of application, identifying dimensions and levels, and then describing how the model can be used in management decision-making [19, pp. 214–216]. In this paper, this logic has been adapted to the context of SMEs and the challenges of sustainable transformation.

First, digital maturity models were compared with research on the digitalisation of SMEs. Three digital axes were then identified: strategy and culture; processes and operations; and infrastructure and data. In the next stage, these axes were correlated with the ESG pillars E, S and G. A two-factor matrix, 'ESG impact / digital readiness', is proposed for selecting digital initiatives. It does not claim to provide an exact quantitative ranking; its purpose is to offer SME managers a clear framework for initial selection. In future, the matrix may be supplemented with weightings and expert comparisons, for example based on the analytic hierarchy process [20, pp. 83–86].

3. An ESG-oriented model for assessing the digital maturity of SMEs

Model architecture

The proposed model is based on the assumption that it makes sense to assess an SME's digital maturity in terms of its usefulness for ESG objectives. Therefore, the key question is not 'to what extent has the company been digitised?', but rather 'which environmental, social and governance objectives is the company already capable of addressing using digital tools?'.

The model's architecture comprises target ESG blocks and digital axes that support these objectives. The content of the model is presented in Table 1.

Table 1

Architecture of the ESG-oriented digital maturity model for SMEs

Model Block	Content	Examples of digital initiatives
E — environmental responsibility	Resource efficiency, waste and emissions management	Energy monitoring, digital waste tracking, carbon footprint calculation
S — social responsibility	Working conditions, safety, training, accessibility	Digital training logs, learning platforms, incident reporting apps
G — Governance	Transparency, quality of management, data protection	CRM/ERP, electronic document management, compliance tools, cybersecurity
Digital strategy and culture	The link between digitalisation and sustainability, competencies, readiness for change	Digital strategy, staff training, internal regulations
Digital processes and operations	Process automation and data utilisation	Process monitoring, automated record-keeping, integration with partners
Infrastructure and data	Availability of solutions and data quality for ESG monitoring	cloud services, databases, analytics dashboards, API integrations

In this model, the value of the digital axis is determined not by the presence of the technology itself, but by its contribution to a specific ESG objective. For example, a cloud service only counts as an element of maturity when it helps to monitor energy consumption, record health and safety incidents, or improve data transparency.

Levels of ESG digital maturity

A five-level scale of ESG digital maturity is proposed for assessment. It reflects not the overall progress of digitalisation, but a company's ability to utilise digital solutions for sustainable development objectives (Fig. 1).

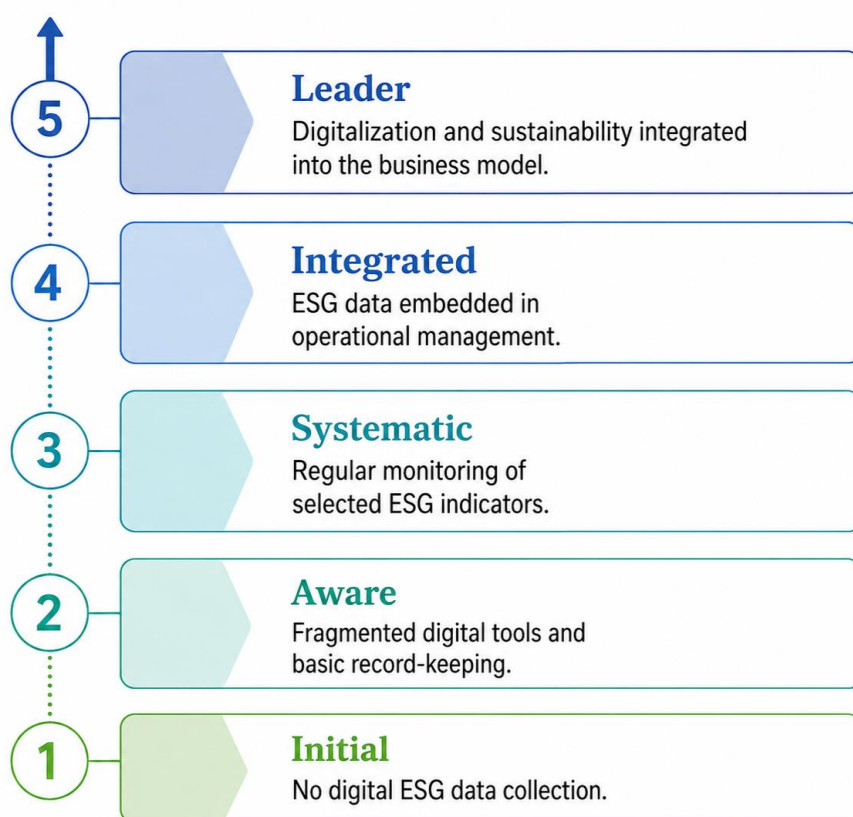

Fig. 1. Levels of ESG digital maturity for SMEs

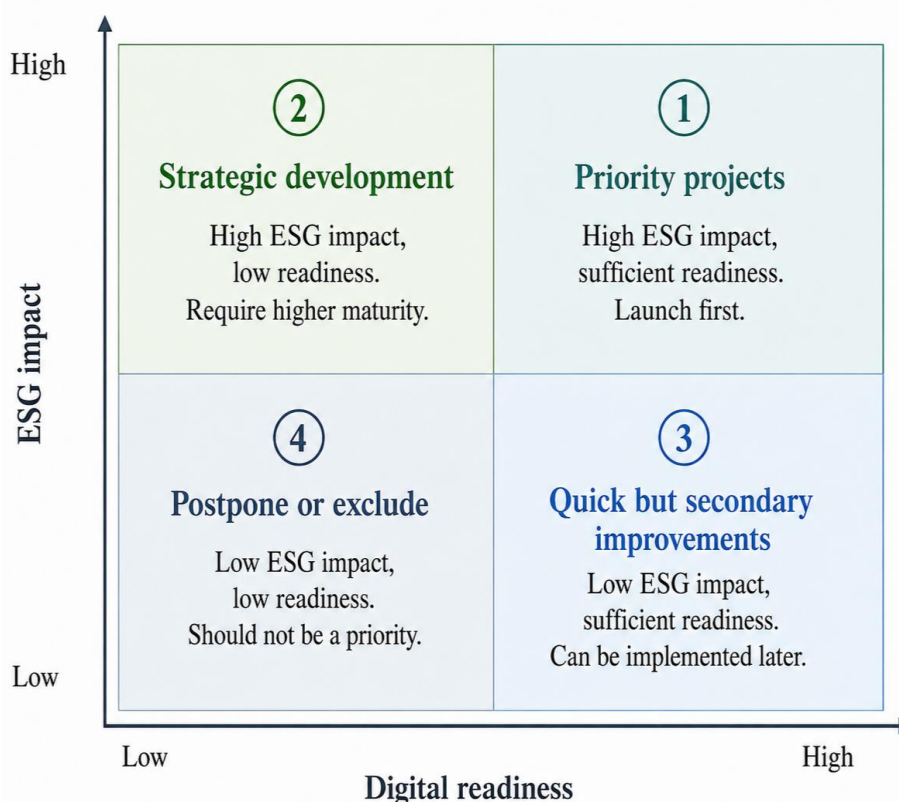

Fig. 2. Matrix for prioritising digital initiatives

At the first level, ESG data is scarcely collected. At the second level, individual digital tools appear, but the information remains fragmented. The third level involves the regular monitoring of specific ESG indicators. At the fourth level, data is embedded in operational management. The fifth level is the benchmark: digitalisation and sustainability are integrated into the business model.

Prioritisation matrix

Once the maturity level has been determined, a practical question arises: which digital initiatives should be prioritised? To address this, the 'ESG impact / digital readiness' matrix is proposed (Fig. 2). The vertical axis assesses the project's expected contribution to addressing an ESG issue, whilst the horizontal axis assesses the company's readiness to implement the solution given its current resources.

Projects in the top-right quadrant are selected first: a high ESG impact is combined with sufficient readiness. Initiatives with a high impact but low readiness form the strategic development zone. Projects with a low ESG impact, even if they are easy to implement, should not form the core of the transformation.

The algorithm for applying the model comprises five steps: identify 2–3 ESG pain points; assess current digital readiness; formulate a set of digital initiatives; evaluate each initiative against two criteria; map projects onto the matrix and select the initial steps.

4. Illustration of the model's application

Let us consider a hypothetical small manufacturing enterprise, 'EcoPlast', with a workforce of 35 employees, which produces plastic packaging. The company receives enquiries from customers about the sustainability of its products and, at the same time, faces high energy consumption and a lack of transparency in the recording of health and safety incidents.

Management has identified two ESG pain points: energy consumption (E) and occupational safety (S). An assessment of digital readiness reveals a mixed picture: strategy and culture are at level two, processes are also at level two, whilst infrastructure is closer to level three thanks to cloud-based accounting and a basic network.

To address the environmental issue, simple cloud-based energy monitoring and the more complex installation of IoT sensors are being considered. For the social aspect, a mobile app for reporting hazardous situations and a digital platform for safety briefings are being considered. Once placed in the matrix, cloud-based energy monitoring and the mobile app are selected first: both projects deliver a significant ESG impact and do not require a radical overhaul of the infrastructure. The IoT sensors and digital training sessions are moved to the strategic development zone.

5. Discussion, limitations and future research

The main distinction of the proposed model lies in its shift in perspective. It assesses not the number of technologies implemented, but the ability of digital solutions to address SMEs' ESG challenges. This makes the model applicable to companies with limited resources and to business support organisations, for whom it is important to offer not general recommendations, but a sequence of realistic steps.

The limitations stem from the conceptual nature of the work. The model has not yet been tested in real-world enterprises, and the assessment of ESG impact and digital readiness involves an element of expert judgement. Furthermore, the maturity scale requires sector-specific adaptation: a manufacturing company, a service business and a trading organisation will assess data, infrastructure and the significance of ESG risks differently.

Further research could focus on pilot testing the model across several SME sectors, developing weighting coefficients for different ESG profiles, and creating an online self-assessment tool. Such a tool would enable companies to independently determine their current level of maturity and identify a set of priority digital initiatives.

Conclusion

This article proposes an ESG-oriented model for assessing the digital maturity of SMEs. Its aim is to help small and medium-sized enterprises select their first digital projects not on the basis of technological trends, but according to their expected contribution to sustainability and the company's actual readiness for implementation.

The novelty of this approach lies in the use of ESG objectives as a strategic filter. Digital maturity is

assessed in relation to a company's ability to address environmental, social and governance challenges. The practical significance of the model lies in its simple logic of application: identify ESG pain points, assess readiness, compare initiatives and select realistic starter projects. Going forward, the approach may prove useful to digital hubs, consultants and SME support programmes.

References

1. Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on corporate sustainability reporting // Official Journal of the European Union. – 2022.
2. European Commission. Digital Economy and Society Index (DESI) 2022. – Brussels: European Commission, 2022.
3. European Commission. Industry 5.0: Towards a sustainable, human-centric and resilient European industry. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021.
4. Muench S., Stoermer E., Jensen K. et al. Towards a green & digital future: Key requirements for successful twin transitions in the European Union. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022.
5. Kalpaka A., Rissola G., De Nigris S., Nepelski D. Digital Maturity Assessment (DMA) Framework and Questionnaires for SMEs/PSOs: A guidance document for EDIHs. – Seville: European Commission, Joint Research Centre, 2023. – JRC133234.
6. Schumacher A., Erol S., Sihn W. A maturity model for assessing Industry 4.0 readiness and maturity of manufacturing enterprises // Procedia CIRP. – 2016. – Vol. 52. – pp. 161–166.
7. Singapore Economic Development Board. The Smart Industry Readiness Index (SIRI). – Singapore: EDB, 2019.
8. Forrester. The Digital Maturity Model 5.0. – Cambridge: Forrester Research, 2017.
9. Mittal S., Khan M. A., Romero D., Wuest T. A critical review of smart manufacturing & Industry 4.0 maturity models: Implications for small and medium-sized enterprises (SMEs) // Journal of Manufacturing Systems. – 2018. – Vol. 49. – pp. 194–214.
10. OECD. The digital transformation of SMEs. – Paris: OECD Publishing, 2021.
11. Кузьмин П. С. Цифровизация промышленности: эмпирическая оценка цифровой зрелости предприятий // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 220–235.
12. Курлов В. В., Косухина М. А., Курлов А. В. Модель оценки цифровой зрелости промышленного предприятия // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 5. – С. 439–451.
13. Абрамов В. И., Борзов А. В., Семенов К. Ю. Оценка готовности малых и средних предприятий к цифровой трансформации // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 1573–1596.
14. Capgemini Research Institute. A world in balance: Why sustainability is a key driver of digital transformation. – Paris: Capgemini, 2022.
15. Bohnsack R., Hanelt A., Marz D., Antunes C. Sustainability in the digital age // Journal of Industrial Ecology. – 2021. – Vol. 25, No. 5. – pp. 1089–1103.
16. Ferreira J. J., Fernandes C. I., Ferreira F. A. To be or not to be digital, that is the question: Firm innovation and performance // Journal of Business Research. – 2022. – Vol. 139. – pp. 1146–1159.
17. Семенова Н. Н. ESG-трансформация российских компаний в интересах устойчивого развития // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 57–65.
18. SME Climate Hub. The 1.5°C Business Playbook. – 2021.
19. Becker, J., Knackstedt, R., & Pöppelbuß, J. Developing maturity models for IT management // Business & Information Systems Engineering. – 2009. – Vol. 1, No. 3. – pp. 213–222.
20. Saaty T. L. Decision making with the analytic hierarchy process // International Journal of Services Sciences. – 2008. – Vol. 1, No. 1. – pp. 83–98.

© Павлова П.А., 2026

УДК 330

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МАЛОМ И СРЕДНЕМ БИЗНЕСЕ

ХАДДУР ХУССЕЙН

аспирант

ЗИМОВЕЦ ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА

к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «МГТУ «СТАНКИН»

г. Москва, РФ

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих научных подходов к теме внедрения инноваций в малом и среднем бизнесе. Инновации являются важным инструментом малого и среднего бизнеса для удержания позиций на рынке, помогают быстрее адаптироваться к изменениям. Специфика и особенности МСП создают барьеры внедрения инноваций и делают тему актуальной для изучения. В работе систематизированы виды и модели процесса внедрения инноваций, выявлена специфика инновационной деятельности МСП в сравнении с крупным бизнесом, классифицированы барьеры внедрения инноваций.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, инновационная деятельность, инновационный процесс, процессные инновации, модели процесса внедрения инноваций.

INNOVATIVE ACTIVITIES IN SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Khaddur Hussein,**Zimovets Olga Evgenievna**

Annotation. The article is devoted to the analysis of existing scientific approaches to the topic of innovation implementation in small and medium-sized businesses. Innovation is an important tool for small and medium-sized businesses to maintain their market positions and adapt to changes more quickly. The specific features of SMEs create barriers to innovation implementation and make this topic relevant for study. The article systematizes the types and models of innovation implementation process, identifies the specific features of SMEs' innovation activities in comparison with large businesses, and classifies the barriers to innovation implementation.

Keywords: small and medium-sized enterprises, innovation activities, innovation process, process innovations, innovation process models.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью инноваций как ключевого фактора обеспечения конкурентоспособности экономических субъектов в условиях цифровой трансформации и турбулентности внешней среды. В то время как крупный бизнес обладает значительными ресурсами для проведения масштабных НИОКР, малые и средние предприятия (МСП) сталкиваются с системными ограничениями, препятствующими эффективному внедрению инноваций. Несмотря на высокий адаптационный потенциал МСП, уровень их инновационной активности в Российской Федерации остается недостаточным, что определяет необходимость пересмотра теоретических подходов к управлению процессом внедрения инноваций и поиска инструментов преодоления существующих барьеров.

Цель исследования заключается в систематизации результатов научно-исследовательской деятельности, направленной на выявление сущностных характеристик, моделей и барьеров внедрения инноваций на малых и средних предприятиях. Предмет исследования — организационно-управленческие отношения, возникающие в процессе внедрения инноваций на МСП, а также барьеры, препятствующие данному процессу.

Сущность, виды и модели процесса внедрения инноваций

В ходе исследования установлено, что понятие «инновация» прошло длительный путь эволюции — от понимания его исключительно как технического изобретения (Й. Шумпетер, начало XX в.) до сложной междисциплинарной категории, включающей организационные, маркетинговые и социальные аспекты.

В работе обосновано разграничение понятий «новшество» (изобретение, оформленный результат исследований) и «инновация» (коммерциализированный результат, внедренный на рынке или в производственных процессах). Ключевым выводом данного раздела является положение о том, что инновация — это не просто конечный продукт, а процесс, охватывающий полный жизненный цикл: от генерации идеи до диффузии (распространения).

В рамках систематизации видов инноваций выделим:

1. Продуктовые инновации (вывод на рынок нового или значительно улучшенного товара/услуги);
2. Процессные инновации (внедрение новых технологий производства, логистики, автоматизации);
3. Маркетинговые инновации (новые методы продвижения, ценообразования, дизайна упаковки);
4. Организационные инновации (внедрение новых методов ведения бизнеса, организации рабочих мест, внешних связей).

Особое внимание уделено анализу эволюции моделей процесса внедрения инноваций. Выявлено движение от линейных моделей (Technology Push и Market Pull) к интерактивным и сетевым моделям:

- **Линейная модель (Technology Push):** «Фундаментальные исследования → прикладные исследования → разработка → производство → рынок». Характерна для крупных корпораций середины XX века, но показала свою неэффективность в условиях высокой неопределенности спроса.

- **Модель «цепочки» (Chain-Linked Model) С. Клайна и Н. Розенберга:** обоснована необходимость обратных связей между стадиями инновационного процесса, что позволяет корректировать разработку под требования рынка и производственные ограничения.

- **Сетевая (экосистемная) модель:** современный этап, характеризующийся открытыми инновациями (Open Innovation), где предприятие выступает не изолированным разработчиком, а участником сети взаимодействий с поставщиками, потребителями, университетами и стартапами.

Специфика инновационной деятельности

Анализ специфики инновационной деятельности показал, что подходы, эффективные для крупного бизнеса, не могут быть механически перенесены на малые и средние предприятия в силу фундаментальных различий в организации управления, ресурсной базе и целях.

Выделенные ключевые особенности инновационной деятельности МСП, представлены в таблице.

Сделан вывод, что конкурентное преимущество МСП в инновационной сфере заключается не в масштабе инвестиций, а в способности к быстрой рекомбинации знаний и тесному взаимодействию с конечным потребителем. Кроме того, обосновано, что ключевым трендом современности является переход от закрытых инноваций к открытым инновациям, что для МСП открывает возможности доступа к внешним компетенциям через механизмы краудсорсинга, технологического брокерства и участия в инновационных кластерах.

Таблица 1

Особенности инновационной деятельности МСП

Характеристика	Крупный бизнес	Малые и средние предприятия (МСП)
Ресурсы	Высокая обеспеченность финансовыми и кадровыми ресурсами, собственные R&D-центры.	Дефицит финансовых средств, отсутствие выделенных подразделений НИОКР, совмещение функций.
Гибкость	Бюрократизация процессов, низкая скорость принятия решений.	Высокая адаптивность, короткий управленческий цикл, возможность быстрой перенастройки под запрос клиента.
Тип инноваций	Преимущественно радикальные (прорывные) продуктовые и процессные инновации.	Преимущественно инкрементальные (улучшающие) и маркетинговые инновации, направленные на нишевые рынки.
Стратегия	Лидерство в технологиях, монополизация результатов.	Стратегия «fast follower» (быстрого последователя) или кооперация с лидерами.

Барьеры внедрения инноваций на малых и средних предприятиях

В результате эмпирического анализа (на данном этапе — теоретического обобщения) была сформирована комплексная классификация барьеров внедрения инноваций. Для МСП характерно наложение разноуровневых ограничений, которые целесообразно разделить на три основные группы:

1. Экономические и финансовые барьеры (наиболее значимые):

- Недостаток собственных финансовых средств (ограниченность нераспределенной прибыли);
- Высокая стоимость заемного капитала (высокие процентные ставки по кредитам для МСП);
- Длительный срок окупаемости инновационных проектов, не соответствующий горизонту планирования малого бизнеса;
- Сложности с получением государственной поддержки (высокие административные барьеры при подаче заявок на гранты).

2. Организационно-управленческие барьеры:

- Отсутствие стратегического видения инновационного развития у собственников (ориентация на операционную деятельность);
- Нехватка квалифицированных кадров (менеджеров инновационных проектов, инженеров с компетенциями в области новых технологий);
- Сопротивление изменениям со стороны персонала в условиях ограниченной численности;
- Сложности в защите интеллектуальной собственности (патентование требует ресурсов, которые часто сопоставимы со стоимостью разработки).

3. Рыночные и институциональные барьеры:

- Низкий платежеспособный спрос на инновационную продукцию со стороны локальных рынков;
- Доминирование крупных сетевых игроков, блокирующих выход на каналы дистрибуции;
- Несовершенство нормативно-правовой базы (избыточное регулирование, требующее сертификации и лицензирования, которое непропорционально затратно для МСП).
- Выделен феномен «инновационной ловушки» МСП: многие предприятия осознают необходимость инноваций, но, находясь в режиме выживания, не имеют ресурсов для реализации долгосрочных проектов, что консервирует их технологическое отставание.

Заключение

В процессе исследований получены следующие основные результаты, имеющие теоретическое и прикладное значение:

- Уточнен понятийный аппарат, обоснована трактовка процесса внедрения инноваций на МСП как циклического, итеративного процесса, основанного на принципах открытых инноваций и сетевого взаимодействия, что отличается от классического линейного подхода.

- Систематизированы модели инновационного процесса, выявлено, что для малых и средних предприятий наиболее релевантной является модель «цепочки» (Chain-Linked) с высоким уровнем обратной связи от потребителя, а также сетевая модель кооперации, позволяющая компенсировать ресурсный дефицит.

- Определено, что инновационная деятельность МСП характеризуется преобладанием инкрементальных (улучшающих) инноваций, высокой гибкостью в адаптации технологий и критической зависимостью от внешней институциональной среды.

- Классифицированы барьеры, построена трехуровневая классификация барьеров (экономические, организационные, рыночные), показано, что ключевым ограничением является не только дефицит финансирования, но и отсутствие компетенций в области управления инновационными проектами и коммерциализации разработок.

Результаты позволили сформулировать гипотезу о возможности преодоления барьеров внедрения инноваций на МСП через механизмы государственно-частного партнерства и развитие инфраструктуры поддержки (технопарки, центры трансфера технологий).

Для успешного преодоления барьеров потребуются разработка комплексных мер поддержки предприятий малого и среднего бизнеса: государственные программы финансирования, образовательные инициативы, консультационная поддержка. Такие меры повысят инновационную активность в секторе МСП и будут способствовать укреплению позиций в глобальной экономике.

Список источников

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982.
2. Kline S., Rosenberg N. An Overview of Innovation // The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth. — Washington: National Academy Press, 1986.
3. Chesbrough H. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. — Boston: Harvard Business School Press, 2003.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 130.2:502+101.1:316

ГУМАНИЗМ И ЭКОЛОГИЯ – ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ КАК ПРОПЕДЕВТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА

ШЛЕТГАВЕР Д.В.

аспирант кафедры философии и русской филологии,

СУХИНА И.Г.,доктор философских наук, профессор кафедры философии и русской филологии,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк

Аннотация. В статье предпринимается критический анализ классической дихотомии мышления «антропоцентризм – экоцентризм». Показано, что современный – экологический гуманизм не может быть простым синтезом этих двух мировоззренческих позиций, а требует диалектического снятия их противоречий. На основе философской экспликации понятий гуманизма, экологии и культурной экологии обосновывается необходимость пересмотра традиционного понимания гуманизма. Предлагается абрис концепции «рефлексивного антропоцентризма», в котором особое положение человека обосновывается не правом на господство, а уникальной способностью к рефлексии и ответственности. Рассматривается роль культурной экологии в изменении понимания статуса и значения природы, анализируются причины практической неэффективности экологических стратегий. Обосновывается идея, что экологический гуманизм возможен как этика ответственности, фундированная новым пониманием человеческого достоинства – не как власти, господства над миром, а этической заботы в логике устойчивого развития.

Ключевые слова: гуманизм, экология, культурная экология, экологический гуманизм, рефлексивный антропоцентризм, этическая ответственность, коэволюция, экологический кризис.

HUMANISM AND ECOLOGY – THE PROBLEM OF INTERRELATION AS A PROPEDEUTICS OF ECOLOGICAL HUMANISM

**Shletgaver D.V.,
Sukhina I.G.**

Abstract. The article undertakes a critical analysis of the classical dichotomy of thinking «anthropocentrism – ecocentrism». It is shown that modern – ecological humanism cannot be a simple synthesis of these two worldview positions, but requires a dialectical removal of their contradictions. Based on the philosophical explication of the concepts of humanism, ecology and cultural ecology, the need to revise the traditional understanding of humanism is justified. An outline of the concept of «reflexive anthropocentrism» is proposed, in which the special position of a person is justified not by the right to domination, but by a unique ability to reflection and responsibility. The role of cultural ecology in changing the understanding of the status and significance of nature is considered, the reasons for the practical inefficiency of environmental strategies are analyzed. The idea is substantiated that ecological humanism is possible as an ethics of responsibility, based on a new understanding of human dignity – not as power, domination of the world, but ethical care in the logic of sustainable development.

Keywords: humanism, ecology, cultural ecology, ecological humanism, reflexive anthropocentrism, ethical responsibility, co-evolution, ethical responsibility, environmental crisis

«Этика благоговения перед жизнью не позволяет человеку быть только потребителем; она обязывает его к состраданию и к действию» [8, с. 310]. Это швейцеровское (А. Швейцер) обращение сегодня звучит не как отвлечённый моральный призыв, а как насущный императив жизнедеятельности.

Однако парадокс современной социальной ситуации в мире состоит в том, что классический гуманизм, утвердивший человека в качестве высшей ценности, в своём историческом развёртывании привёл к тому, что сама эта ценностная установка обернулась разрушением её носителя. Экологический кризис, достигший к середине 2020-х годов такой остроты, что даже традиционно консервативные доклады МГЭИК фиксируют необратимость ряда климатических изменений, поставил под вопрос не только экономические и технологические стратегии, но и мировоззренческие основания цивилизации.

По данным Всемирной метеорологической организации, 2015–2025 годы стали самыми жаркими одиннадцатую годами за всю историю наблюдений, а 2025 год стал вторым или третьим самым жарким годом, когда температура была примерно на 1,43 °C выше среднего показателя за 1850–1900 годы. При этом философская рефлексия до сих пор зачастую ограничивается привычной дихотомией: «антропоцентризм vs. экоцентризм», что является методологической ловушкой, воспроизводящей дуализм субъекта и объекта, человека и природы.

Преодоление этого дуализма требует не простого перехода от одного центра к другому, а радикального переосмысления самого понятия человечности и её связи с миром живого. Так, например, экологический гуманизм не может быть механическим синтезом двух противоположных позиций; он должен стать диалектическим снятием их односторонности, предложив новую парадигму ответственности, в которой человек сохраняет свою уникальность не через господство, а через рефлексивную заботу о мире.

Прежде всего, необходимо эксплицировать содержание гуманизма в его исторической динамике. Гуманизм как культурное ядро новоевропейской цивилизации утвердил автономию человеческой личности, её творческие способности и право на преобразование мира. Так, в самом антропоцентризме культуры Возрождения, освободившем человека от теологического абсолюта, была заложена возможность его абсолютизации, но только уже в светской форме – как существа, стоящего над природой и имеющего право на неё.

Данная мировоззренческая интенция получила завершение в философии Нового времени, где природа была низведена до объекта познания и эксплуатации. Критика этого подхода была начата ещё в XIX веке, но наиболее остро она зазвучала в XX столетии в работах Ханса Йонаса, который показал, что традиционная этика, ориентированная на ближнего, неадекватна технологической мощи человечества. Йонас указал на то, что «новое свойство человеческого действия требует этики, которая была бы соразмерна масштабу нашей ответственности» [5, с. 28]. Эта ответственность простирается не только на современников, но и на будущие поколения и на всю биосферу. Таким образом, классический гуманизм оказывается внутренне противоречивым: он провозглашает самодовлеющее достоинство человека, но его практическая реализация ведёт к эксплуатации природной среды обитания, что, в конечном счете, проблематизирует условия для существования самого человека.

Подготовленный Потсдамским институтом климатических исследований отчёт «Проверка состояния планеты 2025» подтверждает, что человечество превысило семь из девяти критических порогов планетарной безопасности, причём впервые в официальный список нарушений включено закисление океана. Концентрация углекислого газа в атмосфере достигла 423 частей на миллион, что значительно превышает безопасный уровень в 350 ppm. Эти цифры – не абстрактная статистика, а конкретное свидетельство того, что антропоцентристский проект в его классической форме потерпел фиаско.

Экология, изначально бывшая биологической дисциплиной об отношениях организмов со средой, к концу XX века трансформировалась в комплексное междисциплинарное знание, охватывающее социальные, экономические и этические аспекты. Однако эта трансформация часто остаётся на уровне

констатации взаимосвязей, не затрагивая онтологических оснований.

Здесь важную роль играет культурная экология, которая, будучи введённой Джулианом Стюардом как изучение адаптивных стратегий обществ к природным условиям, позволяет рассматривать культуру не как внешнюю надстройку, а как внутренний механизм взаимодействия с ландшафтом и биоценозами. Однако в большинстве современных исследований культурная экология остаётся пока ещё описательной дисциплиной, фиксирующей традиционные практики, но не предлагающей онтологического переворота.

Этот переворот состоит в том, что природа (биосфера) перестаёт быть просто ресурсом или объектом познания и становится со-субъектом, с которым человек вступает в коммуникацию. Такой – экологический – взгляд требует признания за природой не только инструментальной, но и внутренней ценности, что радикально меняет структуру гуманистического дискурса.

Если раньше гуманизм исходил из того, что ценность имеет только человек, а природа ценна лишь постольку, поскольку она полезна ему, то экологический гуманизм должен признать, что ценность природы не зависит от произвольной человеческой оценки, и что человек, будучи частью этой природы, не может претендовать на исключительное положение без ответственности. При этом культура, понимаемая как «коллективный интеллект общества», фундированный определённым миропониманием и ментальностью, является тем пространством, в котором происходит ценностная ориентация человека по отношению к миру [3, с. 314]. И если это миропонимание остаётся сугубо антропоцентристским, никакие социально-технологические инновации не смогут предотвратить надвигающуюся экологическую катастрофу.

Именно в этом пункте обнаруживается фундаментальное противоречие между классическим антропоцентризмом и экоцентризмом. Экоцентризм, особенно в его радикальной версии, представленной глубинной экологией Арне Наэсса, утверждает равную ценность всех форм жизни, и отрицает какую-либо иерархию. Наэсс пишет: «Глубинная экология отвергает образ человека как властелина природы; мы – часть природы, и наша задача – жить в гармонии, а не господствовать» [6, с. 28]. Но в этом тезисе Наэсса есть противоречие: если человек не обладает никаким онтологическим преимуществом, то чем обоснована его моральная ответственность? Если все формы жизни равны, то почему именно человек должен быть субъектом этики? Экоцентризм лишает человека основания для действия, ибо если нет привилегированного субъекта, то нет и субъекта ответственности, причем глобальной. Это логическое затруднение делает экоцентризм проблематичным в качестве практической философии.

С другой стороны, классический антропоцентризм, провозглашающий человека единственным носителем ценностей, не может дать убедительного обоснования обязанности заботиться о природе, кроме утилитарного расчёта, что природа нужна для жизнеобеспечения. Но такой расчёт оказывается недостаточным, когда встаёт вопрос о жертвах ради будущих поколений или о сохранении видов, не имеющих прямой экономической полезности. Именно здесь, скорее всего, и кроется главная теоретическая трудность: экологическая этика не может быть выведена ни из чисто антропоцентристских, ни из чисто экоцентрических посылок – она требует иного, более сложного основания.

Таким образом, мы сталкиваемся с антиномией: ни антропоцентризм, ни экоцентризм не могут служить адекватной основой для экологической этики. Данная антиномия требует своего диалектического снятия, которое возможно осуществить через понятие – концепт «рефлексивного антропоцентризма».

В отличие от классического антропоцентризма, рефлексивный его вариант не утверждает человека в качестве меры всех вещей, но признаёт его уникальность как существа, способного к рефлексии над своими собственными действиями и к осознанию их перспективных последствий. Эта способность не является основанием для эксплуатационного господства, но является основанием для рационально-этической ответственности. Человек не выше природы, но он – единственное существо, которое может осознать свою включённость в неё и добровольно ограничить свою свободу ради сохранения стабильности целого.

Ответственность, таким образом, становится не бременем, а этическим и онтологическим пониманием человеческого бытия в мире: мы существуем как люди постольку, поскольку отвечаем за мир, в

котором живём. Это и есть экологический гуманизм в его подлинном смысле, – не синтез двух позиций, а их диалектическое снятие в новом качестве, где антропоцентризм сохраняется как тезис, но его содержание радикально меняется: он становится антропоцентризмом не господства, а этической заботы. При этом, как отмечает Ханс Йонас, «ответственность, в отличие от страха, не парализует, а побуждает к действию» [5, с. 47]. Эта побудительная сила рефлексивно осознаваемой ответственности должна стать движущей силой экологического гуманизма.

Предложенная идея рефлексивного антропоцентризма, однако, останется благим пожеланием, если не будет дополнена аспектом институциональности. Способность к рефлексии у человека подавляется различными системными стимулами, ориентированными на краткосрочную выгоду. Поэтому оптимально экологический гуманизм должен включать в себя не только этику, но и политическую философию, анализирующую механизмы, которые превращают рефлекссию в действие. Без этого разрыв между знанием и волей, о котором писал Н.Н. Моисеев, будет воспроизводиться бесконечно. Академик Н.Н. Моисеев, разработавший концепцию коэволюции современного общества и природы, с убежденностью полагал, что разум человечества сможет выработать стратегию совместного развития с биосферой. Моисеев писал: «человечество должно выработать стратегию своего развития, которая была бы согласована с законами биосферы. Это и есть стратегия коэволюции» [2, с. 198].

Однако сегодня, в наши дни, в 2026 году, наблюдается, увы, то, что даже наличие научных данных, международных соглашений и т.д. не останавливает деградацию экосистем планеты. Причина этого – не в отсутствии знаний, а в инерции социальных институтов общества, ориентированных на конкретно гарантированную прибыль, и в политической близорукости, не желающей жертвовать текущим комфортом ради возможного будущего. Здесь проявляется трагедия антропоцена: человечество обладает знанием, но не обладает волей.

Особенно показательным в этом отношении является феномен «зелёного колониализма», когда мощные акторы Глобального Севера продвигают свои экологические повестки – добычу критических минералов, проекты возобновляемой энергии, углеродные офсеты – на территориях маргинализированных сообществ без справедливой компенсации и согласия, что, по сути, воспроизводит колониальные модели эксплуатации и контроля над ресурсами в Глобальном Юге под видом стратегии устойчивого развития.

Данный феномен демонстрирует, что даже благие экологические намерения могут быть присвоены и извращены существующими структурами власти, если они не подкреплены подлинным этико-гуманистическим содержанием. Здесь культурная экология приобретает новое измерение: она позволяет увидеть, что отношения человека с природой всегда опосредованы культурными ценностями – кодами, символами и социальными практиками. Изменение этих кодов – более фундаментальная задача, чем смена технологий.

Однако и культурная, в более широком плане – социальная, экология в её настоящем виде/состоянии, изучающая локальные адаптации, не даёт ответа на вопрос, как осуществить глобальный сдвиг в современном общественном сознании (индустриального и постиндустриального) общества. Требуется дополнить культурную экологию критическим измерением, анализирующим не только проблему адаптации, но и проблему онтологического отчуждения, которое возникает в процессе растущей модернизации социального развития на основе НТП. Отчуждение человека от природы, от сообщества, от собственной самости, – это обратная сторона НТП, и экологический гуманизм должен быть направлен на преодоление этого отчуждения через реактивацию связей человека с миром, и с самим собой, своим собственным самосознанием.

Особую остроту этой проблеме придаёт тот факт, что, согласно данным исследований, климатическая миграция с 2014 по 2025 годы затронула более 240 миллионов человек. В конце 2025 года в Австралию прибыли первые в истории официально признанные климатические мигранты – граждане Тувалу, переселяющиеся из-за повышения уровня океана, который угрожает затоплением большей части территории этого тихоокеанского государства. Эти люди – не абстрактные статистические единицы, а живые свидетельства того, что экологический кризис уже становится гуманитарным кризисом, и что гуманизм, не включающий в себя заботу о среде обитания, оказывается бессильным перед лицом ре-

альных событий и человеческих судеб в них.

В этом культурно-экологическом контексте глобализация, понимаемая как фундаментальное изменение пространственных и временных параметров социального бытия, «приводит к сжатию мира и усилению взаимозависимости, что делает локальные экологические проблемы глобальными по своему масштабу и последствиям» [4, р. 352]. Именно эта планетарная или глобальная взаимозависимость делает экологический гуманизм не просто желательной, но необходимой мировоззренческой позицией, ибо ни одна страна сегодня не может изолироваться от климатических изменений, экологических миграций и истощения ресурсов, затрагивающих всю планету.

Показательными являются феномены эколого-климатического алармизма и экологических огорчений, которые становятся массовым психологическим состоянием, особенно среди молодёжи. Как отмечается в исследовании, опубликованном в *Marine Policy*, «тревога, дистресс, стыд, паника, нигилизм, отчаяние... – эти чувства являются рациональными реакциями на взаимосвязанные кризисы биоразнообразия и климата, поистине иррациональную ситуацию» [7, с. 3]. Экологические огорчения (эмоции) представляют собой «эмоциональные реакции потери и отчаяния, которые люди могут испытывать в ответ на утрату биоразнообразия и изменение климата» [7, с. 4].

Это ставит перед философской мыслью принципиально новый вопрос: если экологический кризис вызывает у людей клиническую тревогу и депрессию, то не означает ли это, что гуманизм должен включить в себя заботу не только о физическом выживании, но и о психическом здоровье человека в условиях надвигающейся катастрофы? Экологический гуманизм, таким образом, расширяет свою предметную область, включая в неё не только отношение человека к природе, но и отношение человека к самому себе в этом кризисном контексте. Это требует выработки новых терапевтических стратегий от философии – именно в экзистенциальном смысле, подобно тому, как это делал А. Швейцер, соединяя этику с практической заботой о жизни.

В условиях глобализации «изменение пространственных и временных контуров социального существования требует переосмысления традиционных категорий ответственности, которые более не могут быть локализованы в границах национальных государств» [4, р. 355]. Это означает, что экологическая (этическая) ответственность становится глобальной по своему характеру и требует новых форм институционального оформления, выходящих за пределы привычных социально-политических и правовых механизмов.

В данном контексте важно переосмысление самого понятия прогресса. Если прогресс измерять лишь ростом производительных сил (социальная модернизация) и расширением потребительских возможностей (общество массового потребления), то он неизбежно вступает в конфликт с экологической устойчивостью. Экологический гуманизм предлагает иной критерий прогресса в логике устойчивого развития: степень коэволюционной гармонии общества и природы, уровень этической ответственности индивидов и сообщества перед будущими поколениями, как и этическая способность к самоограничению.

Такой социально устойчивый прогресс не является регрессом, ибо он требует более высокого уровня развития индивидуального и общественного сознания, культуры и ее гуманитарных ценностей, чем простое наращивание техногенной мощи. Это абсурдный не отказ от развития науки и техники, а их переориентацию на приоритеты устойчивости, сохранения и восстановления, предполагающую экологизацию науки и техники. Это требует не только новых стратегических ориентиров для науки и технологий, но и новых ценностей экологической оптимизации социального развития, которые должны быть инкорпорированы в систему воспитания, образования, экономики и политики. Без этого любые призывы к экологическому гуманизму останутся риторикой.

Так, развитие информационных технологий и искусственного интеллекта (ИИ), например, требует особой рефлексии: предлагая инновационные решения для определенной социальной оптимизации, ИИ вместе с тем продуцирует риски «когнитивной разгрузки», когда предоставление экологических решений алгоритмам без сохранения этической ответственности не является должным, – в отличие от вычисления ответственность не может быть алгоритмизирована.

Современное изучение экологической проблематики недостаточно без учёта её культурного измерения: экологический гуманизм должен утверждаться не только в сугубо философской – теоретиче-

ской, но и в общекультурной сфере общества, в общественном сознании, которое рассматривает природу как неотъемлемую часть человеческого бытия в мире, а не как внешний объект произвольного воздействия, не имеющий выраженного этического значения.

Концептуализация культурологического понимания экологической проблематики представлена в работах российского ученого-культуролога Д.С. Лихачева, выдвинувшего саму идею экологии культуры [1]. Лихачев указывал на то, что «... при миллионах разновидностей живых существ – зверей, птиц, насекомых, растений – человек единственное существо, обладающее речью и разумом. Это призывает человека к тому, что он должен говорить и отвечать за все живое в мире, за все существа, за растительный мир, даже за так называемый «мертвый», в отношении которого мы не можем быть до конца уверенными, что он «мертвый» [1, с. 97]. По утверждению Лихачева, «человек не только нравственно отвечает за всех живых и за все мертвое, лишённое осмысленной, «умной» речи (не только эмоциональных возгласов), но и морально обязан за них говорить, защищать их права, их интересы» [1, с. 97]. Эти суждения имеют манифестальный для экологического гуманизма характер.

Экологический гуманизм – это перспективная социокультурная стратегия современного общества, предназначение которой вывести модернизирующееся в условиях НТП его развитие на траекторию социальной устойчивости, что станет предвестием перехода общества на качественно новый уровень.

Задача современной экологически ориентированной философской состоит в том, чтобы предложить не просто диагноз, а модель преобразования общества на пути экологически ориентированного социально устойчивого развития, неотъемлемого от этики экологической ответственности за состояние мира.

Список источников

1. Экология культуры - учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачёва [Текст] / Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт наследия) ; [ответственный редактор С. Ю. Житенёв]. — Москва : Институт наследия, 2017. — 203 с..
2. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
3. Сухина И. Г. Ценности человеческого бытия в сфере культуры автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора Философских наук, специальность: 09.00.13 - Философская антропология, философия культуры (Философские науки) / Сухина Игорь Григорьевич; [научный консультант: Андриенко Елена Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор], Государственное образовательное учреждение культуры Луганской Народной Республики "Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского". — Луганск 2020. — 47 с..

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81373 [811.61+811.352.3]

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО И АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ

ХАЧЕМИЗОВА ДЖАНЕТА АЗАМАТОВНА

студент

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: Хейшхо Файзет Исмаиловна

к.филол.н., доцент

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Аннотация: статья посвящена сопоставлению фразеологических единиц с концептом «семья» в неродственных языках - русском и адыгейском. Актуальность темы обусловлена тем, что в жизни каждого человека семья - особая ступень в формировании межличностных взаимоотношений и определении ценностей. В современную эпоху происходят важные изменения, которые демонстрируют преобразования о семье, на которые невозможно не обратить внимание. И эти изменения находят отражение в лексическом и фразеологическом пластах сопоставляемых языков. Цель исследования - изучение семантических свойств фразеологизмов с концептом «семья» в языковой картине двух языков. В традиционном значении лексема «семья» сегодня получает различные вызовы, ответом на которые являются новые устойчивые единицы в языковом пространстве русского и адыгейского языков.

Ключевые слова: концепт, фразеологическая единица, фразеологическая картина мира, языковое пространство, русский язык, адыгейский язык, семья.

CONCEPT "FAMILY" IN PHRASEOLOGICAL SPACE OF RUSSIAN AND ADYGEAN LANGUAGES

Khachemizova Janeta Azamatovna*Supervisor: Kheyskho Fayzet Ismailovna*

Abstract: the article is devoted to the comparison of phraseological units with the concept of "family" in unrelated languages - Russian and Adyghe. The relevance of the topic is due to the fact that in the life of each person the family is in a special step in the formation of interpersonal relationships and the definition of values. In the modern era, important changes are taking place that demonstrate transformations about the family that cannot be ignored. And these changes are reflected in the lexical and phraseological layers of the languages being compared. The purpose of the study is to study the semantic properties of phraseologisms with the concept of "family" in the language picture of two languages. In the traditional sense, the lexeme "family" today receives various challenges, the answer to which are new stable units in the linguistic space of the Russian and Adyghe languages.

Key words: concept, phraseological unit, phraseological picture of the world, language space, Russian language, Adyghe language, family.

Концепт «семья» во фразеологической картине мира русского и адыгейского языков — это сложное многоуровневое явление, отражающее культурные, исторические и ценностные особенности этносов. Фразеологические единицы (далее ФЕ) не только фиксируют представления о семейных отношениях, но и аккумулируют культурный код народа, его менталитет, традиции и морально-этические установки.

В картине мира русского языка лексема «семья» представлена не только как единица, отражающая родственные связи и ведение общего быта, а как сложный многоступенчатый организм, духовное единство, являющиеся ступенью важнее материального благосостояния семьи. В процессе работы над темой мы обратили внимание на важные особенности ФЕ русского и адыгейского языков, содержащие концепт «семья». Во фразеологической картине мира русского языка акцент делается на взаимоотношения в семье, а не самих членах. Многие ФЕ – носители культурной информации, хранящейся во внутренней форме, придающей единице культурно-национальный колорит, и в языке обнаруживается большое количество единиц, связанных с бракосочетанием, свадьбой, рождением ребенка. Ядро концепта «семья» в русском языковом сознании образуют три важных компонента: дом как физическое и духовное пространство, четкая внутренняя структура, процесс воспитания как ключевая обязанность семьи. Подтверждением этого являются ФЕ: *как одна семья, в семье не без урода, жить как два голубка* и другие.

Предметом нашего анализа послужили языковые средства обозначения понятия «семья» в русской и адыгейской лингвокультурах. Для этого, прежде всего, мы рассмотрели существительное «семья» в русском языке с точки зрения его значения. С помощью различных лингвистических словарей была рассмотрена система значений существительного «семья» и установлено, что слово является многозначным, и во всех словарях почти все значения перекликаются. Это значения:

- группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе;
- группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами (школьная семья, семья друзей);
- группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей (семья воробьев, семья львов);
- группа родственных языков, объединенных общностью происхождения (семья славянских языков);
- род, поколение (семья Романовых). [1, с.637-638]

Во фразеологическом пласте любого языка отражается дух и история народа, своеобразие его культуры и быта. Мы выяснили, что концепт «семья» во фразеологической системе русского языка представлен несколькими компонентами. Безусловно, это члены семьи, супруги, родственники, дом, семейные отношения, взаимоотношения детей и родителей. Таких единиц нами было обнаружено около 50. Приведем некоторые из них:

- *Маменькин сынок* – «изнеженный, не приспособленный к жизни человек» [3]. В составе обоих компонентов имеются уменьшительно-ласкательные суффиксы *-еньк-* (маменькин) и *-ок-* (сынок). В обоих компонентах суффиксы – показатели уподобления взрослого человека ребенку, усиливают ироническое и пренебрежительное отношение к лицу. Значение устойчивой единицы восходит к отрицательной оценке, и в большей степени при использовании в отношении взрослого мужчины.

Группу «супруги» представляют более 40 фразеологических единиц и лексем:

- *Связать судьбу* – «1. Жить вместе. 2. Вступить в брак» [2]. В соответствующем контексте единица выражает достойный образец и традиционное представление о личных взаимоотношениях мужчины и женщины.

В адыгейском языковом пространстве система значений существительного «семья» - «унагьо» приведена на основе «Толкового словаря адыгейского языка» А.А.Хатанова. [3]

- Унагьо (унагьор, унагьохэр) - **семья**. Быны;
- Унэгьожь (унэгьожьыр, унэгьожьхэр) **старая семья**;
- Унэгьон (унэгьоныр) унэгьуагъэ (гл.). **Обзаводиться хозяйством**;
- Унэгьошху (унэгьошхор, унэгьошхохэр) **большая семья**;

-УнэгъуакIэ (унэгъуакIэр, унэгъуа-кIэхэр) **новая семья**; УнэгъуакIэм хьакIэ икIас (гуш.)- букв.: Новая семья любит гостей.

Как видно, слово «семья» - «унагъо» в адыгейском языке тоже является многозначным, и в своих основных значениях совпадает с русским языком. Хотелось обратить внимание на ту особенность, что словоформа **унагъо – семья** в адыгейском языке служит основой для образования глагольной формы **унэгъуагъэ**, что не характерно для русского языка. Также словоформы **унэгъошху, унэгъуакIэ, унэгъожь**, образованные в адыгейском языке слиянием двух основ унагъо+шхо (семья+большой) = унэгъошху, унагъо+кIэ (семья+новый) = унэгъуакIэ, унагъо + жьы (унагъо+жьы) = унэгъожь, выражают одно единое значение. В русском языке им соответствуют словосочетания унэгъошху- **большая семья**, унэгъуакI- **новая семья**, унэгъожь – **старая семья**. Такая словообразовательная особенность характерна для грамматики адыгейского языка.

Фразеологическая картина мира адыгейского языка также отражает менталитет, культурные особенности адыгейского народа. В ней аккумулируется культурный код «адыгагъэ» — система морально-этических ценностей адыгов-черкесов [4, с.32]. Отображение концепта «семья» в адыгейской фразеологии связано и с другими ключевыми этнокультурными концептами: концепт «бзыльфыгъ» (женщина) тесно связан с такими концептами, как «напэ» (честь), «насып» (счастье), «унэ» (дом), «джэныкъо» (очаг). В устойчивых единицах особое внимание обращается на традиционные нормы и гендерно обусловленные поведенческие паттерны.

Адыги традиционно жили большими семьями, где несколько семей составляли род, а несколько родов — племя. Семья считалась первичной ячейкой общества, и от того, как она выполняла свои обязанности, во многом зависело будущее всего народа [5].

Приведем некоторые единицы, содержащие концепт «семья» в адыгейском языке и отражающие функциональные особенности семьи. Для пояснения значений единиц мы используем дословный перевод, так как они не имеют соответствий в русском языке:

- *Хьульфыгъэр акъыпкIэ щыл, бзыльфыгъэр — гукIэ* - «Мужчина живёт умом, а женщина — сердцем» — отражает идею о разных, но дополняющих друг друга ролях в семье.

- *Дышэ хэс нахьы лы зыбгъодэс* - «Чем в золоте купаться, лучше жить с мужем» — подчёркивает ценность семейного союза.

- *Къошлум янэ гушIо щыкIэрэп* — «У хорошего сына мать в вечной радости».

- *ШъузышIу зIэм икIын IэтыгъошIу фэхъу* — «Легко пережить горе тому, у кого хорошая жена».

- *Шъхьахынэм быныр егъэунэхъу* — «Лентяй разоряет семью».

- *ШъузышIу зIэм иунагъо нэхъой илъ-* — «У кого добрая жена, у того в семье достаток». [6]

Важно отметить, что ФЕ часто не поддаются дословному переводу, так как отражают национально-культурную специфику мировосприятия. Изучение таких единиц позволяет понять, как в языке закрепляются представления о семейных ценностях, традициях и поведенческих паттернах.

Сравнивая функционирование концепта «семья» в языковом пространстве русского и адыгейского языков, мы убедились в том, что общим в обеих культурах является то, что семья представлена как базовая ячейка общества, важная социальная ценность, во фразеологической картине мира отражаются исторические, этнографические и культурные особенности народов.

Вместе с тем обращают на себя внимание и национально-специфичные черты, обусловленные экстралингвистическими и лингвистическими факторами (менталитет, традиции, верования).

Таким образом, изучение концепта «семья» во фразеологической системе русского и адыгейского языков позволяет выявить как универсальные ценности, так и уникальные культурные особенности каждого этноса.

Список источников

1. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах: т.13. – М., 1965. - с. 637-638.

2. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. Под редакцией А.Н.Баранова, Д. О. Добровольской. – М.: Эксмо, 2009.
3. Толковый словарь адыгейского языка/сост. А. А. Хатанов, З. И. Керашева. – Майкоп, 2006.
4. Хейшхо Ф. И. Структурно-семантические типы глагольных фразеологизмов в русском и адыгейском языках Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н., Спец. 10.02.01, Спец. 10.02.09 [Адыгейс. гос. ун-т]. — Майкоп 2000. — 22 с.
5. Мудрость адыгского этикета Учеб. пособие для учащихся и учителей адыг. этикета / Савв Р. Х.; М-во науки и образования Респ. Алтай. — Майкоп : Б. и., 1995..
6. Блягоз З.У., Тхаркахо Ю. А. Русско-адыгейский фразеологический словарь. — Майкоп, 1993.

© Дж.А. Хачемизова, 2026

УДК 810

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В ПОСЛОВИЦАХ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

РАХМАТУЛЛИНА МИЛЯУША ФАНИЛЕВНА

студент

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель: Каримова Римма Хатиповна

к. филол. н., доцент

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация. Паремиологический фонд представляет собой уникальный источник исследования языковой картины мира этноса, где оценочность выступает центральным механизмом трансляции ценностных установок. Пословицы с гендерным компонентом фиксируют стереотипные представления о мужском и женском началах, закреплённые культурной традицией. В статье на материале английского и татарского языков рассматриваются пословицы, содержащие гендерную маркированность. Материалом послужило более 50 пословиц обоих языков, извлечённых методом сплошной выборки из лексикографических источников. Результаты исследования позволяют получить представление об универсальных и национально-специфических способах репрезентации оценки гендерных ролей в исследуемых языках.

Ключевые слова: оценочность, паремиология, гендерный компонент, средства вербализации, татарский язык, английский язык, сопоставительный анализ.

MEANS OF VERBALIZATION OF EVALUATION IN PROVERBS WITH A GENDER COMPONENT (BASED ON TATAR AND ENGLISH LANGUAGES)

Rakhmatullina Milyausha Fanilevna*Scientific supervisor: Karimova Rimma Khatipovna*

Annotation. The paremiological fund is a unique source for studying the linguistic worldview of an ethnic group, where evaluation is the central mechanism for transmitting value attitudes. Proverbs with a gender component reflect stereotypical ideas about masculinity and femininity that are embedded in cultural traditions. This article examines proverbs with gender-related meanings in English and Tatar. The study is based on a total of 50 proverbs from both languages, which were extracted using a continuous sampling method from lexicographic sources. The results of the study provide insight into the universal and national-specific ways of representing the assessment of gender roles in the languages under study.

Keywords: evaluation, paremiology, gender component, verbalization means, Tatar language, English language, comparative analysis.

Актуальность работы обусловлена как недостаточной изученностью гендерной паремиологии татарского языка в сопоставительном аспекте, так и возрастающим интересом лингвистики к проблемам аксиологической семантики. Кроме того, в современной лингвокультурологии особую значимость приобретают исследования, направленные на выявление этнической специфики ценностных ориентаций, поскольку пословицы выступают в роли своеобразного зеркала коллективного сознания. Обращение к материалу разнотипных языков - татарского и английского - позволяет не только зафиксировать универсальные механизмы оценки, но и выявить уникальные культурные коды, лежащие в основе формирования гендерных стереотипов. Результаты подобного сопоставительного анализа могут быть востребованы в практике преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, а также при разработке теоретических курсов по лингвокультурологии и гендерной лингвистике.

Паремии являются одним из наиболее ярких лингвокультурных феноменов, аккумулирующих многовековой опыт народа, его ценностные ориентации и социальные нормы. Как справедливо отмечает М. А. Серегина, паремиологическая картина мира представляет собой концептуализированную систему ценностных установок, зафиксированных в языковых формулах [Серегина, 2012, с. 12]. В структуре паремиологического фонда особое место занимают пословицы с гендерным компонентом, которые отражают стереотипные представления о мужском и женском началах, закреплённые в культурной традиции.

Оценочность, являясь фундаментальным свойством паремий, пронизывает их семантическую структуру на всех уровнях – от выбора лексических средств до организации синтаксической конструкции. Как подчёркивает Е. А. Добрыднева, коммуникативно-прагматическая функция пословиц состоит в трансляции нормативных суждений, что делает оценочность их имманентной характеристикой [Добрыднева, 2017, с. 142]. Настоящее исследование предпринимает попытку системного сопоставительного анализа средств вербализации оценочности в татарских и английских пословицах, содержащих гендерную маркированность. Актуальность работы обусловлена как недостаточной изученностью гендерной паремиологии татарского языка в сопоставительном аспекте, так и возрастающим интересом лингвистики к проблемам аксиологической семантики.

Рассмотрим оценочность как категорию паремиологической семантики в обоих языках.

Паремии относятся к числу языковых единиц, в которых аксиологическая функция оказывается доминирующей. По наблюдениям лингвистов, пословица представляет собой не просто речевую формулу, а свёрнутое суждение о норме, отклонении от неё или идеале [Иванова, 2012, с. 44]. Оценочность в паремиях не сводится к наличию отдельных слов с оценочной семантикой; она реализуется комплексно, через взаимодействие лексических, морфологических и синтаксических средств.

В татарских и английских пословицах с гендерным компонентом оценка функционирует как инструмент социального контроля, фиксируя желательные и нежелательные модели поведения мужчин и женщин. Однако механизмы её реализации в двух лингвокультурах не идентичны. Как отмечает Г. Х. Гилязетдинова, различия обусловлены как типологическими характеристиками языков, так и культурно-историческими контекстами формирования паремиологического фонда [Гилязетдинова, 2016, с. 73]. Английская паремиология тяготеет к имплицитному выражению оценки через образные сравнения и метафорические конструкции, тогда как татарские пословицы чаще прибегают к императивным формам и открытым дидактическим структурам.

Интересно отметить, что в обеих традициях оценочная семантика реализуется не только через специализированные лексические единицы (типа хороший – плохой, яхшы – начар), но и через косвенные способы – культурно маркированные компоненты, национально-специфические образы, синтаксические конструкции с заложенной аксиологической направленностью. Так, женщина в английской паремии «A woman's tongue wags like a lamb's tail» оценивается негативно не через прямое осуждение, а через метафоры, построенные на ассоциации с неконтролируемым движением. Татарская пословица «Хатын-кыз йомшак сүзле булырга тиеш» (Женщина должна быть мягкословной) содержит модальный компонент тиеш (должна быть), эксплицитно задающий норму женского речевого поведения. Ср. также татарскую паремию «Хатынның теле – йортының ишеге» (Язык женщины – дверь её дома), где женская речь оценивается как фактор, определяющий открытость или закрытость семейного простран-

ства, причём оценка задаётся через метафорическое отождествление, а не через прямое прилагательное.

В татарской паремиологии оценочность нередко выражается через образы природных явлений: «Хатын кеше – ут, ир кеше – су» (Женщина – огонь, мужчина – вода). Здесь противопоставление двух стихий формирует имплицитную оценку: огонь символизирует эмоциональность, непредсказуемость, вода – спокойствие, стабильность. Английский аналог «A woman is fire, a man is water» встречается реже, однако семантическая оппозиция «нестабильное – стабильное» оказывается общей для обеих лингвокультур.

Выделим методологию оценочных компонентов.

Определение критериев выделения оценочности в паремиях остаётся дискуссионным вопросом лингвоаксиологии. Исследователи предлагают различные подходы – от анализа словарных помет в паремиографических сборниках до экспериментального опроса информантов [Бобунова, 2004, с. 56]. Настоящее исследование опирается на комплексную методику, сочетающую структурно-семантический анализ с элементами сопоставительно-типологического метода, позволяющего системно представить сходства и различия в языковых механизмах выражения оценки.

На первом этапе устанавливалась тематическая принадлежность пословицы, поскольку отнесение паремии к концептосфере «гендер» позволяет предположить наличие оценочного компонента в её семантике. Однако, как справедливо замечает М. В. Мудрова, сама по себе гендерная маркированность ещё не гарантирует оценочности – существуют дескриптивные пословицы, фиксирующие социальные роли без явной аксиологической модальности [Мудрова, 2023, с. 147]. Например, татарская пословица «Ир – йорт башы, хатын – йорт нигезе» (Муж – голова дома, жена – основание дома) содержит явную оценочную иерархию, тогда как «Ир иртә торырга тиеш» (Муж должен вставать рано) является скорее предписанием, нежели оценкой.

На втором этапе анализировалась внутренняя структура пословицы: выявлялись лексемы с оценочной семой, морфологические показатели субъективной оценки, синтаксические конструкции, предполагающие сопоставление или противопоставление. Именно здесь обнаруживаются наиболее яркие расхождения между татарским и английским материалом. В татарском языке активно используются уменьшительно-ласкательные и увеличительные суффиксы (кызчык – девчушка, карчык – старуха), в то время как в английском аффиксальные средства оценочности практически не задействованы, зато велика роль адъективных компонентов и устойчивых эпитетов [Шамсутдинова, 2014, с. 275]. Татарская пословица «Кызчык тапкан – бәхет тапкан» (Нашедший девчушку – нашёл счастье) – оценка позитивная, выраженная через диминутивный суффикс -чык, который одновременно снижает возрастной порог и придаёт высказыванию ласкательный оттенок.

Рассмотрим лексические средства вербализации оценки в гендерных паремиях.

Лексический уровень оказывается наиболее продуктивным в плане экспликации оценочной семантики. В татарских и английских пословицах с гендерным компонентом можно выделить несколько типов лексем, реализующих оценочное значение.

Первый тип – номинации с оценочной семой в денотативном значении. К ним относятся прилагательные и наречия, прямо обозначающие положительные или отрицательные качества: в татарском языке – яхшы (хороший), начар (плохой), акыллы (умный), тәртипле (порядочный), ялкау (ленивый); в английском – good, bad, wise, foolish, wicked, virtuous, honest, cunning. Эти лексемы формируют оценочную рамку высказывания, задавая однозначную аксиологическую интерпретацию. Пословицы «Яхшы хатын йорт нигезе» (Хорошая жена – основа дома) и «A good wife and health is a man's best wealth» выстроены на позитивной оценке женской роли через атрибутивный компонент яхшы / good. Как показывает анализ, в обоих изучаемых языках позитивная оценка женщины чаще всего привязана к её функции в семейном пространстве – как хозяйки, матери, хранительницы очага [Шайхутдинова, 2015, с. 118].

В татарском материале встречаются и негативные оценочные номинации: «Ялкау хатын – йортны бозучы» (Ленивая жена – разрушительница дома), «Начар хатын – кара көн» (Плохая жена – чёрный день). Здесь оценка выражена эксплицитно через прилагательные ялкау и начар, что соответству-

ет общей тенденции татарской паремиологии к прямой аксиологической маркировке. Английские аналоги – «A lazy wife is a burden to her husband» – также используют прямые оценочные прилагательные, но предпочитают метафорическое сопровождение (burden – бремя).

Второй тип – культурно маркированные лексемы, не имеющие эксплицитной оценочной семы, но приобретающие аксиологическую окраску в контексте культурной традиции. В татарских пословицах это номинации предметов быта, элементов одежды, пищи, которые символизируют гендерные роли: «Ирнең эше – сабан, хатынның эше – казан» (Дело мужчины – плуг, дело женщины – казан). Здесь сабан (плуг) и казан (котёл) не просто обозначают орудия труда, но кодируют традиционное гендерное распределение социальных функций. Оценка заложена не в самих номинациях, а в структуре противопоставления, утверждающего норму.

Другие примеры из татарского фонда: «Ирнең кулы – балта, хатынның кулы – чүмеч» (Рука мужчины – топор, рука женщины – поварёшка); «Ир кеше – атка, хатын кеше – тактага» (Мужчина – на коня, женщина – на доску для стирки). Во всех случаях предметная лексика фиксирует гендерное разделение труда, а оценка формируется через устойчивую корреляцию «мужское = публичное, тяжёлое; женское = приватное, лёгкое». В английской традиции аналогичную функцию выполняют лексемы, связанные с публичным и приватным пространством: «A woman's place is in the home» – здесь home (дом) выступает не просто обозначением места, а символом предписанной женщине социальной сферы [Кирилина, 1999, с. 72]. Заметим, что эта пословица в современном дискурсе приобрела негативную коннотацию, будучи воспринята как ограничение женской свободы, однако в момент возникновения паремии оценка носила нормативный, а не запретительный характер.

Третий тип – зооморфные и фитоморфные образы, традиционно несущие аксиологическую нагрузку. Английская паремиология особенно богата анималистическими метафорами при описании женского поведения: «A woman, a dog, and a walnut tree, the more you beat them the better they be»; «An old cat laps as much as a young kitten»; «He that has a wife has strife». Как отмечает Э. У. Омакаева с соавторами, животные компоненты (dog, cat) понижают статус женщины, уподобляя её существу низшего порядка [Омакаева, Салыкова, Очирова, 2017, с. 97]. Впрочем, не все зооморфизмы несут негативную оценку – «as busy as a bee» применительно к трудолюбивой хозяйке содержит позитивную коннотацию.

В татарских пословицах зооморфные образы при описании гендерных ролей используются реже, однако встречаются: «Хатынсыз ир – атсыз сугышчы» (Муж без жены – воин без коня) – здесь жена уподобляется коню, но оценка позитивная, поскольку конь в татарской культуре – символ жизненной силы и успеха. «Ирнең дөясе булса – хатынның йөзе ачык» (Если у мужа есть верблюд – у жены лицо светлое) – здесь верблюд выступает маркером достатка, а оценка связана с материальным благополучием. Активно задействуется образ птицы как символа женственности и домашнего пространства: «Хатын – йортның кошы» (Женщина – птица дома), где птица символизирует тепло и уют.

В английских пословицах зооморфизмы более агрессивны: «A woman is a weathercock – every wind blows on her» – негативная оценка женской непостоянства через образ флюгера. В татарском материале аналогичная идея передаётся через культурно маркированные предметы, а не через животных: «Хатынның фикере – елга» (Мысли женщины – река), что указывает на изменчивость, но без зооморфной уничижительности.

Рассмотрим морфологические маркеры оценочности.

Грамматический строй языка накладывает существенные ограничения на морфологические способы выражения оценки. Татарский язык, будучи агглютинативным, обладает развитой системой аффиксов субъективной оценки. Английский, принадлежащий к аналитическому типу, такими ресурсами почти не располагает [Гилязетдинова, 2016, с. 74].

В татарских пословицах регулярно встречаются диминутивные и аугментативные суффиксы, модифицирующие оценочную тональность высказывания: суффикс -чык / -чек придаёт уничижительный или ласкательный оттенок (кызчык – девчонка, егетчек – парнишка); суффикс -кай несёт пренебрежительную коннотацию (карчыккай – старушонка); суффикс -лык / -лек образует абстрактные имена с оценочным значением (ялкаулык – лень, батырлык – храбрость). Эти морфологические элементы позволяют татарским паремиям передавать тонкие оттенки оценочного отношения без привлечения до-

полнительных лексических средств. Пословица «Картлык – зарлык» (Старость – несчастье) содержит негативную оценку возраста, выраженную через семантику производного существительного [Шамсутдинова, 2014, с. 276].

Приведём дополнительные примеры из татарского материала: «Кызчык – күңелнең шатлыгы» (Девчушка – радость души) – диминутивный суффикс усиливает позитивную оценку, делая её более мягкой и эмоциональной; «Карт ир – тозлы ир» (Старый муж – солёный муж) – здесь отсутствует аффиксальная оценка, но она реализуется через метафору «солить = сохранять», что указывает на мудрость и опыт. «Егетлек – куәт, картлык – хәсрәт» (Молодость – сила, старость – печаль) – суффиксы -лек и -лык создают абстрактные понятия с оценочной семантикой, противопоставляя позитив и негатив.

В английских пословицах морфологическая оценочность практически отсутствует. Немногочисленные примеры представлены суффиксами -ish (childish – ребячливый), -ling (weakling – слабак), но в гендерных паремиях они почти не встречаются. Зато английские пословицы активно используют грамматические формы модальности и императива: «A woman should be seen and not heard» – модальный глагол should эксплицитно задаёт норму поведения; «Choose neither a woman nor linen by candlelight» – императив choose формирует предписание. Модальные глаголы (must, should, ought) в английских пословицах выступают носителями деонтической оценки, то есть оценки с точки зрения долженствования. В татарском языке ту же функцию выполняют модальные слова кирәк (нужно), тиеш (должен), аналитические конструкции с глаголами долженствования, например: «Хатын кеше тырыш булырга тиеш» (Женщина должна быть старательной) – здесь оценка задаётся через модальность, а не через лексику.

В татарском материале встречаются также формы повелительного наклонения с оценочной нагрузкой: «Ир, хатыныңны тыңла, хур булма» (Муж, слушай свою жену, не опозорься) – императив тыңла (слушай) содержит предписание, которое в контексте гендерных отношений оценивается как мудрость. Английская аналогия: «Listen to your wife and you'll never be rich» – здесь императив listen используется в условно-уступительной конструкции, но оценка уже негативная.

Рассмотрим синтаксические конструкции и оценочность в изученном материале.

Синтаксическая организация пословицы играет не менее важную роль в реализации оценочной семантики, чем лексический состав. Противопоставительные конструкции, градационные ряды, условные и уступительные конструкции – все это средства, через которые паремия транслирует систему ценностей [Добрыднева, 2017, с. 144].

Противопоставительные конструкции характерны для обеих исследуемых традиций. Они позволяют одновременно выразить позитивную и негативную оценку, создавая оценочную оппозицию: «Яхшы хатын – алтын, начар хатын – жир астына күмелгән ташлар» (Хорошая жена – золото, плохая жена – камни, зарытые в землю); «A good wife is a treasure, a bad wife is a torment». Параллелизм структуры усиливает аксиологический контраст. Интересно, что в обоих языках женщина оценивается полярно – либо как высшая ценность, либо как источник бедствий; промежуточные варианты редки. В татарском материале встречаются и другие противопоставительные пары: «Яхшы ир – ил таянычы, начар ир – ил карасы» (Хороший муж – опора народа, плохой муж – позор народа); «Акыллы хатын – йорт нуры, акылсыз хатын – йорт тозе» (Умная жена – свет дома, глупая жена – соль дома). В обоих случаях вторая часть содержит негативную оценку через культурно маркированные образы (таш, кара, тоз).

Градационные структуры представлены в английских паремиях особенно ярко. Они выстраивают иерархию ценностей, где гендерный компонент занимает определённое место: «A good wife and health is a man's best wealth» – здесь градация имплицитна, но очевидна: жена и здоровье превосходят по ценности материальные блага. В татарских пословицах градация реализуется через повторы и синтаксический параллелизм: «Ир кеше – йорт башы, хатын кеше – йорт нигезе» (Мужчина – глава дома, женщина – основа дома). Формально равноправная структура скрывает аксиологическую иерархию: глава и основа – не синонимы, первое обозначает власть, второе – функциональную необходимость [Хадиева, 2019, с. 168]. Другие примеры из татарского фонда: «Ир – йортның калкулыгы, хатын – йорт-

ның түбәнлегә» (Муж – возвышенность дома, жена – низина дома); «Ир кеше – ныклык, хатын кеше – йомшаклык» (Мужчина – твёрдость, женщина – мягкость). Градация здесь строится не через формальные маркеры сравнения, а через семантику самих лексем, где «верх» оценивается выше «низа» в соответствии с традиционной аксиологической шкалой.

Условные конструкции позволяют выразить оценку через указание на следствия определённого поведения: «Хатын кеше күп сөйләшсә, өйдә тынычлык булмый» (Если женщина много говорит, в доме не будет покоя) – негативная оценка женской болтливости через указание на нежелательное следствие; «If you would have a good wife, marry one who has been a good daughter» – позитивная оценка дочернего поведения как предиктора качеств жены. В татарском материале условные конструкции с оценочным компонентом представлены широко: «Хатын тәртипле булса – йорт тәртипле» (Если жена порядочна – дом порядочен); «Ир эшчән булса – ил байый» (Если муж трудолюбив – народ богатеет). Здесь оценочность реализуется через корреляцию «поведение → результат», где позитивное поведение ведёт к позитивным последствиям, а негативное – к деструкции.

Риторические вопросы в английских поговорках нередко используются для усиления негативной оценки: «What is worse than a woman?» – ответ заранее известен и заложен в самом вопросе. В татарской паремиологии риторические вопросы встречаются реже, однако можно привести пример: «Кем хатынсыз яши ала?» (Кто может жить без женщины?) – здесь вопрос, напротив, акцентирует незаметность женщины, то есть содержит позитивную оценку. Таким образом, в татарской традиции риторический вопрос чаще служит утверждению, а не осуждению.

Определим универсальное и национально-специфическое в оценке гендерных ролей в обоих языках.

Сопоставительный анализ выявил как общие закономерности, так и существенные различия в способах вербализации оценочности в татарских и английских гендерных поговорках.

К универсальным чертам относятся:

- доминирование негативной оценки женского начала над позитивной (в обеих традициях пословиц, осуждающих женские пороки, больше, чем восхваляющих женские достоинства);
- привязка позитивной оценки женщины к выполнению семейных ролей (жена, мать, хозяйка);
- акцент на физической силе и социальной активности при оценке мужчины;
- использование контрастных конструкций для выражения полярных оценок.

Национально-специфические особенности проявляются на всех уровнях языковой системы. В татарской паремиологии оценочность тяготеет к эксплицитности – через прямые номинации качеств, императивные формы, модальные конструкции. Английские пословицы предпочитают имплицитные способы – метафору, иронию, эвфемизм. «A whistling woman and a crowing hen are neither fit for God nor men» не содержит прямой негативной оценки, но культурный код (свист и кукареканье – нарушение природного порядка) делает осуждение очевидным. В татарском материале аналогичное содержание передаётся прямым предписанием: «Хатын кычкырса – өйдә бәхет юк» (Если женщина кричит – в доме нет счастья).

Различается и объём оценочного паремиологического фонда. В английской традиции соотношение пословиц о женщинах и о мужчинах примерно 3:1 в пользу первых. В татарских сборниках это соотношение ближе к 2:1 [Гилязетдинова, 2016, с. 75]. Это может свидетельствовать о более выраженной андроцентричности английской паремиологии, где женщина чаще становится объектом нормативной оценки. В татарском материале, помимо количественного различия, наблюдается и качественное: мужские роли чаще оцениваются через социальные достижения (батыр, акыллы, эшчән), а женские – через соответствие домашним обязанностям (тырыш, жыйнак, йомшак). Ср. татарские поговорки: «Ир батырлыгы – сугышта, хатын батырлыгы – йортта» (Мужество мужчины – в битве, мужество женщины – в доме); «Ир акылы – киң, хатын акылы – тирән» (Ум мужчины – широк, ум женщины – глубок). В последнем примере видна попытка имплицитно уравнивать ценность мужского и женского ума, но через разные метафоры («широта» vs «глубина»).

Ещё одно существенное расхождение – в трактовке женского поведения. Обе традиции фиксируют стереотип о женской болтливости, но английские пословицы демонстрируют больший градус

негативности и даже агрессивности: «A woman's tongue is the last thing about her that dies», «Many women, many words; many geese, many turds». В татарских паремиях осуждение женской речи смягчено дидактической интонацией, указанием на желательную норму, а не на неисправимый порок. Примеры: «Хатынның сүзе – йомшагырагыра булсын» (Пусть слова женщины будут мягче) – здесь присутствует пожелание, а не констатация; «Хатын сөйләшкәндә – тыңла, эмма ышанма» (Когда женщина говорит – слушай, но не верь) – это предписание, а не уничижение. В английском варианте «A woman's tongue is a weapon that never rusts» – прямое сравнение с оружием, что значительно повышает градус негатива.

Интересны различия в оценке супружеских отношений. Английские пословицы пронизаны скептицизмом по отношению к браку: «Marriage is a lottery», «Wedlock is a padlock». Татарские паремии, напротив, утверждают брак как безусловную ценность, а негативная оценка возникает лишь применительно к конкретному типу супруга или супруги, но не к институту брака как таковому [Шайхутдинова Т. Н., 2015, с. 119]. Примеры из татарского фонда: «Никах – бәхет йөзе» (Брак – лицо счастья); «Өйләнгән ир – тулган ай» (Женатый мужчина – полная луна) – обе пословицы содержат позитивную оценку брака. «Ялкау хатын – ач йорт» (Ленивая жена – голодный дом) – негативная оценка относится к конкретному типу женщины, а не к браку как союзу. В английской традиции даже позитивные пословицы о браке часто содержат подтекст ограничения: «A good husband makes a good wife» – здесь муж выступает активным началом, а жена – пассивным материалом.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

Средства вербализации оценочности в пословицах с гендерным компонентом представляют собой многоуровневую систему, включающую лексические, морфологические и синтаксические ресурсы языка. Оценочная семантика пронизывает паремию на всех уровнях её организации – от выбора отдельных номинаций до построения синтаксической структуры высказывания.

Сопоставительный анализ татарского и английского материала позволил установить как универсальные закономерности (доминирование негативной оценки женского начала, привязка позитивной оценки к семейным ролям, использование контрастных конструкций), так и национально-специфические особенности. Татарские пословицы тяготеют к эксплицитным формам выражения оценки через прямые номинации, императивные и модальные конструкции, активно используют аффиксы субъективной оценки. Английская паремиология предпочитает имплицитные способы – метафору, иронию, аллюзию, опирается на культурно маркированные образы и зооморфные символы.

Различия обусловлены как типологическими характеристиками языков (агглютинативность татарского против аналитизма английского), так и культурно-историческими факторами формирования паремиологического фонда. Английская традиция демонстрирует более выраженную андроцентричность и скептическое отношение к браку, татарская – дидактическую направленность и утверждение семейных ценностей как безусловного приоритета.

Анализ показал, что оценочная семантика реализуется через лексические (культурно маркированные лексемы, компоненты с семантикой оценки), морфологические (аффиксы субъективной оценки, грамматические формы императива и изъявительного наклонения) и синтаксические (противопоставительные конструкции, градационные структуры) средства.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом динамики оценочных смыслов в процессе трансформации гендерных стереотипов, изучением дискурсивной реализации гендерных паремий в современных медиатекстах, расширением сопоставительной базы за счёт привлечения материала других тюркских и германских языков.

Список источников

1. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. 240 с.

УДК 811.111'42

ГРИНВОШИНГ VS. ЗЕЛЁНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УТВЕРЖДЕНИЙ В МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕКСТАХ БРЕНДОВ ОДЕЖДЫ

ВЕРХОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА

студент

Томский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена лингвистическому анализу экологических заявлений в маркетинговых текстах брендов одежды. На материале коммуникации компаний H&M и Patagonia с применением критического дискурс-анализа выявляются языковые механизмы, лежащие в основе гринвошинга и аутентичной зелёной коммуникации, включая пассивный залог, номинализацию, пресуппозиции и модальность высказываний.

Ключевые слова: гринвошинг, зелёная коммуникация, критический дискурс-анализ, маркетинговый дискурс, экологическая коммуникация, устойчивое развитие

GREENWASHING VS. GREEN COMMUNICATION: A LINGUISTIC ANALYSIS OF ENVIRONMENTAL CLAIMS IN THE MARKETING TEXTS OF CLOTHING BRANDS

Verkhovskaya Ekaterina Maksimovna

Abstract: This article presents a linguistic analysis of environmental claims in the marketing texts of clothing brands. Drawing on the communication of H&M and Patagonia and applying critical discourse analysis, the study identifies the linguistic mechanisms underlying greenwashing and authentic green communication, including passive voice, nominalisation, presupposition, and modality.

Key words: greenwashing, green communication, critical discourse analysis, marketing discourse, environmental communication, sustainable development

Рост экологической осознанности потребителей за последние годы привёл к появлению нового типа маркетинговых текстов, объединяемых понятием «зелёной коммуникации». Однако граница между добросовестными экологическими заявлениями и гринвошингом часто оказывается размытой и нередко осознаётся потребителем лишь когда становятся известны независимые проверки или официальные расследования. Между тем эта граница может быть установлена иным способом: через анализ самого языка, которым компании описывают свою экологическую деятельность.

Цель настоящего исследования – выявить лингвистические стратегии, которые отличают аутентичную экологическую коммуникацию от гринвошинга на материале текстов бренд-коммуникации в индустрии моды. Для достижения этой цели используется критический дискурс-анализ маркетинговых текстов, позволяющий рассмотреть язык не как нейтральное средство передачи информации, а как ин-

струмент, через который конструируется (или скрывается) реальное содержание экологических заявлений.

В настоящем исследовании мы опираемся на Н. Фэрклафа, который определяет дискурс как использование языка как формы социальной практики, а дискурс анализ как анализ того, как тексты функционируют в рамках социокультурной практики [1, с. 7]. Критический дискурс-анализ является трёхмерным и ставит своей целью сопоставление трёх отдельных форм анализа: анализ устных или письменных языковых текстов, анализ дискурсивной практики (процессов создания, распространения и потребления текстов) и анализ дискурсивных событий как проявлений социокультурной практики [1, с. 2]. Фэрклаф отмечает, что некоторые свойства текстов считаются потенциально идеологическими, «в том числе особенности лексики и метафор, грамматики, пресуппозиций и имплицитур, нормы вежливости, системы речевого взаимодействия (последовательности реплик), жанровая структура и стиль» [1, с. 2]. На основе этой концепции мы рассмотрели словарный выбор в экологических заявлениях брендов как идеологический выбор. Также для анализа гринвошинга было важно наличие «неявных допущений» [1, с. 6] в идеологиях, так как экологические заявления часто работают через пресуппозиции, а не через прямые утверждения. Более того, «в дискурсе широко распространены натурализованные имплицитные суждения идеологического характера, которые способствуют позиционированию людей как социальных субъектов» [1, с. 25], что подтверждает: гринвошинг работает прежде всего через имплицитное.

Термин «гринвошинг» или «зеленый камуфляж», введен в 1986 году эко-активистом Д. Вэстервельдом [2, с. 19]. Гринпис определяет «гринвошинг» как введение потребителей в заблуждение относительно экологической политики компании или экологических преимуществ продукта или услуги [3, 4]. Гринвошинг – это заявления частного сектора об экологических показателях, которые не подкреплены доказательствами, носят вводный в заблуждение характер и направлены на получение конкурентного преимущества [5, с. 12-13]. Он характеризуется преувеличением или искажением информации об экологических преимуществах, чтобы привлечь экологически сознательных потребителей, что может привести к их замешательству и недоверию [6]. Эти необоснованные утверждения об экологических преимуществах, часто не подтвержденные сертификатами, появляются на веб-сайтах, в рекламе и отчетах компаний [7]. Фирмы могут подчеркивать позитивные экологические действия, опуская при этом негативные последствия, создавая искаженное восприятие [2, с. 20]. Таким образом, гринвошинг присутствует на уровне языка в рекламных кампаниях и статьях на веб-сайтах компаний. Это проблема означающего и означаемого, которые не соответствуют друг другу.

Настоящее исследование обращается к двум брендам одежды, чтобы установить, какие именно языковые механизмы лежат в основе расхождения между декларируемой и фактической экологичностью, а какие, напротив, обеспечивают соответствие сказанного и сделанного.

Для анализа были выбраны два бренда: H&M и Patagonia. H&M выбран как кейс с официально подтвержденным обвинением в гринвошинге, а Patagonia – как кейс с широко признанной в академической и деловой литературе репутацией образцовой устойчивой коммуникации. В качестве метода использовался критический дискурс-анализ, включающий лексический, синтаксический и прагматический уровни анализа текста. Материалом исследования послужили официальные сайты брендов и текст рекламной кампании Patagonia "Don't Buy This Jacket".

Нами были выбраны несколько параметров для сравнения коммуникации компаний: степень конкретности утверждений, агентность в языке, эмоциональная риторика против фактической риторики, модальность высказываний.

Рассмотрим степень конкретности утверждений на примере коммуникации двух брендов. Ключевые формулировки из коммуникации H&M звучат следующим образом: "crafted from sustainably sourced materials made from waste. What's normally thrown away is purposefully transformed into treasures to be loved and valued", "explores the healing power of nature, while also embracing innovation with sustainable materials and processes for a more sustainable fashion future" [8]. В данных фрагментах присутствуют лексические единицы с размытым значением. Прилагательное "sustainable" повторяется несколько раз, однако не сопровождается конкретными показателями. Аналогичным образом функционирует словосо-

четание "sustainably sourced", которое не поясняет, каким именно образом был произведен материал и по каким стандартам. Рассмотрим в сравнении фрагмент из рекламной кампании бренда Patagonia "Don't Buy This Jacket": "The most challenging, and important, element of the Common Threads Initiative is this: to lighten our environmental footprint, everyone needs to consume less. Businesses need to make fewer things but of higher quality. Customers need to think twice before they buy" [9]. Заявления конкретны и сформулированы как прямые рекомендации к действию: "consume less", "make fewer things", "think twice". Кроме того, в самой рекламной кампании использовались точные цифровые показатели: для производства куртки R2 требовалось 135 литров воды, несмотря на использование 60% переработанных материалов. Patagonia не опирается на оценочные прилагательные "sustainable", "eco-friendly", "green", а вместо этого предлагает потребителю проверяемые данные и конкретные модели поведения.

Далее рассмотрим аспект агентности в языке. В коммуникации H&M активно используется пассивный залог: "crafted from sustainably sourced materials", "is purposefully transformed", "treasures to be loved and valued" [8]. Пассивные конструкции часто используются в стратегиях гринвошинга, поскольку они размывают ответственность на синтаксическом уровне. Субъект действия не называется, в результате чего у потребителя формируется образ процесса без конкретного исполнителя. С этим же механизмом связана номинализация, то есть превращение действия в абстрактное существительное. В текстах H&M встречаются формулировки "sustainable innovation" и "responsible sourcing", где процесс представлен как уже полученный результат, а не как действие с конкретным исполнителем и временными рамками. В коммуникации Patagonia наблюдается противоположная тенденция. В кампании используется активный залог: "Everything we make takes something from the planet we can't give back" [9]. Здесь компания напрямую называет себя субъектом действия, тем самым принимая на себя ответственность уже на уровне грамматической структуры предложения. Это прослеживается и в следующем фрагменте: "REDUCE WE make useful gear that lasts a long time. YOU don't buy what you don't need. REPAIR WE help you repair your Patagonia gear. YOU pledge to fix what's broken. REUSE WE help find a home for Patagonia gear you no longer need. YOU sell or pass it on" [9]. В данном фрагменте местоимения "we" и "you" визуально выделены с помощью заглавных букв, что подчеркивает распределение ответственности между производителем и потребителем.

Следующий параметр анализа – соотношение эмоциональной и фактической риторики. Коммуникация H&M не объясняет, каким образом перерабатываются вещи, не указывает сертификаты или цифровые показатели. Вместо этого переработанные изделия описываются как "treasures to be loved and valued" [8], что усиливает эмоциональную окраску высказывания за счет глаголов "loved" и "valued". Подобная стратегия характерна для гринвошинга в целом, поскольку апелляция к эмоциям позволяет создать впечатление экологичности без необходимости подтверждать его фактическим содержанием. В коммуникации Patagonia, напротив, прослеживается стремление к фактической точности. Помимо уже упомянутых цифровых данных, показателем является следующий фрагмент: "Each piece of Patagonia clothing, whether or not it's organic or uses recycled materials, emits several times its weight in greenhouse gases, generates at least another half garment's worth of scrap, and draws down copious amounts of freshwater now growing scarce everywhere on the planet" [9]. В этом фрагменте компания открыто описывает экологические последствия производства собственной продукции, не пытаясь представить себя в исключительно положительном свете.

Также, в формулировке H&M "sustainably sourced materials" [8] факт экологичности материалов не утверждается напрямую, а подаётся как заранее данная характеристика объекта, которая не требует доказательств. В коммуникации Patagonia подобные конструкции отсутствуют, поскольку каждое утверждение разворачивается в явное высказывание с указанием конкретных условий и показателей.

Стоит обратить внимание на категоричность утверждений, то есть на модальность высказываний. В рассмотренных фрагментах коммуникации H&M отсутствуют модальные ограничители, и все утверждения поданы как безусловные факты, например "explores the healing power of nature" [8]. В коммуникации Patagonia, напротив, встречаются уступительные конструкции, признающие ограничения собственных достижений: "even though it's made with 60% recycled materials, it still required 135 litres of

water" [9]. Подобная конструкция демонстрирует честность бренда, поскольку не маскирует противоречие между использованием переработанных материалов и сохраняющимися экологическими издержками производства.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд наблюдений относительно языковой природы гринвошинга. Во-первых, гринвошинг не сводится к отдельным «обманным» словам, он представляет собой системную организацию языковых средств на нескольких уровнях: лексическом (размытые прилагательные), синтаксическом (пассивный залог, номинализации) и прагматическом (отсутствие модальных ограничителей). Это подтверждает обоснованность применения именно трёхмерной модели критического дискурс-анализа, так как анализ одного лишь словарного состава текста не позволил бы увидеть, каким образом грамматическая структура предложения участвует в сокрытии ответственности. Во-вторых, существенным оказывается, что языковые механизмы гринвошинга, выявленные в коммуникации H&M усиливают один и тот же эффект. Пассивный залог снимает вопрос об исполнителе действия, а номинализация превращает процесс в готовый результат. В совокупности это создаёт текст, в котором экологичность утверждается на каждом уровне языка, но ни на одном из них не может быть проверена. В-третьих, коммуникация Patagonia демонстрирует последовательное применение противоположных языковых механизмов: активного залога вместо пассивного, конкретных числовых показателей вместо оценочных прилагательных, уступительных конструкций вместо категоричных утверждений. Это позволяет говорить о том, что аутентичная экологическая коммуникация представляет собой такую же осознанно выстроенную риторическую стратегию, как и гринвошинг, только направленную на сокращение дистанции между словом и референтом. Наконец, разграничение гринвошинга и аутентичной зелёной коммуникации можно проводить не только с помощью официальных проверок, но и на основании внутренних свойств текста.

Список источников

1. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. – London: Longman. – 1995. – 265 p.
2. Feghali K., Najem R., Metcalfe B. D. Greenwashing in the era of sustainability: A systematic literature review // Corporate Governance and Sustainability Review. – 2025 – Vol. 9, № 1 – P. 18–31.
3. Chen Y.-S., Chang C.-H. Greenwash and green trust: The mediation effects of green consumer confusion and green perceived risk // Journal of Business Ethics. – 2013 – Vol. 114, № 3 – P. 489–500 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1007/s10551-012-1360-0> (дата обращения: 5.06.2026).
4. Delmas M. A., Burbano V. C. The drivers of greenwashing // California Management Review. – 2011 – Vol. 54, № 1 – P. 64–87 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1525/cmr.2011.54.1.64> (дата обращения: 7.06.2026).
5. Spaniol M. J., Danilova-Jensen E., Nielsen M., Rosdahl C. G., Schmidt C. J. Defining greenwashing: A concept analysis // Sustainability. – 2024 – Vol. 16, № 20 – P. 9055.
6. Savić M., Frfulanović D. Greenwashing as a marketing strategy in the fashion industry // Proceedings of the VII International Scientific Conference / Ed. by S. Urošević, S. Inženjera. – 2024 – P. 530–540 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://doi.org/10.5937/CT_ITI24059S (дата обращения: 6.06.2026).
7. Bowen F. After greenwashing: Symbolic corporate environmentalism and society [Электронный ресурс]. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2014. – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139541213> (дата обращения: 10.06.2026).
8. H&M Group. A/W20 Conscious Exclusive campaign [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://about.hm.com> (дата обращения: 15.06.2026).
9. Patagonia. Don't Buy This Jacket: Black Friday and the New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.patagonia.com/stories/dont-buy-this-jacket-black-friday-and-the-new-york-times/story-18615.html> (дата обращения: 16.06.2026).

УДК 81.22

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ

БРОВЕР АННА АЛЕКСАНДРОВНА

студент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Научный руководитель: Щелокова Алена Александровна
канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Аннотация: В статье представлен опытный вариант формирования языкового портрета личности на основе концепции трехуровневой структуры. Круг исследования охватывает собственно речь, паралингвистические, а также невербальные компоненты коммуникации – интонацию, жесты, мимику, зрительный контакт и эмоциональные реакции.

Ключевые слова: язык, речь, декан, речевой портрет, коммуникация.

LINGUISTIC PORTRAIT OF AN INDIVIDUAL

Brover Anna Alexandrovna*Scientific adviser: Schelokova Alena Aleksandrovna*

Abstract: The article presents an experimental approach to constructing an individual's linguistic profile based on a three-level structural concept. The scope of the study encompasses actual speech as well as paralinguistic and non-verbal components of communication – intonation, gestures, facial expressions, eye contact, and emotional reactions.

Key words: language, speech, speech portrait, communication.

В эпоху цифровизации и доминирования онлайн-коммуникаций роль языка как инструмента саморепрезентации существенно возросла. Сегодня человек формирует свой образ не только в живом диалоге, но и посредством текстовых сообщений, постов, комментариев, электронных писем – и каждый из этих форматов оставляет своеобразный «языковой след». Этот след складывается из множества деталей: выбора слов, синтаксических конструкций, стилистических приёмов, соблюдения или намеренного нарушения норм литературного языка. Совокупность таких особенностей и составляет языковой портрет личности – многоуровневую характеристику, которая одновременно отражает и индивидуальность говорящего, и его принадлежность к определённым социальным, профессиональным и культурным группам.

Кроме того, анализ языкового портрета имеет прикладное значение для профессиональной деятельности. В кадровой работе он помогает оценивать уровень речевой культуры кандидатов, в маркетинге – выстраивать персонализированные коммуникационные сообщения, в юриспруденции – интерпретировать тексты договоров и заявлений с учётом особенностей авторского стиля.

Таким образом, сочетание теоретической глубины и практической востребованности делает данную тему перспективной для исследования.

Актуальность темы обусловлена тем, что в современной коммуникации язык служит важным инструментом самовыражения и идентификации личности, а умение анализировать языковой портрет собеседника – необходимый навык для эффективной коммуникации не только на работе, но и в повседневной жизни.

В основе формирования языкового портрета лежит концепция языковой личности – одно из ключевых понятий современной лингвистики. В. И. Карасик определяет языковую личность как «обобщенный образ носителя культурно – языковых и коммуникативно – деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [1]. Крысин Л. П. пишет, что речевой портрет – это особенности набора языковых единиц (консонантизм, вокализм; лексика, словоупотребление); особенности речевого поведения (формулы общения, прецедентные феномены, языковая игра) [2]. В отечественной науке фундаментальный подход к её описанию разработал Ю. Н. Караулов: он представил языковую личность как структуру из трех уровней – вербально-семантического, когнитивного и прагматического [3].

С опорой на эту модель формируется понятие языкового портрета личности – фиксированного среза речевых характеристик, который позволяет реконструировать индивидуальные и социально обусловленные черты говорящего. В лингвистической традиции языковой (или речевой) портрет трактуется как совокупность устойчивых признаков, проявляющихся в конкретных текстах и ситуациях общения, то есть это многоэтапный аналитический процесс, который позволяет выявить индивидуальные и социально обусловленные черты речевой личности.

В ходе исследования, проведенного на базе Уральского государственного университета путей сообщения, был сформирован языковой портрет декана факультета № 4. Декан факультета – публичная личность, для анализа речи достаточно материала в открытом доступе (выступления на собраниях факультета и университета, интервью на радио и в печати, неформальные встречи со студентами и т.д.). Анализ охватывал не только собственно речь, но и паралингвистические, а также невербальные компоненты коммуникации – интонацию, жесты, мимику, зрительный контакт и эмоциональные реакции.

Речь декана производит впечатление четкой и выстроенной: он свободно владеет богатым словарным запасом и при этом избегает избыточности, формулируя мысли лаконично и по делу. Такой подход не только экономит время собеседника, но и подчеркивает умение выделять главное – признак ясного мышления. При этом декан строго придерживается официально-делового стиля, что органично соответствует его руководящей роли и задает нужный тон общению: в нём нет места фамильярности, зато есть нацеленность на конструктивное решение задач. Грамотность речи – и в построении фраз, и в произношении – усиливает образ компетентного и интеллигентного руководителя. Например, в обращении к студентам ср.: *«Сформулируйте задачу четко – так, чтобы её можно было сразу взять в работу. Лишние слова только размыывают суть»*. В разговоре с коллегами его формулировки ещё более сжаты и предметны, ср.: *«Давайте зафиксируем три ключевых пункта: сроки, ответственных и критерии приёмки. Остальное обсудим позже»*.

Интонационно речь декана звучит уверенно и убедительно. Он говорит в достаточно быстром темпе, что может отражать динамичность мышления и стремление оперативно донести важную информацию. При этом он умело расставляет акценты: варьирует высоту тона, делает смысловые паузы, выделяет ключевые моменты логическими ударениями. Благодаря этому даже объёмные сообщения воспринимаются слушателями легко, а главные тезисы прочно фиксируются в памяти. Строгость интонации дополняет деловой стиль, поддерживая необходимую дистанцию и дисциплину в общении. Так, объявляя о жёстких сроках, он произносит: *«Срок – не рекомендация, а обязательное условие. Если видите риски, сообщайте сразу, не тяните до последнего»*.

Невербальное поведение декана дополняет и усиливает сказанное. Его жестикуляция сдержанна и функциональна: жесты появляются лишь тогда, когда нужно подчеркнуть мысль или продемонстрировать уверенность, а не ради излишней экспрессии. Мимика остаётся открытой, но эмоции проявляются умеренно, это создаёт ощущение самоконтроля и серьёзного отношения к делу. Особенно значимым элементом его коммуникации выступает зрительный контакт: прямой, внимательный и одновременно неагрессивный, он помогает установить доверительный тон, показать вовлечённость в диалог и уважение к собеседнику. Такой взгляд воспринимается как признак проницательности и готовности принимать решения.

В целом коммуникация декана факультета № 4 отличается высокой эффективностью: его сообщения доходят до аудитории точно, вызывают доверие и приводят к нужным результатам. Важная чер-

та его стиля – гибкость: декан тонко подстраивается под слушателей, корректируя степень формальности, темп речи и выразительность жестов в зависимости от того, идёт ли речь со студентами, коллегами или внешними партнёрами. При этом в беседе со студентами он смягчает формулировки, сохраняя при этом требовательность: *«Я понимаю, что тема сложная, но именно поэтому важно не уходить в общие рассуждения. Покажите конкретный пример – хотя бы один реальный случай, где эта модель применима»*.

Благодаря сочетанию уверенной, грамотной речи, продуманной интонации и сдержанных, но выразительных невербальных сигналов он способен выстраивать продуктивный контакт с самой разной аудиторией и сохранять при этом авторитет руководителя.

Проведенный анализ вербальных и невербальных аспектов коммуникации показал практическую применимость данной методологии для глубокого понимания индивидуальных коммуникативных стратегий. Выявленные закономерности подтверждают значимость изучения языкового портрета как ценного инструмента, который может найти широкое практическое применение в таких областях, как психология и педагогика, способствуя лучшему пониманию личности и оптимизации процессов обучения и развития.

Список источников

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытки речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 20–25.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

УДК 81'33

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА АВТОМАТИЧЕСКИ СГЕНЕРИРОВАННЫХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ

МОСЕЕВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА

выпускник

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Аннотация: в данной статье проводится анализ о оценка качества учебных материалов по английскому языку, которые были сгенерированы большими языковыми моделями (LLM) по трем языковым темам. Для каждой грамматической темы с помощью модели генерировались шесть типов учебных заданий. Далее проводилась оценка полученных материалов по четырем критериям: соответствие запросу, естественность языка, ошибочность и необходимость повторной генерации.

Ключевые слова: большие языковые модели, генерация текстов, учебные материалы, обработка естественного языка, компьютерная лингвистика.

QUALITY ANALYSIS OF AUTOMATICALLY GENERATED ENGLISH LANGUAGE TEACHING MATERIALS USING LARGE LANGUAGE MODELS

Moseeva Kseniya Vladimirovna

Abstract: this article analyzes and evaluates the quality of English language learning materials generated by large-scale language models (LLMs) across three language topics. For each grammar topic, the model generated six types of learning tasks. The resulting materials were then evaluated based on four criteria: relevance to the query, naturalness of the language, errors, and the need for regeneration.

Key words: large language models, text generation, educational materials, natural language processing, computational linguistics.

В современной компьютерной лингвистике одним из наиболее динамично развивающихся направлений является обработка естественного языка (NLP). Значительный прогресс в этой области связан с развитием больших языковых моделей (LLM). Современные языковые модели могут быть использованы для широкого спектра лингвистических задач: генерация и анализ текстов, поиск и анализ информации, машинный перевод, создание контента и др. [1, с. 10].

Особый интерес представляет способность языковых моделей создавать тексты в соответствии с запросом пользователя, учитывая заданные характеристики. Одной из сфер применения автоматической генерации текстов является создание учебных материалов для изучения иностранных языков. LLM позволяют генерировать тексты для чтения, диалоги, упражнения, задания под разные уровни владения языком, тексты для аудирования и говорения [2, с. 12].

Несмотря на активное развитие языковых моделей и их широкое применение, вопрос проверки качества автоматически генерируемых учебных материалов остается недостаточно изученным. Для изучения данного вопроса необходимо выяснить, насколько создаваемые материалы соответствуют

заданным языковым параметрам и могут использоваться в качестве основы для подготовки учебного контента [3, с. 2].

Целью данной статьи является анализ качества различных типов учебных материалов по английскому языку, автоматически созданных LLM, и оценка их пригодности для практического использования.

Для анализа качества был проведен эксперимент по автоматической генерации учебных материалов с использованием большой языковой модели ChatGPT (GPT-5.5). Для проведения эксперимента был выбран уровень A2 по CEFR как фиксированный параметр, чтобы исключить влияние различий в уровне сложности на результаты эксперимента. В качестве языкового материала использовались три темы, представляющие различные типы грамматических явлений английского языка: Passive Voice, Present Perfect, Comparative and Superlative adjectives.

Для каждой грамматической темы с помощью модели генерировались шесть типов учебных заданий:

- 1) объяснение грамматического правила;
- 2) грамматическое упражнение;
- 3) скрипт для аудирования;
- 4) текст для чтения;
- 5) упражнение на говорение;
- 6) задание для письма.

Таким образом, общее количество проанализированных материалов составило 18 единиц.

Генерация учебных материалов осуществлялась с использованием стандартизированного запроса, включающего указание грамматической темы, тип учебного задания и уровня A2. Все запросы были унифицированы по структуре для обеспечения сопоставимости результатов.

Оценка автоматически созданных материалов проводилась методом экспертного анализа по четырем критериям:

1. Соответствие запросу – степень выполнения всех параметров запроса, включая тему, формат задания и уровень сложности.
2. Естественность языка – наличие искусственных или неестественных формулировок, нехарактерных для естественной речи носителей языка.
3. Ошибочность – наличие грамматических, лексических или синтаксических ошибок.
4. Необходимость повторной генерации – требуется ли изменить запрос или выполнить повторную генерацию запроса.

Каждый критерий оценивался по шкале от 0 до 2 (табл. 1).

Таблица 1

Шкала оценки критериев

Критерий	0	1	2
Соответствие запросу	Полностью соответствует всем параметрам запроса	Выполнены не все требования	Существенное несоответствие запросу
Естественность языка	Формулировки естественны, соответствуют современному английскому языку	Встречаются отдельные неестественные или шаблонные выражения	Большая часть текста звучит неестественно, требуется переработка
Ошибочность	Ошибок не обнаружено	Есть отдельные незначительные ошибки	Имеются ошибки, влияющие на качество материала
Необходимость повторной генерации	Первый ответ полностью пригоден	Потребовался один повторный запрос или уточнение	Потребовалось несколько повторных запросов или существенное изменение запроса

Оценка проводилась на основе анализа материалов, сгенерированных по трем грамматическим темам. Для каждого типа учебного задания выставлялась единая экспертная оценка, отражающая наиболее характерные особенности и повторяющиеся недостатки, выявленные во всех проанализированных материалах по всем темам.

В результате проведения эксперимента была составлена таблица с оценкой автоматически сгенерированных учебных заданий по выбранным критериям с использованием шкалы от 0 до 2 (табл. 2).

Таблица 2

Оценка результатов эксперимента

Тип задания	Соответствие запросу	Естественность	Ошибочность	Необходимость повторной генерации
Объяснение правила	0	0	0	0
Грамматическое упражнение	0	0	0	0
Скрипт для аудирования	0	1	0	1
Текст для чтения	0	2	0	2
Упражнение для говорения	0	1	0	1
Задание для письма	1	1	0	2

Анализ показал, что наилучшие результаты модель продемонстрировала при генерации объяснений грамматических правил и грамматических упражнений. Эти материалы полностью соответствовали запросу, не имели языковых ошибок и не требовали повторной генерации или уточнения запросов.

Наибольшие трудности у модели вызвала генерация текстов для чтения. Несмотря на отсутствие языковых ошибок и соответствие заданным параметрам, тексты были неестественными для повседневной речи, было слишком много случаев употребления заданной грамматической темы в тексте там, где она обычно не используется в естественной речи. Данные тексты требовали повторной генерации с изменением запроса для получения пригодного материала.

Также у модели возникли сложности с генерацией заданий для письма. Эти задания не всегда соответствовали заданному уровню сложности, а также имели странные неестественные вопросы и задания, поэтому требовалось изменить запрос и сгенерировать задание заново.

Упражнения для говорения и скрипты для аудирования занимали промежуточное положение: они соответствовали запросу и не имели языковых ошибок, однако в них встречались отдельные неестественные языковые конструкции, поэтому требовались небольшие уточнения в запросах.

Во всех проанализированных материалах не было выявлено грамматических и лексических ошибок, что свидетельствует о высокой языковой корректности генерируемого контента.

Таким образом, на основании проведенного эксперимента, можно сделать следующие выводы о пригодности автоматически генерируемого учебного материала по английскому языку:

1. Объяснение правил и грамматические упражнения, сгенерированные большими языковыми моделями (в частности ChatGPT) полностью пригодны для использования при обучении иностранным языкам без дополнительной постобработки преподавателем.
2. Упражнения для говорения и скрипты для аудирования пригодны для использования после незначительной доработки.
3. Тексты для чтения и задания для письма требуют тщательной проверки преподавателем и могут быть пригодны после повторной генерации и редакторской постобработки.

Список источников

1. Белов В. А. Компьютерные технологии в лингвистике // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024. – № 3(13). – С. 8–23.
2. Жильцов В. В., Маев И. В. Лингводидактический потенциал больших языковых моделей (LLM) с открытым исходным кодом на примере Gemma 2 // Русский язык за рубежом. – 2025. – № 6. – С. 11–21.
3. Zuo Y. Automatic generation of ESL learning materials based on CEFR levels using reinforcement-tuned LLMs // Discover Artificial Intelligence. – 2026. – № 6(55). – С. 1–24.

УДК 810

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

АЛИМБЕКОВ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ

аспирант

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Научный руководитель: Самигуллина Анна Сергеевна

д.филол.н., профессор

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: В статье рассматривается апробация когнитивно-синергетической модели жизненного цикла концепта Л.В. Бронник на материале неологизма «slopper», функционирующего в англоязычном медиадискурсе. Исследуются пять последовательных этапов эволюции концепта: генезис, равновесие, неустойчивость, критическая неравновесность и завершающая стадия развития. Анализ конкретного кейса подтверждает применимость предложенной методики для изучения динамики неологических единиц и раскрывает её объяснительный потенциал в рамках медийного дискурса.

Ключевые слова: лингвосинергетика, неологизмы, кейс-стади, медиадискурс, когнитивная лингвосинергетика.

DYNAMICS OF CONCEPT DEVELOPMENT IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE: A COGNITIVE-SYNERGETIC ANALYSIS

Alimbekov Dmitrii Olegovich*Scientific adviser: Samigullina Anna Sergeevna*

Abstract: The article examines the approbation of the cognitive-synergetic model of the concept life cycle by L.V. Bronnik on the material of the neologism «slopper» functioning in English-language media discourse. Five consecutive stages of the concept evolution are investigated: genesis, equilibrium, instability, critical non-equilibrium, and the final stage of development. The analysis of a specific case study confirms the applicability of the proposed methodology for studying the dynamics of neological units and reveals its explanatory potential within the framework of media discourse.

Key words: linguosynergetics, neologisms, case-study, mediadiscourse, cognitive linguosynergetics.

В современной научной парадигме лингвосинергетика представляет собой полипарадигмальное направление, объединяющее различные подходы к изучению языка, речи, текста и дискурса, которые трактуются как сложные открытые нелинейные системы, способные к самоорганизации. Использование лингвосинергетического инструментария для анализа процессов самоорганизации в дискурсе требует разработки специализированной методики, позволяющей интерпретировать данные процессы и раскрывать внутреннюю динамику дискурсивного пространства. В основу методологии исследования

положен комплекс взаимодополняющих методов, центральное место в котором занимает когнитивно-синергетическое моделирование в форме модели жизненного цикла концепта. Интеграция синергетического и лингвокогнитивного знания порождает научные метафоры. Для их компактного представления используется условная нотация «А ЕСТЬ Б», адаптирующая схему концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В рамках этой конвенции базовая метафорическая модель исследования принимает вид: ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЕСТЬ ЕЁ САМООРГАНИЗАЦИЯ [Бронник, 2021, с. 35].

Для операционализации анализа применяется условная запись концепта, предложенная Л.В. Бронник и опирающаяся на формализм Р. Лангакера. Её основой является формула $[A]/[a]$, где $[A]$ — концептуальная функция (содержание), а $[a]$ — языковая форма; косая черта фиксирует связь между ними. Квадратные скобки обозначают устойчивый, конвенциональный статус концепта в дискурсе, тогда как круглые скобки используются для маркировки инновационных,okkaзиональных функций или форм; смысловая связь между концептами обозначается тире (–).

В основу методологической стратегии исследования был положен комплекс взаимодополняющих методов, центральное место в котором отводится когнитивно-синергетическому моделированию, реализованному в формате модели жизненного цикла концепта. В качестве одной из ключевых исследовательских стратегий задействован метод кейс-стади, который в настоящей работе не представляет собой жестко заданной схемы и может принимать различные конфигурации, нередко складывающиеся на несовпадающей теоретической основе. Вариативность метода проявляется в его реализации в рамках описательной или объяснительной стратегии, в фокусировке на единичном либо множественном случае, а также в интеграции разнообразных методов сбора и анализа эмпирического материала.

В центре внимания исследования находятся неологизмы англоязычного медиадискурса, демонстрирующие завершённую траекторию самоорганизации, то есть последовательное прохождение всех стадий, предусмотренных когнитивно-синергетической моделью жизненного цикла концепта. В качестве источников эмпирического материала привлекались неологизмы современного английского языка, зафиксированные в медиадискурсе, в том числе на цифровых коммуникативных платформах. Обращение к данному типу источников обусловлено тем, что распространение информации в них носит вирусный характер и фактически тождественно процессу влияния, что позволяет наблюдать динамику концептуальных структур в режиме реального времени.

Перейдем к рассмотрению выбранного кейса. Исследование разворачивалось поэтапно в соответствии с поставленными задачами. На начальном этапе осуществлялась идентификация внешних управляющих параметров — факторов, инициирующих дестабилизацию концептуальной структуры и её последующий переход в состояние активного поиска языковых средств, способных обеспечить адекватную вербализацию формирующегося дискурсивного содержания. Согласно полученным эмпирическим данным, генезис концепта «slopper» может быть объяснен активным внедрением искусственного интеллекта в жизнь людей, особенно при выполнении повседневных задач и досуга.

На следующем этапе была решена задача описать механизм возникновения нового концепта «slopper».

В ходе дефиниционного анализа были установлены следующие параметры, характеризующие состояние лексического концепта «Slop»: [ПОНЯТИЕ: контент в интернете] [ПРИЗНАК: низкое качество, созданный при помощи нейросетей].

В рамках дефиниционного анализа были также выявлены параметры, характеризующие состояние морфологического концепта «-ег»: [ПРИЗНАК: обозначающий людей или предметы, выполняющих конкретное действие].

В результате образовался новый лексический концепт «slopper» со следующими параметрами: [ПОНЯТИЕ: человек] [ПРИЗНАК: активно потребляющий ИИ контент и полагающийся на ИИ в повседневных задачах].

В качестве инструмента последующего анализа была задействована эволюционно-синергетическая модель жизненного цикла концепта, применение которой обеспечило возможность структурирования и последовательного описания динамики исследуемой единицы с выделением ос-

новых этапов ее функционирования и развития в пространстве англоязычного медиадискурса.

I. В итоге самоорганизационных процессов оформляется концепт «slopper». В ходе дефиниционного анализа были выявлены параметры, характеризующие состояние данной лексической единицы: [ПОНЯТИЕ: человек] [ПРИЗНАК: активно потребляющий ИИ контент и полагающийся на ИИ в повседневных задачах]. Ключевая дискурсивная функция указанного концепта состоит в обозначении лица, чрезмерно полагающегося на ответы, генерируемые искусственным интеллектом, как правило, без последующей проверки и критического осмысления полученной информации.

II. Стадия равновесного состояния. На данной стадии жизненного цикла концепт обретает структурно-функциональную устойчивость и вступает в состояние динамического равновесия с дискурсивной средой. Фиксация этого состояния осуществляется посредством принятой в работе системы нотации: ([slopper]/(slopper)). Квадратные скобки в данной формуле маркируют стабильность концептуальной функции, тогда как круглые скобки фиксируют соответствующую ей языковую форму. Подобная запись указывает на то, что в условиях равновесия дискурсивная вариативность не влечёт за собой трансформации вербального референта концепта, который последовательно реализуется одной и той же лексемой «slopper».

III. Стадия неустойчивого равновесия. В фазе неустойчивого равновесия концепт «slopper» под воздействием новых дискурсивных факторов переходит в состояние динамической нестабильности, что побуждает его к модификации языкового оформления при сохранении ядерной семантической функции – называть человека, чрезмерно полагающегося на ответы, генерируемые искусственным интеллектом, как правило, без последующей проверки и критического осмысления полученной информации. Однако употребление данных инноваций носит маргинальный характер и не получает широкой дискурсивной поддержки: ([slopper]/(slopper, slopfan, sloplover, sloppo))

IV. Стадия сильной неравновесности концепта «slopper» с дискурсивной средой. Эмпирические данные свидетельствуют, что под влиянием дискурсивных условий, а именно ввиду активной борьбы пользователей с ИИ-контентом, запускается механизм формирования новых сложносоставных лексем: ([slopper]/(slopper, deslopper, anti-slopper))

V. Стадия развития концепта. Усложнение дискурсивного контекста активировало механизм дальнейшей самоорганизации, направленный на выработку расширенных вербальных репрезентаций концепта «slopper», находящих своё материальное воплощение в дискурсе посредством синтаксических средств, обеспечивающих его адаптацию в медиапространстве.

A friend of mine has coined the **term sloppers** [5]

who is the **s tier slopper** of blazblue i need a character

Brought to you by an Operation **Trust Slopper**

I can be a **Senior Slopper Engineer**

Every sign points to a full-blown **slopper pandemic** ahead. [6]

Проведённый анализ показывает, что концепт «slopper» прошёл полный эволюционный цикл, последовательно реализовав все пять стадий, предусмотренных когнитивно-синергетической моделью: от генезиса через равновесие и неустойчивость к сильной неравновесности и развитию. Его основная функция в дискурсе — обозначение пользователя, слепо доверяющего ИИ-ответам и не склонного к проверке информации. Выводы подтверждают состоятельность применённой модели для исследования неологизмов и указывают на её эвристическую значимость в медийном контексте.

Список источников

1. Алимбеков Д.О. Когнитивно-синергетическая модель анализа концепта в пространстве англоязычного медиадискурса: кейс-стади // МНКО. – 2026. – №2 (117). – С. 340-342
2. Бронник Л.В. Самоорганизация концепта в дискурсе: кейс-стади // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №1. – С. 293-296.
3. Бронник Лариса Васильевна Метод кейс-стади и его применение в когнитивно-синергетических исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2011. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/metod-keys-stadi-i-ego-primenenie-v-kognitivno-sinergeticheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 06.07.2026).

4. Бронник Л.В. Динамика концептов «прививочник» и «антипрививочник» в русскоязычном дискурсе: когнитивно-синергетическое моделирование // Казанская наука. – 2021. – №7. – С. 35-37.

5. "Immediately using this": What is a Slopper? The AI insult about people too obsessed with ChatGPT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dailydot.com/what-is-a-slopper-chatfishing-ai> (30.06.2026)

6. People Are Becoming "Sloppers" Who Have to Ask AI Before They Do Anything [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://futurism.com/sloppers-ask-ai-everything> (30.06.2026)

© Алимбеков Д.О., 2026

УДК 1751

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТОВ БЕЛОРУССКИХ БРЕНДОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

РЕЗНИК АННА АНДРЕЕВНА

студент

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Научный руководитель: Клундук Светлана Сергеевна

канд. фил. наук, доцент

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Аннотация: в статье рассматриваются лингвистические особенности медиатекстов белорусских брендов в социальных сетях. Анализируются наиболее характерные лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические средства, используемые для построения эффективной коммуникации с аудиторией. Особое внимание уделяется эмоциональной и разговорной лексике, англицизмам, способствующим формированию положительного образа бренда и повышению вовлечённости пользователей.

Ключевые слова: медиатекст, социальные сети, белорусские бренды, языковые средства, лингвистика, цифровая коммуникация.

LINGUISTIC FEATURES OF BELARUSIAN BRANDS' MEDIA TEXTS ON SOCIAL NETWORKS

Reznik Anna Andreevna*Scientific adviser: Klunduk Svetlana Sergeevna*

Abstract: The article examines the linguistic features of media texts of Belarusian brands on social networks. It analyzes the most characteristic lexical, phraseological, morphological, and syntactic means used to build effective communication with the audience. Special attention is paid to emotional and colloquial vocabulary, and Anglicisms, which contribute to the formation of a positive brand image and increase user engagement.

Keywords: media text, social networks, Belarusian brands, language tools, linguistics, and digital communication.

В современной медиасреде особое место занимают аккаунты брендов, которые используют социальные сети не только как инструмент продвижения товаров и услуг, но и как средство построения долгосрочных отношений с аудиторией. В условиях высокой конкуренции эффективность присутствия бренда в цифровом пространстве определяется не только качеством продукции или визуальным оформлением публикаций, но и языковыми средствами, посредством которых осуществляется коммуникация с потребителем. В связи с этим исследование медиатекстов белорусских брендов представляет особый интерес для современной лингвистики. Анализ подобных текстов позволяет определить, какие речевые стратегии используются для привлечения внимания пользователей, формирования доверия и создания положительного имиджа компании.

Эмпирической базой исследования послужили тексты в социальных сетях брендов «Мила», «Белавиа», «Беларусбанк», Mark Formelle и Domino's Pizza.

Медиатекст бренда представляет собой особый тип цифрового текста, объединяющий вербальные и невербальные компоненты коммуникации. Благодаря этому создаётся единое информационное пространство, в котором языковые средства приобретают дополнительные функции. Они не только сообщают информацию о товаре, но и формируют эмоциональный фон публикации, отражают ценности компании и способствуют созданию определённого образа бренда в сознании аудитории. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, медиатексты в современных условиях обладают «особой речевой структурой, которая позволяет им одновременно информировать и воздействовать на аудиторию» [2, с. 87].

Анализ публикаций «Милы», «Белавиа», «Беларусбанка», Mark Formelle и Domino's Pizza показывает, что современная корпоративная коммуникация отходит от традиционного рекламного стиля в сторону неформального доверительного общения. Ключевой стилистической чертой медиатекстов брендов является отказ от официально-делового стиля подачи сообщений в пользу разговорного характера речи. «Мила» строит посты как монолог близкой подруги: *«Снился сон: волосы гладкие и блестящие, проснулась и взгрустнула – время идти за Тресемме в Милу»*. Разговорное слово «взгрустнула», которое означает «почувствовать лёгкую грусть, погрустить немного» и бытовой сюжет создают эффект узнавания. Domino's Pizza использует гиперболизированную лексику, фразеологизмы и императивы: *«ШОК! Теперь ещё слаще»; «Поливайте, макайте, добавляйте к десертам или ешьте ложкой – мы никому не скажем»*. Конструкция *«мы никому не скажем»* демонстрирует доверительные отношения между брендом и аудиторией.

Разговорная лексика в бренд-коммуникации выполняет прежде всего фатическую функцию – она поддерживает контакт и снимает барьеры между продавцом и покупателем. Важно отметить, что интенсивность использования разговорных элементов напрямую зависит от сферы деятельности бренда. Если Domino's Pizza и «Мила» могут позволить себе активность устной речи, то «Беларусбанк» и «Белавиа» сохраняют некоторую дистанцию, вводя разговорные конструкции лишь в определённых постах, а информационные сообщения делового характера пишутся в нейтральном или официально-деловом ключе.

Эмоционально-оценочная лексика часто привязывается не к товару, а к жизненным обстоятельствам. «Белавиа» делает ставку на ностальгию: *«Истосковались по шуму прибора? ... Поглядим отвыкшим глазом на балтийскую волну?»*. Метафора *«отвыкшим глазом»* придаёт тексту глубину личного переживания. В посте ко Дню Победы «Мила» применяет возвышенную лексику: *«Они уходили в бессмертие, чтобы мы остались жить»*. Mark Formelle в посте *«Не всегда всё получается идеально, и это нормально. Главное, что в любимом образе вы остаётесь на своей волне!»* придерживается сдержанной женской беседы с применением слов-маркеров психологического комфорта (*идеально, нормально, любимом, на своей волне*), что снимает страх перед покупкой и формирует лояльность.

Обращения к аудитории – значимая стратегия в медиатекстах брендов. «Беларусбанк» демонстрирует инклюзивность через личные и притяжательные местоимения: *«Спасибо, что выбираете нас. Вчера были подведены итоги премии “Банк года – 2025”. Для нас это не просто награды – это знак доверия, которое вы нам оказываете каждый день. ... Эти награды – наши общие. Потому что за каждой из них – Вы. Спасибо, что вы с нами»*. Местоимение «мы» и его формы помогают объединить банк и клиента в единое целое, создавая эффект партнёрства, а повторное обращение «Вы» с заглавной буквы придаёт отношениям оттенок уважительной личной признательности. *«Хороший кредит – это не просто “взять деньги”, а решить конкретную задачу без лишней переплаты. ... Разберёмся, какой вариант подойдёт именно вам»*. Глагол *«разберёмся»* снимает с клиента ответственность за сложный выбор финансового продукта и перекладывает её на банк-эксперта, который действует заодно с покупателем. Т. Г. Добросклонская подчёркивает, что выбор грамматических форм и обращений в медиатекстах является важнейшим инструментом формирования общественного мнения и вовлечения аудитории [2, с. 70]. Мила обращается к аудитории через апелляцию к личному опыту и прямые императивы (*«Любите заходить в Милу? Ищите больше выгодных предложений на mila.by», «Соберите всё трио и наслаждайтесь результатом – гладкими, блестящими и здоровыми волосами каждый день»*). Глаголы формируют чувство общности и одновременно мягко подталкивают к

действию. Domino's Pizza также использует императивы, причем нередко в навязчивой форме: «*Так что ищите вторую копейку... или сразу берите монету 2 копейки – чтобы хватило и на пиццу, и на кофе*». Императивы «*ищите*» и «*берите*» в сочетании с шуткой про две копейки работают на образ честного бренда.

Синтаксис текстов названных брендов подстраивается под клиповое мышление: используются короткие фразы, назывные и эллиптические конструкции. Mark Formelle применяет лаконичные перечни: «1 образ: *Блузка + джинсы*. 2 образ: *Блуза + брюки*». «Белавиа» строит описание, используя однородные члены предложения и короткие вопросы: «*Мангостин, рамбутан, личи, папайя... возвращаетесь из солнечных стран?*». Эти синтаксические приёмы, по наблюдению А. А. Градюшко, являются прямым отражением адаптации медиатекстов к особенностям восприятия информации в мобильных устройствах и социальных сетях, где длинные и сложные конструкции значительно снижают эффективность коммуникации [1, с. 63].

Сопоставление брендов выявляет ключевую закономерность: отраслевая принадлежность предопределяет стиль. «Беларусбанк» как финансовое учреждение сдержан и точен, но использует социальный дискурс. «Белавиа» сочетает точные данные с поэтическими оборотами. «Мила» близка к блогерскому стилю – выражается коротко и ярко. Domino's Pizza выбирает эпатажно-игровой стиль. Mark Formelle тяготеет к доверительному тону.

Таким образом, лингвистические особенности медиатекстов белорусских брендов формируются под влиянием прагматической задачи и коммуникативных возможностей социальных сетей. С помощью языковых ресурсов корпоративный дискурс выстраивает искреннюю коммуникацию как осознанную стратегию.

Список источников

1. Градюшко А. А. Медиатекст в цифровой среде: факторы эффективности // Весці БДПУ. – Серыя 1. – 2021. – № 1. – С. 61–64.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. – М. : Флинта, 2020. – 180 с.

© А.А. Резник, 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ МИНИСТЕРСТВУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОМЕЛЬЯНЕНКО ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНАмагистрант 2-го курса юридического факультета
Дальневосточный институт (филиала)ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
в г. Хабаровске

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена возрастанием роли казенных учреждений, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, в связи с проведением специальной военной операции. Целью исследования является определение правового статуса данных субъектов, выявление проблем его реализации путем анализа нормативных правовых актов, регулирующих деятельность казенных учреждений. В результате, автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правового статуса казенных учреждений, установления баланса между частным и публичным регулированием.

Ключевые слова: Министерство обороны Российской Федерации, казенные учреждения, правовой статус.

LEGAL STATUS OF PUBLIC INSTITUTIONS SUBORDINATED TO THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Omelyanenko Victoria Sergeevna

Abstract: The relevance of the article is due to the increasing role of public institutions subordinate to the Ministry of Defense of the Russian Federation, in connection with the special military operation. The purpose of the study is to determine the legal status of these entities and identify problems in its implementation by analyzing the regulatory legal acts governing the activities of state-owned institutions. As a result, the author concludes that it is necessary to improve the legal status of state-owned institutions and establish a balance between private and public regulation.

Keywords: Ministry of Defense of the Russian Federation, state-owned institutions, legal status.

Вопросы о правовом статусе казенных учреждений, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации (далее – Минобороны России), приобрели актуальность в свете проведения на территории Украины специальной военной операции. Казенные учреждения Минобороны России, действующие в настоящий момент, выполняют множество функций, которые имеют важное значение для большей части российского общества и государства. Учёт, управление, распоряжение и контроль над имуществом Вооружённых Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), обеспечение личного состава ВС РФ денежным довольствием, заработной платой и другими установленными выплатами, социальная поддержка военнослужащих.

Бесспорным является тот факт, что расходы на проведение специальной военной операции являются колоссальными: выплаты раненым и погибшим, реабилитация военнослужащих, ремонт воен-

ной техники, производство боеприпасов и др. Расходование средств обеспечивается при помощи казенных учреждений, поэтому значение их деятельности в настоящее время тяжело переоценить.

Еще до 2022 г. законодатель занялся вопросом эффективности расходов бюджетов, поэтому с 1 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (далее – Федеральный закон № 83-ФЗ), нормы которого реформируют систему государственных учреждений посредством создания казенных учреждений, а так же изменения правового положения бюджетных и автономных учреждений. Проведение данной реформы обосновано низкой эффективностью расходования бюджетных средств государственными учреждениями на всех уровнях бюджетной системы. Главной же целью данной реформы является снижение темпов роста расходов бюджетов. В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 31 Федерального закона № 83-ФЗ на федеральном уровне в казенные учреждения путем изменения типа учреждения переведены управления объединений и соединений, воинские части ВС РФ, военные комиссариаты.

Однако, проведенная реформа позволила казенным учреждениям заниматься приносящей доход деятельностью в рамках реализации своих целей, если такая возможность предусмотрена его учредительными документами.

На практике, такая возможность не получила распространение, фактически законодатель предусмотрел возможность участия казенных учреждений в гражданском обороте, но «под строгим наблюдением» публичных норм.

В настоящее время нормы, регламентирующие деятельность казенных учреждений как участника публично-правовых отношений, ограничивают свободу учреждений как субъекта частного права, вследствие чего правовой статус казенных учреждений имеет двойную правовую природу.

Рассмотрим статью 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Пункт 3 настоящей статьи указывает, что казенное учреждение может осуществлять приносящую доходы деятельность, только если такое право предусмотрено в его учредительном документе. Доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в федеральный бюджет. [2, с.64]

Из закрепленных норм права видно, что казенным учреждениям по прямому указанию закона разрешено осуществлять приносящую доход деятельность, которая, как правило, представляет собой частно-правовое явление, однако есть ряд проблем, которые являются причиной слабой реализации вышеуказанных полномочий.

Во-первых, казенные учреждения финансируются в соответствии с бюджетно-сметным принципом. Учредитель казенных учреждений контролирует их финансирование и получаемые доходы, так как они уходят непосредственно учредителю [1, с.31]. Данный факт ставит руководство и работников казенных учреждений перед выбором: прикладывать усилия и привлекать сотрудников на выполнение работ или для оказания услуг, оплата за которые не будет получена самим учреждением, но при этом будут реализованы цели, которые ставили законодатели перед реформированием казенных учреждений, либо выполнять функции, которые определены учредителем. Таким образом, возникает проблема отсутствия мотивации как двигателя рынка.

Во-вторых, казенные учреждения зачастую выполняют функции обслуживания государственного аппарата, то есть их деятельность направлена не на оказание услуг населению, а на оказание услуг самому государству. Таким образом, получается около государственная структура, которая фактически является государственным органом, но имеет иную организационно-правовую форму. Безусловно понятна цель самого органа – упростить порядок приема новых сотрудников. Кадровый дефицит в государственных органах может быть вызван сложными процедурами отбора, ограничениями накладываемых на государственных служащих.

Анализируя указанные проблемы, можно увидеть, что в настоящий момент, когда у казенных учреждений есть возможность реализовать цель, для которой такая форма некоммерческих организаций была разработана, когда есть возможность действительно обеспечить эффективное расходование

бюджетных средств за счет деятельности, приносящей доход, казенные учреждения не могут этого сделать.

Подводя итог вышеуказанному, можно выделить три основных проблемы, вызванных двойственной правовой природой правового статуса казенных учреждений:

- 1) Проблема мотивации руководства казенных учреждений.
- 2) Направленность деятельности казенных учреждений на государство, а не на население.

Возникает закономерный вопрос: что необходимо сделать, чтобы решить данные проблемы? На наш взгляд, решение проблем возможно только одним способом – признать не юридически, а фактически возможность казенных учреждений заниматься приносящей доход деятельностью.

Для этого необходимо предусмотреть, чтобы часть доходов, полученная учреждением, направлялась ему, для развития материально-технической базы, пополнение премиального фонда, социальные нужды работников.

Также представляется возможным расширить сферу деятельности учреждений в вопросе привлечения доходов. Например, обеспечить представление и защиту интересов в суде не только самого Минобороны России, но и военнослужащих.

Таким образом, наиболее реалистичный путь — не пытаться кардинально изменить природу казенных учреждений Министерства обороны, а точечно снять наиболее болезненные административные барьеры для реализации уже заложенного в законе потенциала по доходам, и аккуратно расширить сферу их легальной деятельности.

Список источников

1. Тишков Д.С. Особенности правового положения государственных казенных учреждений на современном этапе / Д. С. Тишков // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 28–37.
2. Скавронский В.С. Проблемные вопросы определения полномочий и ответственности воинской части как юридического лица // Закон и право. 2021. № 9. С. 63–65.

УДК 340

CULTURAL PROPERTY RESTITUTION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF EU PRACTICE

FEDORENKO SVETLANA VALERIEVNAMaster of Laws
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Аннотация: данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу практики реституции культурных ценностей колониального происхождения в государствах Европейского союза. Рассматриваются международно-правовые акты (Конвенция ЮНЕСКО 1970 г., Конвенция УНИДРУА 1995 г., Директива 2014/60/ЕС), а также национальные модели реституции, сложившиеся во Франции, Германии и Нидерландах. Выявлено, что хотя и присутствует сходство политических деклараций, правовые механизмы возврата культурных ценностей имеют существенное различие. Во Франции принимаются специальные законы в отношении конкретных объектов. В Германии используются межгосударственные соглашений о передаче права собственности. В Нидерландах внедрена презумпция безусловного возврата. На основе сравнительного анализа сформулированы предложения по гармонизации подходов на уровне Европейского союза.

Ключевые слова: реституция культурных ценностей, культурное наследие, колониальное наследие, международное право, Европейский союз, культурная политика.

РЕСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Федоренко Светлана Валерьевна

магистр юриспруденции

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Abstract: this article is devoted to a comparative legal analysis of the restitution of colonial-era cultural property among European Union member states. It examines the relevant international legal framework (the 1970 UNESCO Convention, the 1995 UNIDROIT Convention, and EU Directive 2014/60/EU) alongside the national restitution models that have developed in France, Germany, and the Netherlands. The article demonstrates that although there are similarities in political declarations, the legal mechanisms for the return of cultural property have significant differences. In France, special laws are being passed in relation to specific facilities. In Germany, bilateral agreements on the transfer of ownership are used. The Netherlands has introduced the presumption of unconditional return. On the basis of this comparison, the article proposes recommendations for the harmonisation of restitution practice at the level of the European Union.

Key words: restitution of cultural property, cultural heritage, colonial heritage, international law, European Union, cultural policy.

Introduction

Over the past decade, the restitution of cultural property removed during the colonial period has become the real centre of European cultural diplomacy. France, Germany, the Netherlands, Belgium and the United

Kingdom have all, to varying degrees, acknowledged that significant parts of their public collections originate from colonial-era appropriation, and several of them have undertaken concrete restitutions of objects to African and Asian states of origin. However, the existing international law governing cultural property was primarily designed to combat smuggling and illegal exports. It does not address the issue of restitution of colonial artifacts and provides only limited guidance on this matter.

The situation with restitution in the EU is unusual: the political will to return property in some countries is ahead of the existing legal framework. This has led each country to "invent" its own mechanisms, such as passing special laws, concluding bilateral agreements, or developing administrative policies, rather than relying on a common, unified legal tool. This paper compares three such national approaches (France, Germany, and the Netherlands) with international and European legal standards to identify their commonalities and key differences, as well as to explore the possibility and feasibility of a more coordinated European solution.

1. The International and EU Legal Framework

The principal multilateral instrument addressing the movement of cultural property is the 1970 UNESCO Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property [1]. The Convention obliges states parties to take measures against the illicit import, export and transfer of ownership of cultural property and to assist one another in the recovery of objects stolen from public collections after the Convention's entry into force. However, its potential is limited: it does not apply to colonial-era expropriations, most of which took place before 1970, and does not oblige States to repatriate objects acquired before that date, regardless of the questionable circumstances of their initial seizure.

The 1995 UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects supplements the UNESCO framework by establishing private-law rules on the restitution of stolen cultural objects and the return of illegally exported cultural objects, including limitation periods and compensation rules for good-faith possessors [2]. Like the UNESCO Convention, the UNIDROIT focuses on contemporary issues. Negotiations in its creation were aimed at addressing issues of looting, theft and illicit export, as opposed to colonial appropriation, which in that era was often legal under the domestic law of the colonial powers, but is now seen as unacceptable. Within the European Union, Directive 2014/60/EU on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State addresses a related but distinct problem: it establishes a cooperation mechanism among EU member states for the return of cultural objects classified as national treasures that have been unlawfully removed from one member state's territory to another after 1993 [3]. This instrument is confined to intra-EU movements of objects and to a defined post-1993 period; it has no application to objects removed from non-EU countries during the colonial era and held in EU member states' own public collections.

This system creates a legal vacuum: none of the key international or European documents directly addresses the issue of the restitution of cultural property that was taken from the colonies before these documents came into force. As a result, if such items were returned, it was done through individual national laws and policies, which explains the observed differences.

2. France: Object-Specific Legislation Following the Sarr-Savoy Report

France's modern restitution policy traces back to a speech given by President Emmanuel Macron at the University of Ouagadougou in November 2017, in which he announced his intention to create the conditions for the temporary or permanent restitution of African cultural heritage to Africa within five years [4]. To fulfill his promise, Macron commissioned Senegalese economist Felvin Sarr and French art critic Benedicte Savoy to prepare a report. Their report, "On the Restitution of African Cultural Heritage: Towards a New Relational Ethics" (November 2018), confirmed the presence of about 90,000 objects from sub-Saharan Africa in French public collections, with more than 70,000 of them in the Museum on the Quai Branly. The report proposed a step-by-step approach: to conduct a complete inventory, determine the origin and return items seized without the consent of the owners, regardless of subsequent legal transfers of ownership under French law. This became a key step towards the formation of a new ethics of relationships. [4; 5].

The main legal barrier highlighted in the report was the principle of the inalienable right of public collections, enshrined in French heritage legislation. This principle usually does not allow the State to dispose of objects included in national collections. Instead of adopting a general law on restitution, France has in practice responded to this obstacle by adopting legislation relating to specific facilities or parties. An example is the

adoption of laws allowing the return of the so-called treasures of Abomey (26 works of art requested by Benin) and a ceremonial sword associated with the Senegalese ruler El Hadj Omar Saidou Tall, thereby making an exception from the inalienable rights only for these named objects [4]. On the one hand, this approach allows the French Parliament to maintain individual control over each restitution, but on the other hand, passing a special law for each individual work of art is a lengthy, highly bureaucratic, and politically dependent process compared to using a permanent administrative procedure.

3. Germany: Restitution Through Bilateral Agreement and Direct Transfer of Ownership

Germany's key initiative in the field of restitution is the "Benin bronzes" - thousands of artifacts made of brass, bronze and ivory, which were seized by British troops from the Royal Palace of Benin (the territory of modern Nigeria) in 1897. A significant part of these objects ended up in the collections of German ethnological museums [6]. After lengthy negotiations that began in 2021, Germany and Nigeria reached an agreement in July 2022, formalizing it in the form of a Joint Declaration. This document established the legal and political framework for the unconditional transfer of ownership of more than a thousand objects to Nigeria, while leaving the possibility for a long-term loan of some of the artifacts by Germany [6; 7].

The German model of restitution differs from the French one in that it is based on a direct transfer of ownership agreement between German museums (or government authorities responsible for them) and the Nigerian State. This allows the transfer to be processed through agreements signed by individual museums, without the need to adopt a separate parliamentary law for each object [7; 8]. This approach facilitated the prompt completion of large-scale property transfer transactions, including the return of more than five hundred items from the Berlin Ethnological Museum [9]. However, this model has created its own difficulties: after the transfer of ownership, disputes arose about who in Nigeria has the final authority to store returned objects, which demonstrates that the transfer of ownership between States does not always automatically resolve ownership and control issues within the host country [8].

4. The Netherlands: An Administrative Policy Framework with a Presumption of Unconditional

Return

The Netherlands has developed a unique approach to the return of cultural property, which differs from traditional methods based on individual laws or bilateral agreements. Instead, they have created a common administrative policy that will apply to all future restitution decisions. This concept has its origins in the 2020 Cultural Council advisory report entitled "Colonial Collections and the Importance of Recognition," led by Lilian Gonçalves-Ho Kang You. The report recommends the unconditional return of cultural property that was involuntarily lost by its owners in the former Dutch colonies, at the request of the country of origin, regardless of how much time has passed [10; 11]. The Dutch Government officially endorsed these recommendations in its policy vision for collections from a colonial context, published in January 2021. Subsequently, an independent committee on colonial collections was established to evaluate provenance studies and determine on a case-by-case basis whether the criterion of involuntary loss of ownership met [11].

The Netherlands has already implemented two phases of restitution under this program:

1. July 2023: The Government announced the return of 478 items to Indonesia and Sri Lanka. Among them were the so-called Lombok Treasure (hundreds of gold and silver objects seized by the Dutch colonial army in 1894) and a ceremonial bronze cannon stolen from the city of Kandy in 1765. This was the first ever restitution of a colonial-era object by a State Museum.

2. 2024: Another 288 items were returned to Indonesia. This also happened on the recommendation of the Committee on Colonial Collections, which determined that these items were "involuntarily lost in a country where the Netherlands exercised colonial rule for an extensive period of time" and therefore should be returned unconditionally. It is important to note that under Dutch law, the presumption of unconditional return applies only to items exported from territories that were themselves former Dutch colonies [13].

Such a presumption does not apply to items originating from colonies of other European Powers (for example, Nigeria or the Democratic Republic of the Congo), but currently stored in Dutch collections. Instead, the evaluation committee is tasked with weighing the competing interests of the parties involved on a case-by-case basis. Commentators point out that in practice, this standard tends to favor continued ownership of the Dutch institution rather than restitution [14; 15]. The Dutch model is also limited to interstate requests: claims

filed directly by communities or groups of descendants, rather than by the Government of the country of origin, fall outside the scope of the evaluation committee's mandate [14].

5. Comparative Analysis

Despite the fact that all three national models considered converge on one thing - the recognition that cultural values acquired during the colonial era represent a special legal and ethical problem that is inadequately regulated by existing international legislation, their approaches to solving this problem differ significantly in at least four aspects.

First of all, they use various legal instruments to make restitution. France resorts to individual parliamentary laws that make exceptions to the general rule of the inalienable nature of public collections. Germany relies on bilateral political declarations, followed by direct agreements on the transfer of ownership rights between museums and recipient countries. The Netherlands, on the contrary, applies a single administrative policy approved by the Government and then consistently implemented by the Standing Committee. Of these three approaches, only the Dutch one provides a permanent legal mechanism capable of handling future claims without the need to adopt new legislation or conduct new high-level bilateral negotiations each time.

Secondly, the scope of the presumption in favor of return differs significantly. Dutch law establishes an unconditional presumption of return, but exclusively for claims from former Dutch colonies; claims from colonies of other Powers are considered individually. The German-Benin Bronze agreement, on the other hand, was agreed to be unconditional for a specific class of objects, while Germany emphasizes Nigeria's complete freedom to use the returned artifacts. France's legislative approach does not provide for a general presumption at all: each restitution requires a separate political and legislative decision for each specific object."

The third important point is that the importance of the internal distribution of property rights in the recipient country varies depending on the specific model. The example of Germany and Nigeria vividly demonstrates a complex problem that is often overlooked: after Germany transferred ownership of artifacts to Nigeria, the question arose which Nigerian institution (for example, the Federal National Commission for Museums and Monuments or the Oba of Benin personally) would have the rights to storage [8]. This issue required a separate agreement. Neither French nor Dutch legislation currently being drafted addresses this issue of "secondary" distribution of rights, which indicates the need to take it into account in future restitution agreements.

Finally, none of the three countries under consideration extends the principles of restitution, even informally, to claims related to objects acquired outside the colonial context. We are talking, for example, about cultural values bought on the art market on terms that, although controversial, do not indicate direct state appropriation within the framework of colonialism. This indicates that all three models remain tied to the colonial issue and do not yet offer a universal mechanism for resolving a wider range of conflicts around cultural heritage, including situations involving cross-border private buyers and auction houses operating in the EU internal market.

6. Towards a More Coherent EU Approach

The comparative analysis above shows that, due to the lack of a common law or other EU legal instrument, the restitution of colonial times has real consequences. Currently, the countries from which cultural heritage originates are forced to conduct fragmented negotiations with each EU member State regarding the return of disparate artifacts. This process is complicated by the fact that different jurisdictions have different legal regimes, criteria for assessing the legality of claims, procedures and deadlines. What can be solved quickly in the Netherlands thanks to their administrative system, in other EU countries may require the adoption of special primary legislation, while success is not guaranteed.

Instead of obliging EU countries to limit their powers in relation to their own public collections, we can identify existing national "best practices" that could form the basis for a non-binding system at the EU level. These include: The Dutch model: The use of a permanent independent evaluation committee, rather than individual judicial decisions, offers a more effective administrative approach that could be adopted by other Member States.

German practice: The formalization of restitution through joint statements followed by individual transfer agreements provides a reproducible framework for bilateral negotiations between EU countries and non-EU countries of origin. The French experience demonstrates that the use of exclusively site-specific legislation has

practical limitations due to the slow pace of its adoption compared to the scale of colonial possessions identified in reports such as the Sarr-Savoy report. A set of non-binding EU guidelines covering minimum standards for investigating origin, second-order property allocation in the host State, and handling claims relating to colonies of other European Powers will not eliminate all differences, but will significantly reduce the existing disparity between member States when confronted with structurally similar claims.

Conclusion

The development of the restitution of cultural property of the colonial era in the European Union was predominantly decentralized, reflecting a set of national legal decisions rather than the application of a unified legal framework. This is due to the fact that the fundamental international documents regulating the turnover of cultural property, including the UNESCO Conventions of 1970, UNIDROIT of 1995 and the EU Directive 2014/60/EU, were developed to counter illegal trafficking and movement within the EU, rather than to solve specific historical and legal problems related to colonial appropriation. As a result, Member States such as France, Germany, and the Netherlands have developed structurally different mechanisms - site-specific legislation, bilateral ownership transfer agreements, and permanent administrative policy frameworks - to implement similar policy commitments. A more consistent European approach based on the comparative advantages of national models and minimizing their limitations could more effectively serve the interests of both the States of origin seeking the return of their cultural heritage and the EU Member States needing a predictable and reasonable basis for their actions.

References

1. UNESCO. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property, 1970 [Electronic resource]. – URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-means-prohibiting-and-preventing-illicit-import-export-and-transfer-ownership-cultural> (date of access: 25.06.2026).
2. UNIDROIT. Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects, 1995 [Electronic resource]. – URL: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention/> (date of access: 25.06.2026).
3. Directive 2014/60/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State [Electronic resource]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0060> (date of access: 25.06.2026).
4. Élysée. Submission of the Savoy/Sarr report on the restitution of African heritage, 23.11.2018 [Electronic resource]. – URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2018/11/23/submission-of-the-savoy-sarr-report-on-the-restitution-of-african-heritage> (date of access: 26.06.2026).
5. Center for Art Law. The Sarr-Savoy Report & Restituting Colonial Artifacts [Electronic resource]. – URL: <https://itsartlaw.org/art-law/the-sarr-savoy-report-restituting-colonial-artifacts/> (date of access: 26.06.2026).
6. The Art Newspaper. 'The Benin Bronzes are returning home': Germany and Nigeria sign historic restitution agreement, 04.07.2022 [Electronic resource]. – URL: <https://www.theartnewspaper.com/2022/07/04/the-benin-bronzes-are-returning-home-germany-and-nigeria-sign-historic-restitution-agreement> (date of access: 26.06.2026).
7. German Lost Art Foundation (Kulturgutverluste). Return of Benin Bronzes to Nigeria [Electronic resource]. – URL: <https://kulturgutverluste.de/en/news/return-benin-bronzes-nigeria> (date of access: 26.06.2026).
8. Joint Declaration on the Return of the Benin Bronzes and Bilateral Museum Cooperation between Germany and Nigeria, 01.07.2022 [Electronic resource]. – URL: https://kulturstaatsminister.de/fileadmin/user_upload/Downloads/Aufarbeiten/2022-07-01-Joint-Declaration-Benin-Bronzes.pdf (date of access: 26.06.2026).
9. Staatliche Museen zu Berlin. Return of Benin Bronzes from the Ethnologisches Museum [Electronic resource]. – URL: <https://www.smb.museum/en/whats-new/detail/return-of-benin-bronzes-from-the-ethnologisches-museum-artefacts-now-in-nigerian-hands/> (date of access: 27.06.2026).

10. Government of the Netherlands. Colonial collections to be returned to Indonesia and Sri Lanka, 06.07.2023 [Electronic resource]. – URL: <https://www.government.nl/latest/news/2023/07/06/colonial-collections-to-be-returned-to-indonesia-and-sri-lanka> (date of access: 27.06.2026).
11. Colonialcollections.nl. Frequently Asked Questions [Electronic resource]. – URL: <https://www.colonialcollections.nl/en/frequently-asked-questions/> (date of access: 27.06.2026).
12. ReturningHeritage.com. Returns to Indonesia and Sri Lanka follow Dutch Policy Framework [Electronic resource]. – URL: <https://www.returningheritage.com/repatriations-to-indonesia-and-sri-lanka-follow-dutch-national-policy-framework> (date of access: 27.06.2026).
13. The Art Newspaper. Netherlands to return 288 items looted in colonial era to Indonesia, 20.09.2024 [Electronic resource]. – URL: <https://www.theartnewspaper.com/2024/09/20/netherlands-to-return-288-items-looted-in-colonial-era-to-indonesia> (date of access: 27.06.2026).
14. Art Law Services. Colonial restitution: where does the Netherlands stand? [Electronic resource]. – URL: <https://www.artlawservices.com/post/colonial-restitution-where-does-the-netherlands-stand> (date of access: 27.06.2026).
15. Lexology. Year in review: Art Law in Netherlands [Electronic resource]. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e81f2e1f-31b5-4297-ac6f-94b039ee3996> (date of access: 27.06.2026).

УДК 340

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ПРОФИЛАКТИКИ

МЕСЯЦ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ

магистрант

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: В статье анализируется рост подростковой преступности в России в условиях системного кризиса профилактики. Рассматриваются объективные и субъективные причины криминализации несовершеннолетних. Критически оцениваются уголовно-правовые институты, порождающие чувство безнаказанности: условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и инициативы о снижении возраста ответственности. Выявлена коллизия ч. 6.2 ст. 88 УК РФ, создающая правовую неопределённость.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, условное осуждение, возраст уголовной ответственности, принудительные меры воспитательного воздействия, профилактика

JUVENILE DELINQUENCY AMID THE SYSTEMIC CRISIS OF PREVENTION

Mesyac Dmitry Olegovich

Abstract. The article analyzes the growth of juvenile crime in Russia amid the systemic crisis of prevention. Objective and subjective causes of juvenile criminalization are examined. Criminal-law institutions that generate a sense of impunity are critically assessed: suspended sentences, compulsory educational measures (Article 90 of the Criminal Code), and initiatives to lower the age of responsibility. A conflict in Part 6.2 of Article 88 of the Criminal Code creating legal uncertainty is identified.

Keywords: juvenile delinquency, suspended sentence, age of criminal responsibility, compulsory educational measures, prevention

Проблема преступности среди несовершеннолетних лиц в Российской Федерации остается актуальной на протяжении длительного времени. У многих юристов, представителей правоохранительных органов, психологов и криминологов присутствует особый интерес изучения данной проблемы, так как показатели статистики детской преступности отражают общую картину благосостояния общества и прогрессирования экономических и социальных структур государства.

Если приводить статистический анализ, то следует отметить, что за январь-ноябрь 2025 года в России до 25,9 тыс. деяний (+10,9%) увеличилась подростковая преступность. В общей массе предварительно расследованных деяний она занимает не более 3,3%, - отметили в надзорном ведомстве. В отношении самих несовершеннолетних за 11 месяцев 2025 года совершено 89,6 тыс. преступлений - на 1,4% ниже уровня 2024 года [1].

Изучая преступность несовершеннолетних, стоит отметить сложность выявления причин совершаемых социальных явлений. Причины преступлений среди детей и подростков невозможно всесторонне изучить, разбирая только отдельные факты из их жизни, так как причина преступления представляет собой целостную систему взаимодействующих элементов [2, с. 169].

Причины детской преступности можно рассматривать как с объективной, так и с субъективной стороны. К объективным причинам можно отнести проблемы в экономической, социальной, культурной структуре общества, то есть конкретные противоречия, складывающиеся в социуме. С субъективной стороны – это устоявшиеся психические установки самого лица, которые выражают его нравственное отношение к обществу, противоречащие общепризнанным нормам морали и нравственности, а также нормам права.

Криминологи в своих исследованиях приводят следующие распространенные причины детской преступности: неблагополучие в семье, выраженное в маленьком доходе родителей, который не может удовлетворить базовые потребности детей; разрыв семьи; общение с неформальными группами, которые разрушают нормальное воспитание и восприятие мира; недостатки в проводимых воспитательных и культурных мероприятиях со стороны государственных структур и другое.

Часть 2 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает минимальный возраст уголовной ответственности в 14 лет, однако среди депутатов Государственной Думы остро стоит вопрос касательно снижения данного возраста. Депутаты придерживаются мнения, что изменение возраста уголовной ответственности приведет к снижению численности преступников в обществе [3]. Помимо этого, они считают, что ребенок, совершивший особо жесткое преступление может осознавать степень опасности своего деяния. Согласиться с данной точкой зрения нельзя, так как заключение несовершеннолетнего в исправительные учреждения не приведет к снижению преступности среди детей и подростков, а наоборот только увеличит ее показатели.

«Понижая возраст уголовной ответственности несовершеннолетних, мы расписываемся в собственном бессилии. Заключение в тюрьму — это последний рубеж обороны, когда преступление уже совершено. Нужно заниматься профилактикой детских правонарушений», - считает Павел Астахов [4, с. 140]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, ведь снижение возраста уголовной ответственности может повлечь за собой большее распространение преступности среди слишком маленьких детей.

Решать вопрос детской преступности необходимо путем всестороннего анализа причин и условий совершения преступлений и их устранения путем профилактических и воспитательных процедур, а не только административными и уголовно-правовыми мерами [5, с. 224].

Преступность представляет собой социальное явление, а следовательно профилактические меры должны затрагивать в первую очередь социальные структуры общественной жизни: семью, образовательные заведения, культурные заведения, обеспечивающих воспитание детей. Зайко Т.М. отмечает, что «одним из приоритетных направлений государственной деятельности в борьбе с преступностью является предупреждение преступлений. Комплекс профилактических мер в отношении несовершеннолетних на специально-криминологическом уровне осуществляется различными государственными и общественными организациями» [6, с. 198]. Превенция преступлений среди подростков можно достичь путем: укрепление института семьи, так как она является важным социальным инструментом, обеспечивающим первоначальные воспитательные процессы.

Не менее важную, а возможно, и центральную роль играет школа, которая как социальный институт выполняет не только образовательные, но и мощные социализирующие, воспитательные и мировоззренческие функции, формируя у подрастающего поколения базовые представления о добре и зле, справедливости и законе. Однако системный кризис современного российского школьного образования, выражающийся в формализме знаний, личной незаинтересованности значительной части педагогов в воспитательной деятельности, утрате индивидуального подхода к личности ученика и фактическом «уходе» школы из процесса воспитания, создает условия для возникновения неформальных группировок, где агрессия и противоправное поведение становятся способами самоутверждения.

Говоря про превенцию и профилактические меры по борьбе с детской преступностью, необходимо упомянуть про деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД). Зачастую сотрудники полиции проводят в школах лекции о правовой культуре, но можно ли считать эту деятельность эффективной и интересной для детей? Представители подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) ОВД не оснащены теми педагогическими знаниями и приемами при работе с детьми, которые давали

бы нужный результат по борьбе и профилактике с детской преступностью. Поэтому целесообразно было бы обучить сотрудников ПНД ОВД психологическими и воспитательными приемами и методами при обучении детей правовой культуры. В идеале, чтобы усовершенствовать профилактическую деятельность ОВД, необходимо обучать в высших учебных заведениях квалифицированных специалистов для ПНД, которые были бы оснащены теми педагогическими психологическими приемами, а также практическими знаниями, которые путем своей профессиональной деятельности приводили ли бы к спаду детскую преступность.

Следует также обратиться к узловым вопросам уголовно-правового регулирования ответственности несовершеннолетних, где законодательные конструкции зачастую вступают в противоречие с целями как наказания, так и превенции. Прежде всего, речь идет о так называемой «условной» судимости, доля которой на протяжении последних лет стабильно превышает 50% от всех мер уголовно-правового характера, применяемых к данной категории лиц [7, с. 29].

С одной стороны, широкая распространенность условного осуждения есть проявление закрепленного в законе гуманного подхода к личности несовершеннолетнего, его возрастной несформированности и возможности исправления без изоляции от общества. Однако, как показывает анализ правоприменения, данная мера не столько способствует ресоциализации, сколько порождает у подростка чувство безнаказанности и легкомысленное отношение к судебному акту. Анкетирование воспитанников воспитательных колоний, совершивших новое преступление в период испытательного срока, прямо указывает на то, что условная судимость воспринималась ими как своеобразная индульгенция, а не как предупреждение о неотвратимости наказания [8, с. 19]. Более половины несовершеннолетних, осужденных условно, впоследствии совершают новые умышленные преступления, что ставит под сомнение эффективность данного института в его текущем виде.

Ключевая правовая коллизия кроется в диспозиции ч. 6.2 ст. 88 УК РФ, которая обязывает суд отменить условное осуждение и направить несовершеннолетнего в воспитательную колонию исключительно в случае совершения им в период испытательного срока особо тяжкого преступления. При совершении преступлений иной категории суд формально сохраняет за собой право вновь применить условное осуждение, что создает правовую неопределенность и позволяет накапливать «условные судимости» без реального уголовно-правового воздействия. В связи с этим в научной литературе обоснованно предлагается изложить указанную норму в императивной редакции, предписывающей суду возможность сохранения условного осуждения при повторном преступлении лишь при наличии исключительных обстоятельств (ст. 64 УК РФ), что сместит акцент с формальной гуманности на принцип индивидуализации ответственности.

Отдельной проблемой является неэффективность принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ, таких как «предупреждение» или «передача под надзор родителей», которые на практике либо носят формальный характер, либо заведомо неисполнимы, если семья ведет асоциальный образ жизни [9, с. 9]. Очевидно, что законодательное регулирование нуждается в пересмотре в сторону конкретизации перечня требований к поведению несовершеннолетнего и четкого определения специализированного государственного органа, осуществляющего надзор, а не родителя, зачастую являющегося косвенным виновником криминализации подростка. Решение этих правовых коллизий лежит в плоскости дифференциации ответственности, где карательные элементы (условное осуждение) должны быть жестко увязаны с мерами реального воспитательного и контролирующего воздействия, исключая ситуацию, при которой «гуманность» закона превращается в катализатор рецидивной преступности. Только такой комплексный подход, реформирующий правовые механизмы в сторону их действительной исполнимости и соразмерности, позволит переломить негативные тенденции и сделать борьбу с преступностью несовершеннолетних инструментом их исправления, а не формальной процедурой.

Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективная борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте не может быть сведена к ужесточению уголовной репрессии, а требует комплексного междисциплинарного подхода, ориентированного на устранение первопричин криминализации подрастающего поколения, при этом декларируемые профилактические меры зачастую носят

формальный характер в силу недостаточной педагогической подготовки сотрудников органов внутренних дел и фактического отстранения школы от воспитательного процесса, а институты условного осуждения и принудительных мер воспитательного воздействия, демонстрируя видимую гуманность, парадоксальным образом порождают у несовершеннолетних чувство безнаказанности и выступают катализатором рецидивной преступности, что обуславливает настоятельную необходимость кардинальной трансформации уголовно-правовых механизмов в сторону их реальной исполнимости и соразмерности, а также переориентации государственной политики с карательных мер на системное укрепление института семьи и модернизацию образовательной модели, лишь при условии которых возможно достижение устойчивого позитивного эффекта в снижении уровня подростковой преступности.

Список источников

1. Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10%. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (дата обращения: 27.06.2026).
2. Рябцев Г.В. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. №1 (6). С. 169 – 175
3. Законопроект № 293093-5 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации". — Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/293093-5> (дата обращения: 27.06.2026).
4. Сажаев А.М. Снижение возраста уголовной ответственности как мера противодействия подростковой преступности // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. - Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2020. - С. 137-141
5. Сажаев А.М. О некоторых вопросах организации противодействия преступности несовершеннолетних // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – С. 220 – 226
6. Колесников Р.В. Общесоциальные и специально-криминологические меры профилактики современной преступности несовершеннолетних // Вестник ВИ МВД России. 2020. №4. С. 197-203
7. Александра С.С. Условное осуждение несовершеннолетних: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. 2023. №22. С. 28 – 34
8. Писаревская Е.А. К вопросу о полноте учета возрастных особенностей несовершеннолетних преступников в механизме уголовно-правового регулирования // Уголовная юстиция. 2019. №14. С. 15 – 19
9. Детков А. П., Сафонова Е. П. Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, применяемых в отношении несовершеннолетних // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. №2. С. 4 - 10

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МЭН ЦИНЦИ

магистрант, международное право,
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Аннотация: В статье исследуются современные проблемы реализации норм международного права прав человека в условиях трансформации международных отношений, глобализации, цифровизации общественной жизни и возникновения новых вызовов международной безопасности. Рассматриваются особенности функционирования универсальной и региональных систем защиты прав человека, анализируются причины снижения эффективности международно-правовых механизмов контроля за соблюдением прав и свобод личности. Особое внимание уделяется влиянию вооруженных конфликтов, миграционных процессов, международного терроризма, цифровых технологий и искусственного интеллекта на реализацию международных стандартов прав человека. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов международного сотрудничества, укрепления роли международных организаций и развития национальных правовых систем в целях обеспечения эффективной защиты прав человека. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие международного права прав человека возможно только при условии соблюдения государствами принципов международного права, добросовестного исполнения международных обязательств и расширения международного сотрудничества.

Ключевые слова: международное право, права человека, международные стандарты, международные организации, государственный суверенитет, вооруженные конфликты, цифровые права, международная безопасность, глобализация, международное сотрудничество.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW IN THE MODERN WORLD

Meng Qingqi

Abstract: This article examines contemporary issues related to the implementation of international human rights law in the context of the transformation of international relations, globalization, the digitalization of public life, and the emergence of new challenges to international security. It examines the functioning of the universal and regional human rights protection systems and analyzes the reasons for the declining effectiveness of international legal mechanisms for monitoring the observance of individual rights and freedoms. Particular attention is paid to the impact of armed conflicts, migration processes, international terrorism, digital technologies, and artificial intelligence on the implementation of international human rights standards. It substantiates the need to improve mechanisms for international cooperation, strengthen the role of international organizations, and develop national legal systems to ensure the effective protection of human rights. It concludes that the further development of international human rights law is possible only if states adhere to the principles of international law, fulfill their international obligations in good faith, and expand international cooperation.

Keywords: international law, human rights, international standards, international organizations, state sovereignty, armed conflicts, digital rights, international security, globalization, international cooperation.

Права человека являются одной из важнейших ценностей современного международного сообщества и составляют фундамент международного правопорядка. После окончания Второй мировой войны международное сообщество пришло к выводу о необходимости формирования универсальной системы международно-правовой защиты личности, основанной на признании достоинства каждого человека независимо от его гражданства, национальности, пола, религиозной принадлежности, политических взглядов и иных обстоятельств. Именно в этот период были заложены основы современной международной системы защиты прав человека, включающие универсальные принципы, международные договоры и специализированные контрольные механизмы [1].

Современное международное право прав человека представляет собой самостоятельную отрасль международного публичного права, регулирующую отношения между государствами, международными организациями и иными субъектами международного права по вопросам обеспечения, уважения и защиты основных прав и свобод личности. В отличие от традиционных отраслей международного права, регулирующих преимущественно межгосударственные отношения, международное право прав человека непосредственно затрагивает положение человека как носителя субъективных прав, признаваемых международным сообществом.

Формирование универсальных международных стандартов прав человека стало одним из наиболее значимых достижений международного права XX века. Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, а также многочисленные специализированные конвенции сформировали международную систему минимальных стандартов защиты личности. Эти документы закрепили широкий перечень гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, которые государства обязаны уважать, обеспечивать и защищать [2].

Несмотря на значительные достижения международного права, практика реализации международных норм свидетельствует о наличии многочисленных проблем, препятствующих эффективной защите прав человека. Одной из наиболее существенных проблем остается отсутствие универсального механизма принудительного исполнения международных обязательств государств. Международное право основывается на принципе суверенного равенства государств, вследствие чего международные органы обладают ограниченными полномочиями по вмешательству во внутренние дела государств. Даже при наличии международных судебных решений или рекомендаций международных органов их исполнение во многих случаях зависит исключительно от политической воли соответствующего государства.

В современных международных отношениях наблюдается усиление противоречий между принципом государственного суверенитета и универсальным характером прав человека. С одной стороны, каждое государство обладает исключительным правом самостоятельно определять особенности своей правовой системы и внутренней политики. С другой стороны, нарушение фундаментальных прав человека приобретает международное значение и становится предметом внимания мирового сообщества. Поиск баланса между уважением государственного суверенитета и необходимостью международной защиты личности остается одной из наиболее сложных задач современного международного права [3].

Дополнительные трудности возникают в условиях вооруженных конфликтов. Военные действия сопровождаются массовыми нарушениями прав человека, включая право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу передвижения, право на жилище, образование, медицинскую помощь и другие основные права. Даже существование международного гуманитарного права не всегда обеспечивает эффективную защиту гражданского населения. В условиях вооруженных конфликтов значительно возрастает количество беженцев, внутренне перемещенных лиц, лиц без гражданства, что создает дополнительные проблемы для международной системы защиты прав человека.

Особую актуальность приобретают вопросы соблюдения прав человека в условиях борьбы с международным терроризмом. Государства принимают комплекс мер, направленных на обеспечение национальной безопасности, включая усиление контроля за перемещением лиц, расширение полномочий правоохранительных органов, применение цифровых технологий наблюдения и ограничение отдельных прав в чрезвычайных обстоятельствах. Вместе с тем подобные меры должны соответство-

вать международным стандартам необходимости, законности и соразмерности. Нарушение указанного баланса способно привести к необоснованному ограничению основных прав и свобод личности.

Одним из наиболее значимых вызовов XXI века стала цифровизация общественных отношений. Развитие информационно-коммуникационных технологий существенно изменило характер реализации многих прав человека. Свобода выражения мнения, право на получение информации, право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных приобрели новое содержание в условиях цифрового общества. Одновременно появились новые угрозы, связанные с массовым сбором персональной информации, использованием технологий распознавания лиц, автоматизированной обработкой данных, распространением дезинформации и киберпреступностью [4].

Развитие искусственного интеллекта также оказывает существенное влияние на реализацию международных стандартов прав человека. Использование алгоритмов машинного обучения в государственном управлении, судебной системе, правоохранительной деятельности, банковской сфере и здравоохранении создает значительные преимущества, однако одновременно вызывает вопросы обеспечения недискриминации, прозрачности принимаемых решений, защиты персональных данных и соблюдения права человека на справедливое рассмотрение его дела. Международное сообщество находится на этапе формирования единых правовых подходов к регулированию использования искусственного интеллекта с учетом необходимости соблюдения фундаментальных прав личности.

Глобализация способствует расширению международного сотрудничества, однако одновременно усиливает трансграничный характер многих угроз правам человека. Международная миграция, изменение климата, пандемии, транснациональная преступность, торговля людьми и незаконный оборот наркотиков требуют согласованных действий государств. Ни одно государство не способно самостоятельно обеспечить эффективную защиту прав человека в условиях глобальных вызовов, что объективно повышает значение международного сотрудничества и деятельности международных организаций [5].

Серьезной проблемой остается различный уровень социально-экономического развития государств. Экономические трудности ограничивают возможности отдельных стран по обеспечению социальных, экономических и культурных прав населения. Недостаточное финансирование здравоохранения, образования, социальной защиты, судебной системы и правоохранительных органов негативно отражается на эффективности реализации международных обязательств в области прав человека. Следовательно, обеспечение прав человека невозможно рассматривать исключительно как юридическую проблему, поскольку она тесно связана с уровнем экономического развития государства, качеством государственного управления и состоянием общественных институтов.

Одним из важнейших условий эффективной реализации международного права прав человека является развитие национальных механизмов защиты прав личности. Именно национальные суды, органы государственной власти, институты омбудсменов и правозащитные организации являются первичным уровнем защиты нарушенных прав. Международные органы осуществляют преимущественно дополнительную, контрольную функцию, вмешиваясь лишь в случаях, когда национальные средства правовой защиты оказываются недостаточно эффективными или недоступными для гражданина.

Проведенный анализ показывает, что международное право прав человека представляет собой динамично развивающуюся систему норм и институтов, направленных на обеспечение универсальной защиты достоинства личности. Однако эффективность реализации этих норм в современном мире остается неоднородной и сталкивается с рядом существенных проблем. К числу основных факторов, препятствующих полноценному осуществлению международных стандартов, относятся политизация правозащитной повестки, ограниченность международных механизмов принуждения, различия в уровне социально-экономического развития государств, а также сложность имплементации международных норм в национальные правовые системы [6].

Современные вызовы, связанные с вооруженными конфликтами, миграционными кризисами, цифровизацией общества и развитием искусственного интеллекта, существенно усложняют реализацию международных обязательств в сфере прав человека. При этом традиционные правовые механизмы не всегда успевают адаптироваться к новым условиям, что приводит к возникновению правовых пробелов и снижению эффективности международной защиты.

Вместе с тем международное право прав человека продолжает оставаться важнейшим инструментом формирования глобальных стандартов справедливости и гуманизма. Его дальнейшее развитие возможно только при условии укрепления международного сотрудничества, повышения ответственности государств за соблюдение взятых обязательств, совершенствования деятельности международных организаций и гармонизации национальных правовых систем с международными нормами.

Таким образом, несмотря на существующие проблемы, международное право прав человека сохраняет свою ключевую роль в обеспечении защиты личности и требует дальнейшего совершенствования как на универсальном, так и на региональном уровне.

Список источников

1. Курс международного права : в 7 т. / отв. ред. Г. И. Тункин. — Москва : Наука, 1989. — Т. 2. — 312 с.
2. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник. — Москва : Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.
3. Бекашев К. А. Международное публичное право : учебник. — Москва : Проспект, 2016. — 784 с.
4. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. — Москва : Юридическая литература, 1991. — 256 с.
5. Шумилов В. М. Международное право : учебник. — Москва : Юрайт, 2020. — 560 с.
6. Shelton D. Advanced Introduction to International Human Rights Law. — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2014. — 192 p.

УДК 340

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

РУСАКОВ ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧстудент
ВГУ им. П.М.Машерова г. Витебск*Научный руководитель: Борботько Павел Валентинович**к.и.н., доцент
г. Витебск, ВГУ им. П.М.Машерова*

Аннотация. Мировой ответ на феномен платформенной занятости принимает различные формы. Очевидно, что платформенных работников больше нельзя рассматривать как предпринимателей или самозанятых. Из-за контроля «скрытых алгоритмов» они попадают под власть платформ намного больше, чем обычные независимые подрядчики. Кейс Казахстана подтверждает этот подход и исходит из особого режима регулирования платформенного труда в рамках трудового законодательства. Традиционная конструкция трудовых отношений не может быть в полной мере применена к платформенным работникам.

Ключевые слова трудовые отношения, платформенная занятость, платформенные компании, презумпция трудовых отношений.

KAZAKHSTAN'S LEGISLATION IN THE FIELD OF PLATFORM EMPLOYMENT

Rusakov Igor Dmitrievich*Scientific adviser: Borbotko Pavel Valentinovich*

Abstract. The global response to the phenomenon of platform employment is taking various forms. It is clear that platform workers can no longer be considered entrepreneurs or self-employed individuals. Due to the control of "hidden algorithms," they are much more vulnerable to the power of platforms than traditional independent contractors. The case of Kazakhstan confirms this approach and highlights the need for a specific regulatory framework for platform labor within the framework of labor laws. The traditional structure of employment relationships cannot be fully applied to platform workers.

Key words. labor relations, platform employment, platform companies, presumption of labor relations.

Платформенная занятость как тема исследования пользуется достаточной популярностью в последние годы: существует большое количество научных работ, статей, статистических данных и других материалов для проведения анализа.

В 2021 году НИУ ВШЭ опубликовал доклад, в котором обобщается существующий опыт регуляции платформенной занятости, а также анализируются интервью с ключевыми стейкхолдерами, которые пришли к выводу, что «автоматическое распространение на данный сегмент занятости всех социальных гарантий с соответствующим объемом платежей, присущих сфере традиционного найма, нанесет серьезный урон платформенной экономике и создаст реальную угрозу существованию этого сегмента». Авторы предложили стимулировать платформы для разработки внутренних систем партисипа-

ции в социальных программах, опирающихся на «собственную экспертизу в сфере цифровых продуктов и понимание специфики этого сегмента занятости» [1, с.7].

Международная организация труда в 2021 году опубликовала доклад «Цифровые платформы и сфера труда в странах G20: состояние и меры политики», который показал, что многие платформенные занятые встречаются трудности с оплатой труда, регулярностью работы, надлежащими условиями работы, и применением права на коллективные договоры. Платформы могут приносить пользу как работникам, так и бизнесу, а через них и всему обществу. Но для этого необходимы надежные и эффективные системы социальной защиты и обеспечения социальной справедливости. В частности, это требует соответствия фактического положения работников установленной законодательством классификации, расширения действия на них социальных гарантий, где это необходимо, и прозрачности алгоритмов как для работников, так и для бизнеса [2].

Также подробным и важным источником является сравнительный анализ проведенный в 2025 году Кошель А. С., Кузьминовым Я.И., Кручинской Е.В., Лесивым Б.В. Они акцентируют внимание на том, что сбалансированные правовые решения могут быть приняты только как результат тесной коллаборации государства, стейкхолдеров в бизнесе, работников и объединений покупателей. Предлагается вектор развития платформенной экономики как нового способа организации рынка, охарактеризованный в первую очередь своей сбалансированностью: между государственными и частными интересами, интервенционизмом и саморегуляцией, консервативными гарантиями стабильности и стремлением к прогрессу [3, с.45].

Законодательство Республики Казахстан

Как и в большинстве стран мира платформенное законодательство Казахстана находится в зачаточном состоянии, требует радикального развития и расширения. Незрелость данной отрасли прослеживается в общей неточности и нелогичности формулировок. Например, интернет платформа определяется как «интернет-ресурс, предназначенный для осуществления взаимодействия между оператором интернет-платформы, заказчиком и исполнителем по оказанию услуг и выполнению работ» [4, п.81 ст.1]. Определяемое слово является частью собственного определения, что делает невозможным какую-либо систематическую трактовку.

Из-за неясности основополагающего термина, все последующие термины, опирающиеся на него (оператор интернет-платформы, заказчик, исполнитель) также теряют часть смысловой нагрузки [4, п.2,3 ст.102]. Некоторые исследователи также указывают на то, что терминология изначально выбрана некорректно и создает излишние трения с международным законодательством. В частности МОТ, членом которой является Казахстан, использует не «оператор интернет-платформы», а «цифровые трудовые платформы», что делает акцент на таком ключевом слове, как «труд», который может принимать различные формы и, в зависимости от нее, иметь различную правовую регламентацию [5, с.53].

Исходя из ст.102 Социального Кодекса, всякая трудовая деятельность организуемая посредством платформ регулируется в первую очередь гражданским законодательством, что повышает риски прекаризации работников.

Ускоренные темпы цифровизации способствовали глобальному распространению платформенной занятости, в том числе на территории Казахстана. Правовой статус лиц, вовлеченных в труд на цифровых платформах, до настоящего времени не получил окончательного закрепления в трудовом законодательстве большинства стран, применяющих данную форму организации труда. В Казахстане нормативную основу деятельности указанных работников преимущественно формируют нормы гражданского права, что подтверждается положениями действующих редакций Социального кодекса и Трудового кодекса Республики Казахстан. Полагая подобный односторонний подход законодателя недостаточно обоснованным, следует подчеркнуть назревшую необходимость адаптации традиционных конструкций трудовых отношений к условиям цифровой экономики. В частности, требуется легальное закрепление обновленных дефиниций понятий «работник», «работодатель» и «трудовые отношения» с целью предотвращения нарушений трудовых прав работников платформенного сектора.

Список источников

1. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия : аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват [и др.]. – Москва : Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2022. – 30 с. – ISBN 978-5-7598-2494-7. – DOI 10.17323/978-5-7598-2494-7. – EDN FILRJK..
2. Кошель, А. С. В поисках регуляторного оптимума для цифровых платформ: сравнительный анализ / А. С. Кошель, Я. И. Кузьминов, Е. В. Кручинская [и др.] // Legal Issues in the Digital Age. – 2025. – Vol. 6, № 2. – Р. 4–49. DOI: 10.17323/2713-2749.2025.2.4.49.
3. Социальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 20 апр. 2023 г., № 224-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224>. — Дата доступа: 05.04.2026.
4. Новиков, Д. А. Правовое регулирование платформенной занятости в странах БРИКС / Д. А. Новиков, Ф. К. Ногайлиева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – № 1. – С. 247-279. – DOI 10.17323/2072-8166.2025.1.247.279. – EDN KZGTXU..

© И.Д. Русаков

УДК 347.7:336.7

DUE DILIGENCE IN INTERNATIONAL COMMERCIAL AND FINANCIAL TRANSACTIONS: LEGAL CERTAINTY AND COMPLIANCE RISK MANAGEMENT

BALAEVA EKATERINA PETROVNA

independent researcher

Аннотация: В статье рассматривается комплексная проверка сделки (due diligence) в международных коммерческих и финансовых сделках как механизм обеспечения правовой определённости и управления комплаенс-рисками. Обосновывается, что предварительная проверка контрагента, актива, бенефициарных владельцев, источников средств и санкционных рисков влияет не только на решение о заключении сделки, но и на её структуру, условия финансирования и распределение ответственности между сторонами.

Ключевые слова: комплексная проверка сделки, международные коммерческие сделки, финансовые сделки, правовая определённость, комплаенс-риски, проверка контрагента, бенефициарные владельцы, санкционные риски, противодействие легализации доходов.

DUE DILIGENCE В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ И ФИНАНСОВЫХ СДЕЛКАХ: ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ КОМПЛАЕНС-РИСКАМИ

Балаева Екатерина Петровна

независимый исследователь

Abstract: The article examines due diligence in international commercial and financial transactions as a mechanism for ensuring legal certainty and managing compliance risks. It is argued that reviewing counterparties, assets, ultimate beneficial owners, sources of funds and sanctions exposure affects not only the decision to enter a transaction, but also its structure, financing terms and allocation of liability between the parties.

Key words: due diligence, transaction review, international transactions, financial transactions, commercial law, compliance, AML/KYC, sanctions exposure, legal certainty.

Imagine a cross-border transaction in which a bank finances the acquisition of an asset located in another jurisdiction. The contract may appear to be in order: the parties have agreed on the amount, the terms, the security package and the applicable law. However, once performance has commenced, it may later become clear that the asset is encumbered by third-party rights, the borrower's ownership structure is opaque, and one of the intermediaries is subject to sanctions. In such a situation, the problem lies not merely in a breach of contract. The transaction was originally structured on the basis of incomplete legal information.

For this reason, due diligence in international commercial and financial transactions cannot be reduced to a formalistic exercise in collecting documents. In this article, due diligence is understood as a comprehensive review of the counterparty, the asset, the sources of financing and compliance risks before a transaction is concluded. Its significance lies in helping the parties decide whether the transaction should be

entered into, how it should be structured, and which risks need to be allocated in advance within the contract.

In an international financial transaction, legal risk almost always has economic implications. If a bank does not understand who owns the asset, who controls the borrower, and whether the obligation can be enforced in a specific jurisdiction, this risk affects the cost of financing, collateral requirements and the bank's willingness to make a payment. Legal certainty is therefore not an abstract concept, but a practical condition for the movement of capital.

Fundamentally, any due diligence process begins with the scrutiny of the counterparty. This involves analysing the company's legal status, the powers of its governing bodies, its corporate structure, its business reputation and any potential restrictions on the transaction. The formal registration of a company does not in itself guarantee the security of the transaction. A company may have nominee directors, a complex chain of ownership, a hidden beneficial owner or actual links to individuals who pose an increased compliance risk.

Identifying the ultimate beneficial owner (UBO) is of particular importance to banks and financial institutions. The FATF's international standards are based on the need to understand the customer, the nature of the business relationship, the source of funds and the control structure [1]. Current European Union regulations also regard customer due diligence as part of the system for preventing the use of the financial system for money laundering and terrorist financing [2]. For a bank, the question of who is behind the customer may be no less important than the question of their solvency.

Equally critical is the legal audit of the asset itself. In international commercial and financial transactions, an asset may be the subject of a sale and purchase, used as security, or serve as a source of future income. It is therefore important to establish not only its market value but also its legal status. For a bank accepting an asset as security, it is crucial to understand whether the asset can be pledged, whether third-party rights exist, and whether it can be realised in the event of the borrower's default. An economically valuable asset may be weak from a legal perspective if the creditor cannot effectively use it to secure its claims.

Beyond the counterparty and the asset, the transaction's financial and contractual framework must also be examined. The results of due diligence must be incorporated into contractual mechanisms: representations, covenants, disclosure obligations, restrictions on the disposal of assets, early repayment clauses or requirements for additional security. If the review identifies a risk but this is not reflected in the contract, its practical significance is diminished. This is why due diligence links factual verification with the legal allocation of risks.

Finally, in today's regulatory climate, compliance review has emerged as a standalone and often decisive factor. For banks, this is particularly important, as an error in assessing a client or a transaction may result not only in financial losses but also in regulatory consequences. In its updated Core Principles for Banking Supervision, the Basel Committee emphasises effective risk management, internal control and supervisory assessment of banking systems [3]. In this sense, due diligence becomes part of a bank's risk management, rather than merely a stage in preparing a contract.

In practice, compliance risk may arise even when the transaction itself is not prohibited. A bank may refuse to process a payment if the chain of intermediaries does not allow the UBO to be identified, the source of funds is questionable, or the transaction does not correspond to the stated business purpose. In its 2026 findings on customer due diligence, enhanced due diligence and ongoing due diligence, the FCA emphasises the importance not only of initial checks but also of subsequent monitoring [4]. This demonstrates that due diligence is an ongoing process, not a one-off procedure before signing a contract.

Due diligence is also important in correspondent banking relationships. When one bank establishes a relationship with another financial institution, it must assess the quality of its controls, its approach to financial crime, its ownership structure and the nature of its services. The Wolfsberg Group regards the CBDDQ and FCCQ questionnaires as the global standard for due diligence between financial organisations when establishing correspondent banking relationships [5]. This is particularly important for cross-border payments, where risks may arise not only with the client but also at the level of financial intermediaries.

However, due diligence is no guarantee of absolute security. Even a thorough review does not eliminate risk entirely. It merely enables the parties to identify the most significant threats and make an informed decision: to withdraw from the transaction, alter its structure, request additional security, or transfer part of the

risk to the other party. A risk-based approach is therefore preferable: the scope of due diligence should depend on the nature of the transaction, the jurisdiction, the client, the asset and the potential loss.

Due diligence thus lies at the intersection of commercial law, financial regulation and compliance. It helps to verify the legal soundness of a transaction, assess the counterparty and the asset, identify sanctions and AML/KYC risks, and incorporate the identified issues into contractual terms. For banks and investors, it is one of the practical mechanisms through which law influences the flow of capital in international business.

In conclusion, due diligence is likely to become increasingly important as corporate structures grow more complex, digital financial instruments develop, and financial monitoring requirements are tightened. Its value lies not in the formal accumulation of documents, but in its ability to transform uncertain risk into manageable risk. It can therefore be regarded as an important tool for legal certainty in international commercial and financial transactions.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Financial Action Task Force (FATF). The FATF Recommendations. Updated October 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (accessed: 25.06.2026).
2. Regulation (EU) 2024/1624 on the prevention of the use of the financial system for money laundering or terrorist financing [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1624/oj/eng> (accessed: 25.06.2026).
3. Basel Committee on Banking Supervision. Core Principles for effective banking supervision. Bank for International Settlements, 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d573.htm> (accessed: 25.06.2026).
4. Financial Conduct Authority. Firms' customer due diligence processes and controls: our findings. 8 April 2026 [Electronic resource]. URL: <https://www.fca.org.uk/publications/good-and-poor-practice/firms-customer-due-diligence-processes-and-controls-our-findings> (accessed: 25.06.2026).
5. The Wolfsberg Group. Correspondent Banking and Payments Resources: CBDDQ and FCCQ [Electronic resource]. URL: <https://wolfsberg-group.org/resources/correspondent-banking> (accessed: 25.06.2026).

© Е.П. Балаева, 2026

УДК 347.44:339.9

CONTRACTUAL RISK ALLOCATION IN INTERNATIONAL COMMERCIAL AND FINANCIAL TRANSACTIONS

BALAEVA EKATERINA PETROVNA

Independent researcher

Аннотация: В статье рассматривается договорное распределение рисков в международных коммерческих и финансовых сделках. Договор в таких отношениях закрепляет не только обязанности сторон, но и заранее определяет последствия недостоверной информации, нарушения комплаенс-требований, изменения обстоятельств и финансового дефолта. Особое внимание уделяется выбору применимого права, заверениям, ковенантам, условиям о форс-мажоре, санкционным и AML/KYC-оговоркам.

Ключевые слова: международные сделки, коммерческое право, финансовые сделки, распределение рисков, заверения, ковенанты, применимое право, комплаенс.

ДОГОВОРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ И ФИНАНСОВЫХ СДЕЛКАХ

Балаева Екатерина Петровна

Независимый исследователь

Abstract: The article examines contractual risk allocation in international commercial and financial transactions. In such transactions, a contract not only records the parties' obligations, but also determines in advance the consequences of inaccurate information, compliance failures, changed circumstances and financial default. Particular attention is paid to choice of law, representations, covenants, force majeure, sanctions and AML/KYC clauses.

Key words: international transactions, commercial law, financial transactions, risk allocation, representations, covenants, choice of law, compliance.

In international business, a contract is rarely limited to a simple setting of prices, deadlines and the basic obligations of the parties. Behind the façade of a seemingly standard transaction lies a key question: who will bear the losses if the supply chain breaks down, a correspondent bank freezes a payment due to a compliance check, or a counterparty finds itself subject to sanctions? It is precisely at such critical moments that the true role of a contract becomes apparent — it serves not merely as a formal record of agreements, but as a framework for allocating potential risks.

For cross-border commercial and financial transactions, this is of critical importance. Cash flows, assets and compliance restrictions are often subject to entirely different legal systems. It is therefore not enough for businesses simply to agree on the granting of a loan or the shipment of goods. The parties must model adverse scenarios 'in advance': what constitutes a material breach, in which cases unilateral termination is permitted, and how financial losses will be allocated should the original plan fail.

The foundation of such allocation lies in the choice of applicable law. In international practice, this is far from being a mere boilerplate clause carried over from previous contracts. The interpretation of liability, the calculation of damages and the consequences of force majeure all depend on the chosen jurisdiction. The

Hague Principles on Choice of Law explicitly enshrine the autonomy of the parties' will in this matter [1]. If this instrument is ignored, any subsequent litigation or arbitration dispute concerning the applicable law may prove more costly and protracted than the commercial issue that gave rise to the conflict in the first place.

A logical extension of structuring a transaction is the institution of representations and warranties. Through these, a counterparty guarantees facts that are crucial to entering into the transaction: clear title to the asset, the absence of hidden liabilities, and compliance with AML/KYC requirements. For example, a bank arranges financing based on the borrower's assurance that there are no outstanding claims. If the opposite turns out to be the case, the matter shifts from the realm of business ethics to the legal sphere: these assurances enable the bank to immediately demand early repayment (acceleration) or compensation for financial losses (indemnity).

At the same time, the UNIDROIT Principles remind us that international commercial transactions are based not only on freedom of contract, but also on the principles of good faith and reasonableness [2]. An attempt to mechanically shift 100 per cent of the risks onto the weaker party often provides only an illusion of security. An excessively rigid contract works only until the first setback, after which the counterparty, having been backed into a corner, begins to look for ways to challenge the transaction or sabotage its performance, thereby shifting the legal dispute into the realm of intense negotiating pressure.

Covenants play a particular role in the financial sector. Whilst representations capture a 'snapshot' of the business at the date of signing, covenants allow the lender to monitor the borrower's future conduct. The obligation to maintain certain financial ratios, a prohibition on disposing of key assets, or taking on new debt without the bank's consent — all these are preventive mechanisms. They enable the bank to act at an early stage in response to signs of the borrower's deteriorating position, rather than waiting for an actual default.

Another important contractual mechanism is the definition of events of default and contractual remedies. In cross-border transactions, default should not be limited to non-payment or non-delivery. It may also include the breach of representations, refusal to provide information, deterioration of the collateral, loss of licences, or the appearance of sanctions and AML/KYC risks. If such events are described only in general words, the injured party may face uncertainty at the very moment when fast reaction is needed. Therefore, the contract should state clearly when acceleration, suspension of performance, additional security or termination becomes available. This makes the reaction to risk more predictable and reduces the space for later manipulation by the counterparty.

In this context, the contractual allocation of risks becomes a direct extension of the due diligence process. Due diligence merely highlights vulnerabilities: an opaque ownership structure, a disputed asset or an unstable financial position. And it is the contract that transforms these findings into specific protective mechanisms: conditions precedent, additional covenants or the right to withdraw from the transaction. Without this link, the due diligence report remains merely an informational document.

Today, more than ever, the issue of formulating force majeure and hardship clauses is of critical importance. Standard models, such as the ICC Force Majeure and Hardship Clauses 2020 [3], help to distinguish between ordinary commercial risk and truly exceptional circumstances. In practice, however, the classic force majeure clause is increasingly being supplemented or superseded by specific sanctions clauses, as it is precisely geopolitical restrictions that are becoming the main cause of non-performance.

Finally, compliance clauses covering sanctions, AML/KYC and the disclosure of beneficial owners are now an important part of contractual risk allocation. The FATF recommendations require a risk-based approach [4]; therefore, for financial institutions, a counterparty's breach of such conditions entails not only losses on the transaction but also regulatory consequences. The bank is fully entitled to suspend a payment or request additional supporting documents if a transaction raises even the slightest suspicion. This shifts the burden of proving the absolute integrity of the transaction onto the customer themselves, thereby reliably protecting the financial institution from multi-million fines and secondary sanctions.

Of course, even the most carefully drafted contract does not eliminate risk entirely. It merely makes the risk visible and manageable. The parties may still face dishonest behaviour on the part of a counterparty, a blocked payment or an economic crisis. However, a well-drafted contract allows the parties to avoid having to start a dispute from scratch, instead relying on a pre-agreed procedure: who gives notice, what documents are

to be provided, when the right of withdrawal arises, and what limitations on liability apply.

Proper risk allocation is not a competition in the complexity of legal wording. It is a practical tool for legal certainty, thanks to which international business and the financial sector maintain their stability, transforming potential threats into manageable business processes.

References

1. HCCH. Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts, 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135> (accessed: 27.06.2026).
2. UNIDROIT. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (accessed: 27.06.2026).
3. ICC. ICC Force Majeure and Hardship Clauses, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://iccwbo.org/news-publications/icc-rules-guidelines/icc-force-majeure-and-hardship-clauses/> (accessed: 27.06.2026).
4. Financial Action Task Force (FATF). The FATF Recommendations. As amended June 2026 [Electronic resource]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (accessed: 27.06.2026).

© Е.П. Балаева, 2026

УДК 347.7:336.7

DIGITAL ASSETS IN CROSS-BORDER TRANSACTIONS: LEGAL STATUS AND RISKS

BALAEVA EKATERINA PETROVNA

Independent researcher

Аннотация: В статье рассматривается использование цифровых активов в трансграничных сделках. Особое внимание уделяется правовому статусу таких активов, вопросам контроля, передачи прав, защиты кредитора и распределения рисков между сторонами. Сделан вывод о том, что цифровые активы могут быть значимым инструментом международного коммерческого и финансового оборота, однако их применение требует ясного договорного регулирования и предварительной оценки правовых рисков.

Ключевые слова: цифровые активы, трансграничные сделки, коммерческое право, финансовые сделки, правовой статус, контроль, распределение рисков.

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СДЕЛКАХ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И РИСКИ

Балаева Екатерина Петровна

независимый исследователь

Abstract: The article examines the use of digital assets in cross-border transactions. Particular attention is paid to the legal status of such assets, issues of control, transfer of rights, creditor protection and risk allocation between the parties. It is concluded that digital assets may serve as a significant instrument in international commercial and financial transactions, but their use requires clear contractual regulation and prior assessment of legal risks.

Key words: digital assets, cross-border transactions, commercial law, financial transactions, legal status, control, risk allocation.

In modern cross-border transactions, digital assets – ranging from stablecoins to tokenised securities – are often presented as a convenient and fast tool. They can be transferred instantly to any part of the world, used in settlements, incorporated into the logic of a smart contract, or offered to a creditor as collateral. But behind this apparent technological simplicity lies a complex legal question: what exactly does a party to the transaction receive in legal terms, and will they be able to protect their interests in court should the counterparty act in bad faith? For international commercial transactions, this is far from a mere academic detail; it is a fundamental condition for the actual enforceability of the transaction.

In practice, this issue becomes critical where a digital asset is used not as a speculative instrument, but as part of a complex financial or commercial transaction. For example, a company accepts USDT tokens as payment under a supply contract, an investor acquires a stake in a start-up through investment tokens, and a bank treats a borrower's crypto-assets as collateral. The economic value in each of these cases is clear, yet the law must respond to entirely new challenges and determine who actually controls the asset, at what point ownership is deemed to have passed, and what will happen in the event of the intermediary platform's insolvency.

The fundamental challenge for lawyers is that digital assets disrupt the traditional link between an object, physical territory, control and proof of ownership. They exist in distributed ledgers, blurring jurisdictional boundaries. This is precisely why structuring transactions involving such assets lies at the intersection of commercial law, financial technology and private international law.

The cornerstone of any such transaction is the classification of the asset's legal status. In the traditional world, the parties have a clear understanding of the subject matter of the agreement and deal with a specifically identified item, a claim against a bank or a book-entry security. With digital assets, matters are more complex. It is important to understand whether a token constitutes property or is merely an information record on the blockchain. If the parties do not specify the legal nature of the asset in the contract in advance, it will be extremely difficult for them to justify the applicability of specific remedies in the event of a dispute, be it recovery of property or the recovery of unjust enrichment.

This legal uncertainty has already attracted the attention of global regulators. For instance, UNIDROIT, in its Principles on Digital Assets and Private Law, examines issues relating to the transfer and protection of rights specifically through the prism of private law transactions [1]. For their part, the courts of England and Wales have already recognised crypto-assets as a form of property in a number of precedent-setting cases, a view subsequently endorsed by a report from the Law Commission [3]. For international business, this sends a critically important signal, as the choice of English law for transactions involving digital assets provides a high degree of predictability.

An equally complex practical aspect is the concept of control over an asset. In a traditional transaction, ownership of money in an account is confirmed by a bank statement. In the digital environment, control is inextricably linked to possession of a private key or access to a smart contract. A party may have an absolute legal right to an asset, yet lack the practical ability to dispose of it.

In practice, the risk of losing control materialises alarmingly often. If a counterparty loses the password to a cold wallet, if a centralised exchange freezes assets on suspicion of breaching anti-money laundering procedures, or if a vulnerability is discovered in the smart contract's code, formal ownership becomes meaningless. Therefore, a well-drafted contract must clearly allocate risks and specify who bears the losses in the event of a wallet being hacked, how access keys are transferred, and who is responsible for technical failures in the protocol.

The third, and often the most problematic, barrier is mandatory government regulation. Even with an ideal contract in place, the asset is still subject to regulatory requirements. The Regulation on Markets in Crypto-Assets, adopted by the European Union, has established unprecedentedly strict rules for issuers and crypto-service providers [2]. For parties to cross-border transactions, this means the possibility of a sudden ban on the transferred stablecoin in a specific jurisdiction, which would render the contract unenforceable.

Digital assets occupy a particular niche in the field of secured transactions. Lenders are attracted by the high liquidity of crypto-assets and the possibility of their instant, automatic realisation via a software algorithm without recourse to the courts. However, the attractiveness of such collateral depends not only on price volatility. It is important to understand the mechanisms involved in formalising collateral. This may involve handing over the keys to an escrow agent, transferring the assets to a creditor's multi-signature wallet, or locking them in a smart contract. If the enforcement mechanism has not been properly worked out, even the most ideal digital collateral will result in years of legal disputes.

In a climate of legal uncertainty, it is the contract itself that becomes the primary instrument of protection. The parties are forced to devise their own risk-sharing mechanisms. In the contract, this takes the form of comprehensive systems of assurances regarding the absence of any criminal link to the tokens, as verified by monitoring systems; obligations regarding secure storage; provisions for early repayment of the debt in the event of a sharp fall in the value of the cryptocurrency; and clauses regarding compensation for losses in the event of regulatory sanctions.

The tokenisation of traditional financial assets deserves special mention. As the Bank for International Settlements rightly notes in its report for the year 2024, tokenisation has the potential to radically accelerate market processes, but it requires the creation of a new legal infrastructure for settlements and the management of systemic risks [4]. The digital layer does not eliminate the classic problems of property rights, but merely amplifies them.

To summarise, it must be recognised that digital assets cannot be viewed solely as a technological phenomenon. For international commercial transactions, they are important first and foremost as objects of property transactions, requiring a crystal-clear legal status, technically verified control and a meticulous

allocation of risks within the contract. Their value to business depends not on the innovativeness of the blockchain, but on the extent to which applicable law allows the parties to protect their capital. If these issues are properly addressed, a digital asset transforms from a source of unpredictable risk into a powerful and effective tool for cross-border trade.

References

1. UNIDROIT. Principles on Digital Assets and Private Law. 2023 [Electronic resource]. - URL: <https://www.unidroit.org/work-in-progress/digital-assets-and-private-law/> (accessed: 25.06.2026).
2. Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets [Electronic resource]. - URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng> (accessed: 25.06.2026).
3. Law Commission. Digital assets: supplemental report and draft Bill. 2024 [Electronic resource]. - URL: <https://lawcom.gov.uk/project/digital-assets/> (accessed: 25.06.2026).
4. Bank for International Settlements (BIS) and Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI). Tokenisation in the context of money and other assets: concepts and implications for central banks. Report to the G20. October 2024 [Electronic resource]. - URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d225.pdf> (accessed: 25.06.2026).

© Е.П. Балаева, 2026

УДК 347.44:339.9

SANCTIONS CLAUSES IN INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS: LEGAL RISKS AND CONTRACTUAL PROTECTION

BALAEVA EKATERINA PETROVNA

Independent researcher

Аннотация: В статье рассматривается значение санкционных оговорок в международных коммерческих договорах. Такие условия позволяют сторонам заранее определить порядок действий при изменении ограничительных мер, отказе банка провести платёж или появлении риска связи контрагента с запрещённым лицом. Делается вывод, что санкционная оговорка важна не как формальная часть договора, а как практический способ распределения правовых и финансовых рисков.

Ключевые слова: санкционные оговорки, международные договоры, коммерческое право, правовые риски, договорная защита, банковские расчёты, исполнение обязательств.

САНКЦИОННЫЕ ОГОВОРКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРАХ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ДОГОВОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

Балаева Екатерина Петровна
независимый исследователь

Abstract: The article examines the role of sanctions clauses in international commercial contracts. Such clauses allow the parties to determine in advance how to act if restrictive measures change, a bank refuses to process payment, or a counterparty becomes connected with a sanctioned person. It concludes that a sanctions clause should not be treated as a formal part of a contract, but as a practical mechanism for allocating legal and financial risks.

Key words: sanctions clauses, international contracts, commercial law, legal risks, contractual protection, bank payments, performance of obligations.

In an international commercial contract, a sanction risk mostly appears not as an abstract ban, but as a real problem with performance. A payment can fail to go through a bank, the goods can be delayed by a carrier, and a counterparty can refuse to continue performance just because of a change in the status of a deal participant, the goods or the delivery route. At the moment of signing the contract the deal might look perfectly fine. However, in the process of performance it turns out that general conditions about compliance with the law are simply not enough. The parties need to understand in advance who bears the risk of a payment block, what information must be disclosed and at what moment the right to suspend or terminate the performance arises.

This is exactly why sanctions clauses have become such an important part of international commercial contracts. Under such a clause we can understand a condition that fixes the duty of the parties to comply with restrictive measures, disclose material information, confirm the absence of prohibited connections and define the consequences of the sanction risk. Unlike a general phrase about compliance with the law, a fully fledged clause answers a very practical question about what to do if it becomes impossible to safely perform the deal in its original form.

The sanction risk has a dual nature. From one side, it is connected with public law bans such as the restriction of payments, deliveries, provision of services or giving an economic benefit to certain persons. From the other side, it shows up inside a private contract, because it affects the deadlines of performance, the possibility of payment, the choice of a bank, the duties on disclosure of information and the right of a party to exit the deal. Therefore, a sanctions clause is always located at the crossing of commercial law, contractual risk allocation and compliance.

The first element of such a clause is the institute of representations of the parties. The counterparty can legally confirm that he himself, his controlling persons, the ultimate receivers of the goods, banks and main intermediaries are not under restrictive measures and do not act in the interests of persons to whom such measures are applied. The practical meaning of such representations consists in the fact that the party gets not only a verbal promise, but also a solid contractual ground to demand explanations, documents or the termination of relations upon revealing false information.

The second element is the duty of notification and the right to suspend performance. The sanction status of the counterparty, bank, carrier or ultimate receiver can change already after signing the contract. Because of this, one initial check is definitely not enough. In the contract it is important to fix the duty to report about a change in the structure of ownership, the ultimate user, the delivery route or the bank through which the payment is conducted. If the risk is not yet confirmed finally, but performance already becomes dangerous, the party needs a mechanism of a temporary stop without the automatic recognition of it as a violator.

Sanctions clauses have a special meaning in contracts connected with bank settlements. Even if the seller and the buyer consider the deal completely legal, the servicing bank can refuse to conduct the payment because of a non transparent structure of ownership, an unclear source of funds or a risk of connection with a prohibited person. As a result, the contract formally continues to act, but its performance becomes extremely difficult. Therefore, the parties should pre determine if a bank refusal is considered as a circumstance freeing from liability, who provides additional documents and who bears the expenses because of the delay.

In British practice an important guideline is the manual of the Office of Financial Sanctions Implementation, where the meaning of checking persons, deals and sources of funds is highlighted [1]. In European practice significant are the best practices of the Council of the European Union on applying restrictive measures, especially in the part of ownership, control and actions in the interests of persons located under restrictions [2]. For the contract this means that the check should not be limited only by the name of the party. It is necessary to count banks, intermediaries, carriers, ultimate users and persons who factually control the deal.

A more direct contractual reference point is the consolidated guidance of the International Chamber of Commerce on sanctions clauses in trade finance-related instruments. The ICC notes that sanctions may restrict a bank's ability to perform its role and that international banks may face different sanctions regimes in several jurisdictions at once [3]. For commercial contracts, this shows that sanctions clauses should not be treated as political wording, but as legal mechanisms determining whether payment may be processed, whether performance may be suspended and how the parties allocate regulatory consequences.

Sanctions clauses should also be coordinated with force majeure and hardship provisions. The ICC Force Majeure and Hardship Clauses 2020 show that international contracts often use autonomous contractual mechanisms for events that prevent or impede performance or make performance commercially untenable [4]. However, sanctions clauses should not be hidden inside general force majeure wording alone. They require specific triggers, disclosure duties, payment consequences and termination rights.

At the same time, a sanctions clause should not turn into an empty formality. If the contract contains only a general promise to comply with restrictions, but does not define the consequences of a bank refusal to conduct a payment, a change of the counterparty status or the revealing of a prohibited ultimate user, such clause helps very little in a real dispute. It is much more important that the contract answers concrete questions about what information is disclosed, in what term a notification is sent, when performance can be suspended and who bears the losses during the impossibility of payment.

Together with that, we need to honestly admit that even a well drafted sanctions clause is not a guarantee of full safety. Sanction regimes change unpredictably, banks can apply a more careful approach,

and state organs can evaluate the same situation differently. The task of the contract is more modest, but more practical, which is to decrease uncertainty and to pre agree the behavior of the parties. In this sense, a sanctions clause does not eliminate the risk, but makes it manageable.

Thus, sanctions clauses in international commercial contracts are not just a technical detail, but a real instrument for managing legal and financial risks. They tie together the check of the counterparty, bank settlements, disclosure of information, performance of obligations and allocation of liability into a single contractual construction. This is exactly why the meaning of such clauses will grow as international supply chains, payment routes and requirements for checking counterparties become more complicated. A well drafted clause helps the parties not to avoid all risks, but to understand in advance the order of actions upon their coming.

References

1. Office of Financial Sanctions Implementation. UK financial sanctions general guidance. Updated 12 May 2026 [Electronic resource]. - URL: <https://www.gov.uk/government/publications/financial-sanctions-general-guidance/uk-financial-sanctions-general-guidance> (accessed: 25.06.2026).
2. Council of the European Union. EU Best Practices for the effective implementation of restrictive measures. 3 July 2024 [Electronic resource]. - URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11623-2024-INIT/en/pdf> (accessed: 25.06.2026).
3. ICC. Consolidated ICC guidance on the use of sanctions clauses in trade finance-related instruments subject to ICC rules. 1 March 2022 [Electronic resource]. - URL: <https://iccwbo.org/news-publications/policies-reports/consolidated-icc-guidance-on-the-use-of-sanctions-clauses-in-trade-finance-related-instruments-subject-to-icc-rules/> (accessed: 25.06.2026).
4. ICC. ICC Force Majeure and Hardship Clauses. March 2020 [Electronic resource]. - URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2020/03/icc-forcemajeure-hardship-clauses-march2020.pdf> (accessed: 25.06.2026).

© Е.П. Балаева, 2026

УДК 347.7:336.7

LEGAL RISKS OF CROSS-BORDER PAYMENTS IN INTERNATIONAL BUSINESS

BALAEVA EKATERINA PETROVNA

Independent researcher

Аннотация: В статье рассматриваются правовые риски трансграничных платежей в международном бизнесе. Особое внимание уделяется проверке сторон платежа, санкционным ограничениям, требованиям финансового мониторинга, роли банков-посредников и договорному распределению рисков. Обосновывается, что платёж выступает не только техническим этапом исполнения договора, но и самостоятельной зоной правовой неопределённости.

Ключевые слова: трансграничные платежи, международный бизнес, финансовые риски, санкционные ограничения, финансовый мониторинг, договорная защита, правовая определённость.

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ БИЗНЕСЕ

Балаева Екатерина Петровна

независимый исследователь

Abstract: The article examines legal risks of cross-border payments in international business. Particular attention is paid to payment counterparties, sanctions restrictions, financial crime compliance requirements, intermediary banks and contractual allocation of payment-related risks. It argues that payment is not merely a technical stage of contractual performance, but a separate area of legal uncertainty in international business transactions.

Key words: cross-border payments, international business, legal risks, sanctions, financial crime compliance, intermediary banks, contractual protection, legal certainty.

In international business, parties often pay main attention to the contract itself, such as the price, delivery terms, quality of the goods, liability and applicable law. But in real life, a deal can fail not because the goods are not delivered or the contract is badly written, but because the payment does not go through. A bank can stop the transfer, request additional information, refuse the operation or return the funds. For a company this is no longer a technical delay, but a legal and commercial risk. The obligation formally exists, but its performance becomes difficult or impossible.

Because of this, cross border payments should be considered as an independent part of an international commercial transaction. The payment goes through banks, payment systems, correspondent accounts and sometimes through several jurisdictions. At each stage questions arise about who is the payer and the receiver, what is the origin of the funds, does the party fall under restrictions, is the purpose of payment indicated correctly and does the operation create a risk of breaching mandatory requirements.

The significance of this topic is confirmed by the international agenda. Within the framework of the Group of Twenty roadmap for improving cross border payments, the need to make such payments faster, cheaper, more transparent and more accessible is highlighted [1]. However, the drive for speed does not eliminate legal risks. On the contrary, the faster the money moves, the higher is the importance of preliminary check, the quality of payment data and the ability of banks to detect suspicious operations on time.

The first risk is connected with the identification of the payment participants. In an international deal the payer, the receiver, the sender bank, the receiver bank and the correspondent bank can be located in different

countries. If one of the participants in the chain causes doubts, the payment can be suspended. For business this is especially sensitive. The supplier thinks that the buyer did not perform the obligation, the buyer refers to the bank, and the bank demands additional documents. As a result, a commercial dispute arises even before the parties start to discuss the quality of contract performance.

The second risk is connected with the requirements of financial monitoring. The update of the FATF standards on payment transparency shows that in cross border transfers it is important to transmit sufficient information about the payer and the receiver [2]. If the data is incomplete, contradictory or does not allow understanding the economic sense of the operation, the bank can request explanations or refuse to conduct the payment. For international business this means that payment instructions and documents must be prepared as carefully as the contract itself.

The third risk is connected with sanction restrictions. Even if the deal is not prohibited in its essence, the payment can be blocked because of the bank, the intermediary, the payment currency, the transfer route or the connection of one of the parties with restrictive measures. In such situations an unpleasant practical question arises about who bears the risk of payment failure, the payer, the receiver or the party that chose the bank. The legislation on sanctions, including the UK Sanctions and Anti Money Laundering Act of 2018, shows that such restrictions can have a direct meaning for financial operations [5].

The fourth risk is connected with intermediary banks. In international payments money rarely moves directly from one bank to another. Correspondent relations are often used, and each bank in the chain applies its own checking procedures. Therefore, the payment can be stopped not by the payer bank and not by the receiver bank, but by an intermediate bank which does not have direct contractual relations with the commercial parties. This creates legal uncertainty, since the contract parties cannot always control the whole payment route in advance.

The fifth risk is connected with the quality of payment information. International efforts to implement unified data requirements in ISO 20022 messages are aimed at reducing fragmentation and increasing the compatibility of payment infrastructure [3]. For a lawyer this is important not only technically. A mistake in the payment purpose, incorrect name of the receiver, incomplete details about the beneficiary or an unclear connection between the contract and the payment instruction can lead to a delay of the operation and a subsequent dispute about proper performance.

A separate meaning belongs to the requirements for preventing money laundering and terrorism financing. The European Union Regulation 2024/1624 fixes the rules aimed at preventing the use of the financial system for such purposes [4]. For international business this means that the bank evaluates not only the legal form of the deal, but also its economic sense. It checks if the payment corresponds to the business purpose, who actually gets the benefit and whether the operation looks artificial.

On practice, problems with payment often arise at the most inconvenient moment, for example when the goods are already shipped, the service is provided or the payment deadline has expired. In such a situation, a formal reference to the fact that the bank delayed the transfer does not always save the debtor from liability. Therefore, the payment risk must be reflected in the contract in advance. The parties can provide a duty to supply documents for the bank, notify about the payment delay, use an alternative bank or currency, and also allocate the risk of a sanction block.

Sanction and payment clauses are especially important. They can include representations of the parties that they are not under restrictions, the duty to comply with the requirements of banks and regulators, the right to suspend performance when a sanction risk arises and the order of actions upon the impossibility of payment. Such conditions do not eliminate the risk completely, but they allow the parties to define in advance what happens if the payment does not go through for reasons connected with banks, restrictions or checks.

Thus, a cross border payment is not a technical annex to an international contract, but an independent legal zone. It connects commercial law, banking regulation, sanction restrictions and requirements of financial monitoring. For companies this means a necessity to include payment risks into the general structure of the deal, and for lawyers to analyze not only the contract, but also the financial path of its performance.

In conclusion it should be noted that the meaning of cross border payments will grow with the development of international trade, digital financial instruments and new payment standards. The main task of

the law consists not in eliminating all risks, but in making them understandable and allocable. A deal becomes stable only when the parties understand not only what they owe to each other, but also how the money will be able to pass through the financial system.

References

1. Financial Stability Board. G20 Roadmap for Cross-border Payments: Consolidated progress report for 2025 [Electronic resource]. - URL: <https://www.fsb.org/2025/10/g20-roadmap-for-cross-border-payments-consolidated-progress-report-for-2025/> (accessed: 25.06.2026).
2. Financial Action Task Force (FATF). FATF updates Standards on Recommendation 16 on Payment Transparency. 2025 [Electronic resource]. - URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/update-Recommendation-16-payment-transparency-june-2025.html> (accessed: 25.06.2026).
3. Committee on Payments and Market Infrastructures. Harmonised ISO 20022 data requirements for enhancing cross-border payments: updated report. BIS, February 2026 [Electronic resource]. - URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d230.pdf> (accessed: 25.06.2026).
4. Regulation (EU) 2024/1624 on the prevention of the use of the financial system for money laundering or terrorist financing [Electronic resource]. - URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1624/oj/eng> (accessed: 25.06.2026).
5. Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 [Electronic resource]. - URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13> (accessed: 25.06.2026).

© Е.П. Балаева, 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37

МЕТОДЫ МОНИТОРИНГА АДАПТАЦИИ СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРЕНИРОВОК

ЛЯО ЮЙЧАН

магистрант физического воспитания и спортивной подготовки,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Аннотация: В статье рассматриваются современные методы мониторинга адаптации спортсменов в условиях цифровой трансформации тренировочного процесса. Особое внимание уделяется использованию носимых устройств, систем биометрического контроля, программ анализа тренировочной нагрузки и цифровых платформ, обеспечивающих сбор и обработку данных о функциональном состоянии спортсменов. Анализируются возможности цифровых технологий в оценке физической, физиологической и психоэмоциональной адаптации, а также их влияние на повышение эффективности подготовки, снижение риска перенапряжения и травматизма. Сделан вывод о том, что интеграция цифровых средств мониторинга в систему спортивной подготовки позволяет осуществлять персонализированный контроль адаптационных процессов и своевременно корректировать тренировочные воздействия.

Ключевые слова: цифровая трансформация, спортивная тренировка, адаптация спортсменов, мониторинг, биометрические данные, носимые устройства, тренировочная нагрузка, спортивная аналитика.

METHODS FOR MONITORING ATHLETES' ADAPTATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRAINING TRANSFORMATION

Liao Yuchang

Abstract: This article examines modern methods for monitoring athlete adaptation in the context of the digital transformation of the training process. Particular attention is paid to the use of wearable devices, biometric monitoring systems, training load analysis programs, and digital platforms for collecting and processing data on athletes' functional status. The potential of digital technologies for assessing physical, physiological, and psychoemotional adaptation is analyzed, as well as their impact on improving training effectiveness and reducing the risk of overexertion and injury. It is concluded that the integration of digital monitoring tools into sports training systems enables personalized monitoring of adaptation processes and timely adjustments to training interventions.

Keywords: digital transformation, sports training, athlete adaptation, monitoring, biometric data, wearable devices, training load, sports analytics.

Современный спорт характеризуется высокой интенсивностью тренировочного процесса, постоянным ростом требований к функциональным возможностям спортсменов и широким внедрением цифровых технологий в систему подготовки. Цифровая трансформация тренировок представляет собой комплексный процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий, автоматизированных систем анализа данных и интеллектуальных платформ в практику спортивной деятельности. Одним из ключевых направлений данной трансформации является развитие методов мониторинга адаптации спортсменов, позволяющих получать объективную информацию о реакции организма на трени-

ровочные нагрузки и своевременно корректировать тренировочный процесс.

Адаптация спортсмена представляет собой сложный физиологический и психологический процесс, направленный на формирование устойчивости организма к специфическим нагрузкам. Эффективность адаптации зависит от правильного соотношения объема, интенсивности и направленности тренировочных воздействий, а также от индивидуальных особенностей спортсмена. Традиционные методы оценки адаптационных процессов, основанные на наблюдении тренера, субъективной самооценке спортсмена и периодических медицинских обследованиях, не всегда позволяют своевременно выявлять признаки переутомления, снижения работоспособности или неблагоприятных изменений функционального состояния.

Цифровые технологии существенно расширяют возможности мониторинга адаптации за счет непрерывного сбора и анализа данных. Носимые устройства, такие как фитнес-браслеты, спортивные часы, датчики сердечного ритма и системы GPS-трекинга, позволяют фиксировать показатели физической активности, частоты сердечных сокращений, вариабельности сердечного ритма, уровня кислородного насыщения крови, скорости передвижения и других параметров. Полученные данные автоматически передаются в специализированные программные комплексы, где подвергаются статистической обработке и интерпретации.

Одним из наиболее информативных методов мониторинга является анализ вариабельности сердечного ритма. Данный показатель отражает состояние вегетативной нервной системы и уровень готовности организма к физическим нагрузкам. Снижение вариабельности сердечного ритма может свидетельствовать о накоплении усталости, недостаточном восстановлении или повышенном уровне стресса. Регулярное отслеживание этого параметра позволяет тренерам и специалистам по спортивной медицине своевременно выявлять признаки перенапряжения и принимать решения о корректировке тренировочной программы.

Важное значение имеет мониторинг тренировочной нагрузки, который включает оценку внешней и внутренней нагрузки. Внешняя нагрузка характеризуется объективными параметрами выполненной работы, такими как дистанция, скорость, мощность, количество повторений и продолжительность тренировки. Внутренняя нагрузка отражает физиологическую реакцию организма на выполненную работу и определяется по показателям частоты сердечных сокращений, концентрации лактата, субъективной оценки интенсивности нагрузки и другим биомаркерам. Современные цифровые платформы позволяют интегрировать данные о внешней и внутренней нагрузке, что обеспечивает более точную оценку адаптационных процессов.

Большую роль в мониторинге адаптации играют биохимические методы исследования. Анализ концентрации лактата, креатинкиназы, кортизола, тестостерона и других биохимических показателей позволяет оценивать степень мышечного повреждения, уровень стресса, анаболические и катаболические процессы в организме спортсмена. В условиях цифровой трансформации результаты биохимических исследований могут автоматически интегрироваться в электронные базы данных, что обеспечивает возможность долгосрочного анализа динамики показателей и выявления индивидуальных закономерностей адаптации [1].

Цифровые технологии также позволяют осуществлять мониторинг психоэмоционального состояния спортсменов. Использование мобильных приложений для самооценки уровня усталости, мотивации, качества сна и эмоционального состояния дает возможность получать дополнительную информацию о факторах, влияющих на эффективность тренировочного процесса. Психоэмоциональные показатели являются важным компонентом адаптации, поскольку хронический стресс, недостаток сна и эмоциональное напряжение могут снижать способность организма к восстановлению и повышать риск возникновения травм.

Особое место в системе цифрового мониторинга занимают технологии искусственного интеллекта и машинного обучения. Алгоритмы анализа больших данных позволяют выявлять скрытые закономерности в динамике физиологических показателей, прогнозировать риск переутомления и разрабатывать индивидуальные рекомендации по оптимизации тренировочного процесса. Например, на основе анализа данных о тренировочной нагрузке, вариабельности сердечного ритма, качестве сна и субъек-

тивных ощущениях спортсмена система может автоматически определять оптимальный уровень нагрузки на конкретный день [2].

Применение цифровых методов мониторинга способствует повышению эффективности спортивной подготовки за счет персонализации тренировочного процесса. Индивидуальный подход к управлению нагрузкой позволяет учитывать особенности адаптационных возможностей каждого спортсмена, что особенно важно в условиях высоких спортивных достижений. Кроме того, своевременное выявление признаков неблагоприятной адаптации способствует снижению риска травматизма и хронического переутомления, что имеет большое значение для сохранения здоровья спортсменов и продления их спортивной карьеры.

Развитие технологий Интернета вещей (Internet of Things, IoT) стало одним из наиболее значимых факторов цифровой трансформации спорта. В современной практике спортивной подготовки многочисленные датчики объединяются в единую информационную сеть, обеспечивающую непрерывный обмен данными между спортсменом, тренером, врачом и аналитическими системами. Такой подход позволяет формировать комплексную цифровую модель состояния спортсмена, в которой отражаются показатели сердечно-сосудистой системы, двигательной активности, качества сна, уровня физической нагрузки и восстановления. Интеграция различных источников информации значительно повышает объективность оценки адаптационных процессов, поскольку отдельные показатели рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом [3].

Особое значение приобретает применение цифровых двойников спортсменов. Под цифровым двойником понимается виртуальная модель организма, формируемая на основе большого объема физиологических, биомеханических и медицинских данных. Использование подобных моделей позволяет прогнозировать реакцию организма на различные варианты тренировочной нагрузки еще до их практического применения. В результате тренер получает возможность заранее оценить потенциальную эффективность тренировочной программы, определить вероятность возникновения переутомления и подобрать наиболее рациональные средства восстановления. Несмотря на то что технология цифровых двойников находится на стадии активного развития, уже сегодня она рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений цифровизации спортивной подготовки.

Не менее важным элементом мониторинга является анализ биомеханических характеристик движений спортсмена. Современные системы компьютерного зрения, высокоскоростные видеокамеры и технологии трехмерного моделирования позволяют проводить детальный анализ техники выполнения упражнений без использования громоздкого лабораторного оборудования. Алгоритмы автоматически определяют углы сгибания суставов, траекторию движения конечностей, скорость выполнения отдельных элементов, симметричность движений и распределение нагрузки на различные группы мышц. Подобный анализ способствует не только совершенствованию спортивной техники, но и раннему выявлению факторов, способных привести к возникновению хронических перегрузок и спортивных травм.

Большое внимание в современных исследованиях уделяется мониторингу процессов восстановления после тренировок и соревнований. Именно полноценное восстановление обеспечивает формирование долговременных адаптационных изменений и повышение спортивной работоспособности. Цифровые платформы позволяют оценивать продолжительность и качество сна, скорость восстановления сердечного ритма после физической нагрузки, уровень ежедневной активности, изменения температуры тела и показатели вариабельности сердечного ритма. Комплексный анализ этих параметров помогает определить степень готовности спортсмена к очередной тренировке и своевременно скорректировать объем физических нагрузок. Такой подход позволяет избежать накопления хронической усталости и значительно снижает вероятность развития синдрома перетренированности [4].

В условиях цифровой трансформации возрастает значение предиктивной аналитики, основанной на обработке больших массивов данных. Системы искусственного интеллекта способны выявлять закономерности, которые невозможно обнаружить при традиционном анализе. На основании многолетних наблюдений за спортсменом алгоритмы могут прогнозировать динамику спортивной формы, вероятность получения травмы, изменение функционального состояния при различных режимах тренировок и даже предполагаемый уровень спортивного результата в ближайшей перспективе. Подобные прогно-

зы не заменяют профессиональное решение тренера, однако существенно повышают качество принимаемых управленческих решений и позволяют сделать процесс подготовки более научно обоснованным.

Важным направлением цифрового мониторинга является использование облачных технологий, обеспечивающих централизованное хранение и обработку информации. Все результаты функциональных обследований, медицинских осмотров, лабораторных исследований, данные тренировочных устройств и показатели соревновательной деятельности объединяются в единую цифровую базу. Это позволяет специалистам оперативно получать доступ к необходимой информации независимо от своего местонахождения, проводить сравнительный анализ показателей за различные периоды подготовки и отслеживать долгосрочную динамику адаптационных процессов. Особенно востребован такой подход при подготовке спортсменов национальных сборных команд и профессиональных клубов, где в тренировочном процессе участвуют специалисты различных направлений [5].

Следует отметить, что цифровая трансформация спортивной подготовки требует формирования новых профессиональных компетенций у тренеров и специалистов спортивной отрасли. Современный тренер должен не только владеть методикой спортивной подготовки, но и понимать принципы функционирования цифровых систем мониторинга, основы статистического анализа данных и возможности искусственного интеллекта. В связи с этим возрастает роль программ повышения квалификации, направленных на освоение цифровых технологий и методов анализа больших данных в спорте.

Перспективы дальнейшего развития цифрового мониторинга адаптации спортсменов связаны с совершенствованием сенсорных технологий, внедрением технологий 5G и 6G, развитием квантовых вычислений, расширением возможностей искусственного интеллекта и созданием полностью интегрированных интеллектуальных систем управления тренировочным процессом. В ближайшие годы ожидается дальнейшее повышение точности измерений физиологических параметров, уменьшение размеров носимых устройств и увеличение скорости обработки информации в режиме реального времени. Это позволит перейти от периодического контроля состояния спортсмена к непрерывному интеллектуальному сопровождению всего тренировочного процесса, обеспечивая максимально эффективное управление адаптацией организма к физическим нагрузкам.

Вместе с тем внедрение цифровых технологий в систему мониторинга адаптации связано с рядом проблем и ограничений. Одной из основных задач является обеспечение достоверности и надежности получаемых данных. Погрешности измерений, технические сбои оборудования и некорректная интерпретация результатов могут привести к ошибочным выводам о состоянии спортсмена. Кроме того, важным аспектом является защита персональных данных спортсменов и соблюдение этических норм при использовании биометрической информации [6].

Для эффективного применения цифровых методов мониторинга необходимо сочетание технологических решений с профессиональной интерпретацией данных. Тренеры, спортивные врачи и специалисты по анализу данных должны обладать соответствующими компетенциями для оценки полученной информации и принятия обоснованных решений. Цифровые технологии не заменяют профессиональный опыт специалистов, а служат инструментом, повышающим объективность и оперативность контроля адаптационных процессов.

Таким образом, методы мониторинга адаптации спортсменов в условиях цифровой трансформации тренировок представляют собой перспективное направление развития спортивной науки и практики. Использование носимых устройств, биометрических систем, цифровых платформ и технологий искусственного интеллекта позволяет получать комплексную информацию о функциональном состоянии спортсменов, своевременно выявлять признаки неблагоприятной адаптации и оптимизировать тренировочный процесс. Интеграция цифровых средств мониторинга в систему спортивной подготовки способствует повышению эффективности тренировок, снижению риска травматизма и созданию условий для достижения высоких спортивных результатов.

Список источников

1. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения : учебник для тренеров : в 2 кн. / В. Н. Платонов. — Киев : Олимпийская литература, 2015. — Кн. 1. — 680 с.
2. Верхошанский, Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю. В. Верхошанский. — 3-е изд. — Москва : Советский спорт, 2013. — 216 с.
3. Волков, Н. И. Биохимия мышечной деятельности / Н. И. Волков, Э. Н. Несен, А. А. Осипенко, С. Н. Корсун. — Киев : Олимпийская литература, 2000. — 504 с.
4. Бомпа, Т. О. Периодизация спортивной тренировки / Т. О. Бомпа, Г. Г. Хафф ; пер. с англ. — Москва : Спорт, 2016. — 384 с.
5. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб ; пер. с англ. — Москва : Эксмо, 2016. — 208 с.
6. Гаврилов, Л. П. Информационные технологии в спорте : учебное пособие / Л. П. Гаврилов. — Москва : КНОРУС, 2018. — 240 с.

УДК 370

INCLUSIVE ENGLISH LANGUAGE TEACHING FOR CHILDREN WITH DYSPLEXIA AND DYSGRAPHIA

ZENCHENKO LIUBOV SERGEEVNA

Practicing teacher, self-employed

Аннотация: в статье рассматриваются особенности обучения английскому языку детей с дислексией и дисграфией в условиях инклюзивного образования. Обосновывается актуальность применения индивидуализированных педагогических подходов, направленных на преодоление трудностей чтения и письма. Анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются обучающиеся с дислексией и дисграфией при изучении английского языка, а также рассматриваются современные образовательные технологии, способствующие повышению эффективности обучения. Особое внимание уделяется мультисенсорному обучению, дифференцированному подходу, использованию цифровых образовательных технологий и практическим рекомендациям по организации инклюзивного образовательного процесса. Сделан вывод, что комплексное применение современных педагогических подходов способствует развитию иноязычной коммуникативной компетенции и успешной социальной интеграции обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: дислексия, дисграфия, инклюзивное образование, английский язык, особые образовательные потребности, образовательные технологии.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ДЕТЕЙ С ДИСЛЕКСИЕЙ И ДИСГРАФИЕЙ

Зенченко Любовь Сергеевна

Практикующий учитель, самозанятый

Abstract: The article examines the features of teaching English to children with dyslexia and dysgraphia in an inclusive educational environment where the relevance of individualized pedagogical approaches aimed on overcoming difficulties in reading and writing is substantiated. The paper analyzes the main challenges faced by learners with dyslexia and dysgraphia while studying English and discusses modern teaching technologies that improve learning outcomes. Particular attention is paid to multisensory teaching, differentiated instruction, digital educational technologies and practical recommendations for organizing an inclusive educational process. It is concluded that the integrated use of modern pedagogical approaches contributes to the development of foreign language communicative competence and successful social inclusion of learners with special educational needs.

Key words: dyslexia, dysgraphia, inclusive education, English language, special educational needs, educational technologies.

Modern education aims to provide an equal access to quality education for all students, regardless of their health or individual learning needs. Inclusive education creates conditions where every child can study successfully and develop their abilities. This is especially important in English language teaching because learning a foreign language requires good reading, writing, memory, and language skills.

Children with dyslexia and dysgraphia often have serious difficulties in learning English because problems with reading and writing make it harder for them to learn new words, understand grammar and develop communication skills. Unfortunately, traditional teaching methods are not always effective for these learners.

Therefore, teachers need to use modern teaching methods that take into account the individual needs of every student. These methods include differentiated instruction, multisensory learning and adapted teaching materials in English.

Although many researchers have studied inclusive education and agreed that teaching English to children with dyslexia and dysgraphia needs more attention and practical skills from the teacher. But nowadays new digital technologies and modern teaching methods give teachers more opportunities to support these learners and improve their learning results.

The aim of this study is to analyze modern approaches to teaching English to children with dyslexia and dysgraphia in inclusive education and to identify the most effective teaching methods.

The objectives of the study are:

- to explain the main features of dyslexia and dysgraphia;
- to analyze the difficulties that children with these learning needs face when learning English;
- to describe modern teaching methods used in inclusive English language education;

Theoretical Foundations of Teaching English to Children with Dyslexia and Dysgraphia in Inclusive Education

Inclusive education aims to provide equal access to quality education for all students, regardless of their individual needs and abilities [1]. When teaching English to children with dyslexia and dysgraphia, it is important to create learning conditions that meet their educational needs. Learning a foreign language requires good reading, writing, listening, speaking and phonological awareness skills. The learning difficulties as dyslexia and dysgraphia are specific learning disorders that occur in children with normal intelligence and without hearing or vision problems. Dyslexia causes difficulties with reading, slow word recognition, problems with decoding words and poor reading comprehension. Dysgraphia affects writing and is characterized by spelling mistakes, handwriting difficulties, omitted or mixed-up letters and problems with writing words and sentences correctly. Although these children have normal intellectual abilities, they often experience difficulties in reading, writing, listening, and speaking because of problems with phonological processing, working memory and language skill development [2, p.25].

According to the **Dyslexia Awareness Training** course (Alison), there are three main types of reading difficulties: **phonological deficit**, **speed/naming deficit**, and **comprehension deficit**. About 80% of people with dyslexia have problems with phonological processing. This shows how important it is to develop phonological awareness when teaching a foreign language [16]. Children with poor phonological awareness often find it difficult to hear the differences between sounds, understand spoken English, read words correctly and pronounce them accurately. Moreover, the English language itself makes learning more difficult for students with dyslexia and dysgraphia because unlike Russian, English has many spelling rules, exceptions, and differences between spelling and pronunciation. As a result, students often read slowly, make mistakes, and have difficulty understanding texts. To help them, teachers should use structured lessons that focus on phonological awareness, phonics, and reading practice [2, p.18].

Writing is also a difficult skill to develop. Students with dysgraphia often make spelling mistakes, confuse or miss letters and need more time to improve their writing skills. That is why, teachers should consider each student's strengths and provide support based on their individual abilities [3, p.9].

Modern research shows that successful English language teaching depends on adapting the learning process to students' needs. The most effective methods include individual instruction, differentiated tasks, and a multisensory approach that combines visual, auditory, kinesthetic and tactile learning. The use of colour coding, flashcards, audio materials, mnemonic techniques, interactive activities and digital learning resources helps students remember new material more easily and reduces learning difficulties. Also, a supportive classroom environment is very important. Many students with dyslexia and dysgraphia feel anxious and are afraid of making mistakes. Therefore, teachers should give positive feedback, use formative assessment, create situations where students can experience success and allow them to learn at their own pace. Only an individual approach and the use of students' strengths help improve English language learning, increase motivation and support successful social development [3, p. 9].

In conclusion, successful English language teaching for children with dyslexia and dysgraphia requires a combination of adapted teaching methods, multisensory instruction, individual support and a positive learning environment.

Modern Teaching Technologies for Teaching English to Children with Dyslexia and Dysgraphia

The effectiveness of teaching English to children with dyslexia and dysgraphia depends on the use of teaching methods that take into account the way these students perceive and process language. The most effective approaches include the **multisensory approach**, **differentiated instruction**, **digital educational technologies**, **innovative educational technologies** and **formative assessment**. These approaches are discussed below.

The multisensory approach (Multisensory Structured Language Teaching) is based on using visual, auditory, kinesthetic, and tactile learning at the same time. During English lessons, teachers can use picture cards, colour coding for letter combinations (*sh, ch, th*), audio recordings, writing words in sand or on a magnetic board, and games such as **Memory**, **Word Bingo**, **Matching Pairs**, and **Roll and Read**. These activities help students improve phonological awareness, reading, writing and pronunciation skills [5].

Differentiated instruction means adapting the content, difficulty, and pace of learning to the individual needs of each student. Teachers can use tasks of different difficulty levels, reduce the amount of written work, give students extra time, and provide sentence starters or visual supports. This helps reduce learning difficulties and improves students' academic success.

Digital educational technologies also make English learning more effective. Educational platforms such as **Quizlet**, **Wordwall**, and **LearningApps**, as well as electronic dictionaries and **Text-to-Speech** and **Speech-to-Text** tools, help students practise reading, writing and pronunciation. These technologies also allow students to repeat learning materials as many times as necessary and work at their own pace [4].

Innovative educational technologies are becoming increasingly important in inclusive education. Artificial intelligence can analyse students' mistakes, choose exercises that match their level, and create personalised learning paths. AI chatbots and intelligent language-learning tools provide individual support and allow students to learn at a comfortable pace. Another important innovation is **gamification**, which uses quizzes, educational quests, digital games, and reward systems. These activities increase students' motivation, reduce anxiety, and make learning English more enjoyable [4].

Formative assessment focuses on supporting students' learning progress. Teachers provide regular feedback, encourage self-assessment, and use projects, presentations, and learning portfolios. This approach helps students become more confident and increases their motivation to learn. To improve the effectiveness of teaching English to children with dyslexia and dysgraphia in inclusive education, it is recommended to combine several teaching technologies. Their main characteristics are presented in **Table 1**.

According to the **Table 1**, the best results are achieved by combining different teaching technologies because their integration helps teachers meet the individual educational needs of students, increase motivation and create better conditions for developing English communicative competence. However, a successful English language teaching for children with dyslexia and dysgraphia requires good cooperation between English teachers, speech therapists, psychologists, special education teachers, parents and other specialists because only working together helps to provide a better support for each child.

In conclusion, the study showed that teaching English to children with dyslexia and dysgraphia in inclusive education requires an individual approach and the use of special teaching methods. The main difficulties are connected not only with reading, writing, language processing but also about the complex spelling system of the English language. Also, children with dyslexia and dysgraphia learn English more successfully when teachers use different teaching methods, such as multisensory activities, digital tools, games and formative assessment with a collaboration of different specialists because an individual approach helps improve language skills, increases motivation and supports successful learning in an inclusive classroom.

The analysis of scientific literature and modern teaching methods showed that the most effective approaches are multisensory teaching, differentiated instruction, a use of visual support, digital learning resources and formative assessment. These methods help increase learners' motivation, reduce anxiety and create better conditions for successful English language learning.

Table 1

Modern Teaching Technologies for Teaching English to Children with Dyslexia and Dysgraphia

Teaching technology	Main characteristics	Examples of classroom activities	Expected results
Multisensory approach	Uses visual, auditory, kinesthetic and tactile learning	Picture cards, colour coding, Memory, Word Bingo, Roll and Read , listening activities	Better reading, writing, pronunciation and vocabulary learning
Differentiated instruction	Adapts learning to students' individual needs	Different levels of tasks, extra time, sentence templates, visual supports	Reduced anxiety and improved learning outcomes
Digital educational technologies	Uses digital resources and interactive platforms	Quizlet, Wordwall, LearningApps , electronic dictionaries, Text-to-Speech, Speech-to-Text	Greater independence and higher motivation
Innovative educational technologies	Uses artificial intelligence and gamification	AI chatbots, adaptive learning tools, quizzes, educational games, quests	Personalised learning, higher motivation and better student engagement
Formative assessment	Focuses on students' individual progress	Feedback, self-assessment, projects, presentations, learning portfolios	Greater confidence and stronger motivation

To sum up, the aim of this study has been achieved. The use of modern teaching methods and the adaptation of the learning process to the individual needs of children with dyslexia and dysgraphia can improve the effectiveness of English language teaching and support successful inclusive education in modern schools.

References

1. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Birsh J. R. *Multisensory Teaching of Basic Language Skills*. Baltimore : Paul H. Brookes Publishing, 2018.
3. Выготский Л. С. *Основы дефектологии* / Л. С. Выготский. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 332 с.
4. Alison. *Dyslexia Awareness Training*. CPD Certified Online Course. Alison Free Online Learning Platform. 2026. URL: <https://alison.com/course/dyslexia-awareness-training> (24.06.2026).
5. Smith K., MacLeod-Vidal H. *Teach Reading with Orton-Gillingham: 70 Classroom-Ready Lessons to Help Struggling Readers and Students with Dyslexia Learn to Love Reading*. Ulysses Press, 2020.

УДК 370

ПОПУЛЯРНЫЕ ВИДЫ СПОРТА СРЕДИ СТУДЕНТОВ

ШЕБЗУХОВА АИША АДиевна

студентка

Северо-Кавказский Федеральный Университет

*Научные руководители: Ярошенко Евгения Валерьевна – доцент**Ващенко Оксана Евгеньевна – старший преподаватель**Северо-Кавказский Федеральный Университет*

Аннотация: Студенческий спорт является важнейшим инструментом физического воспитания, социализации и укрепления здоровья молодежи. Регулярные тренировки улучшают эмоциональное состояние, помогают справляться с учебными стрессами и формируют устойчивую потребность в здоровом образе жизни.

Ключевые слова: спорт, здоровье, студенты, заинтересованность.

POPULAR SPORTS AMONG STUDENTS

Shebzukhova Aisha AdievnaScientific supervisor: Yaroshenko Evgeniya Valeryevna ,
Vaschenko Oksana Evgenievna

Abstract: Student sports is an important tool for physical education, socialization and health promotion of young people. Regular workouts improve your emotional state, help you cope with learning stresses, and create a lasting need for a healthy lifestyle.

Keywords: sports, health, students, interest.

Активное участие в спорте является неотъемлемой частью студенческой жизни, способствуя как сохранению физической кондиции, так и укреплению ментального здоровья. Систематические тренировки выступают эффективным инструментом борьбы со стрессом, положительно влияя на эмоциональный фон, уровень уверенности в себе и общую самооценку учащихся, и поэтому участие в студенческом спорте составляет важнейший элемент университетского бытия, открывая перед учащимися перспективы как для укрепления здоровья, так и для расширения социальных связей. Здесь студенты находят единомышленников, заводят новые знакомства и воспитывают чувство лояльности к команде. Соревновательный процесс способствует формированию лидерских навыков и умения эффективно взаимодействовать в коллективе.

В наши дни специалисты всё чаще подчеркивают значимость физической активности как эффективного средства укрепления коммуникативных связей и поддержания психологического равновесия среди молодежи.

Тем не менее, доступность спорта для всех обучающихся остается вызовом. Многие сталкиваются с дефицитом времени из-за высокой учебной нагрузки, а другие ограничены в средствах, не имея возможности оплачивать услуги фитнес-клубов или арендовать инвентарь. В таких ситуациях образо-

вательные учреждения берут на себя ответственность за организацию бесплатных тренировок и проведение спортивных мероприятий непосредственно на территории кампуса.

Вовлечение в спортивные события положительно влияет на социальные связи между студентами. Занятия игровыми видами спорта обеспечивают всестороннее развитие физических способностей. Систематические тренировки помогают сохранять эмоциональную стабильность в напряженных игровых ситуациях, улучшают работу вестибулярного аппарата, повышают точность движений и расширяют поле зрения. Кроме того, командные игры приучают подчинять личные цели общим интересам, формируют навыки взаимовыручки и дисциплинированности.

Среди студенческой молодежи наибольшей популярностью пользуются такие спортивные дисциплины, как футбол, баскетбол, волейбол, теннис, плавание, легкая атлетика и гимнастика.

Футбол занимает лидирующие позиции по популярности в студенческой среде, поскольку представляет собой командную игру, требующую от участников развитой выносливости, высокой скорости и отличной координации. Практически в каждом учебном заведении существуют собственные футбольные коллективы, принимающие активное участие в разнообразных турнирах и соревнованиях.

Не менее востребован среди студентов и баскетбол. Этот динамичный и стремительный вид спорта предъявляет высокие требования к физической подготовке игроков и их умению координировать движения. Во многих вузах также сформированы профессиональные баскетбольные команды, выступающие на различных турнирных площадках.

Волейбол также входит в число любимых спортивных увлечений молодежи. Являясь командной игрой, он требует от спортсменов молниеносной реакции и слаженной координации действий. Учебные заведения часто имеют свои волейбольные секции и команды, которые регулярно участвуют в студенческих соревнованиях.

Теннис, представляющий собой индивидуальный вид спорта, также завоевал признание среди студентов. Эта дисциплина требует от игроков высокого уровня технической подготовки и отличной физической формы. Ряд высших учебных заведений оборудует собственные теннисные корты, предоставляя возможность учащимся заниматься этим видом спорта.

Также, спортивная среда способна выступить базой для проведения социально ответственных акций, поддерживающих благотворительные и общественно полезные проекты. Сегодня множество университетов активно запускают такие мероприятия, направленные на сбор средств для реализации волонтерских программ.

Таким образом, студенческий спорт выступает ключевым инструментом для формирования коммуникативных компетенций и сохранения эмоционального равновесия. Накопленные данные служат основанием для совершенствования механизмов поддержки спортивных секций в вузах, что напрямую влияет на повышение уровня благополучия обучающихся. Регулярные тренировки обеспечивают не только физическое совершенствование и психологическую стойкость, но и активно участвуют в организации социально значимых событий.

Вывод

Физическое состояние здоровья человека определяется совокупностью природных и социальных условий, однако ключевым аспектом остается его управляемость. Применяя грамотно выстроенные комплексы физических нагрузок, спортивные тренировки, сбалансированный рацион и четкий режим дня, можно существенно корректировать параметры физического развития и функциональной готовности организма в нужную сторону. В связи с этим физическая культура и спорт стали неотъемлемым инструментом оздоровления и подготовки человека в современном мире. Они играют критически важную роль в социализации молодежи, способствуя их всестороннему и гармоничному становлению. Таким образом, физическая культура и студенческий спорт в системе подготовки будущих специалистов выполняют не только образовательную функцию, но и служат мощным средством целенаправленного формирования целостной личности.

Список источников

1. Служителев А.В., Михайлова Д.И. Студенческий спорт и проблемы подготовки спортсменов // В сборнике: Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам национально научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования кафедры физического воспитания Кубанского ГАУ. Краснодар, 2020. С. 422-428.
2. Служителев А.В., Сарксян М.Д. Физическое воспитание среди студентов обучающихся в высших учебных заведениях // (Уральский научный вестник. 2023. Т. 1. № 3. С. 13-16.)
3. Мисникевич Е. А. Спорт – одаренность или сила воли? Психологические аспекты и ошибки в воспитании юных спортсменов // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 16. С. 68-73.
4. Лукащук В.И. Деятельность муниципальных органов власти по реализации программ развития массового спорта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №7-2. – С. 196-199.

© Шебзухова А.А

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.072

ПОГРАНИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ: ОПЫТ ОТНОШЕНИЯ К ДРУГОМУ В ГЕШТАЛЬТ-ПОДХОДЕ

АЗОРИН ЕГОР НИКОЛАЕВИЧ

магистрант

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена теоретическому анализу пограничного расстройства личности в перспективе гештальт-подхода как особой формы творческого приспособления в ситуации отношения к Другому. В отличие от клинико-описательных моделей, акцентирующих дефициты аффективной регуляции, идентичности и межличностного функционирования, в работе пограничность рассматривается как специфический способ организации контакта на границе между потребностью в близости и страхом утраты автономии. На основе понятий контакта, контактной границы, поля, диалога и интерсубъективности обосновывается, что поведение, обычно описываемое как деструктивное или дефицитарное, может быть понято как напряжённое, но внутренне закономерное творческое приспособление к переживанию Другого как одновременно необходимого и опасного. Показано, что для пограничного опыта центральное значение имеют колебания между стремлением к слиянию и страхом поглощения, повышенная чувствительность к признакам отвержения, неустойчивость границы Я и трудность удержания Другого как самостоятельного и одновременно значимого центра опыта. Делается вывод о том, что категория творческого приспособления позволяет перейти от дефицитарного языка описания пограничности к процессуальному и интерсубъективному пониманию её феноменологии.

Ключевые слова: пограничное расстройство личности; гештальт-терапия; творческое приспособление; интерсубъективность; контактная граница; поле; Другой; феноменология.

BORDERLINE EXPERIENCE AS A FORM OF CREATIVE ADJUSTMENT: THE EXPERIENCE OF RELATION TO THE OTHER IN THE GESTALT APPROACH

Azorin Egor Nikolaevich

Abstract: The article presents a theoretical analysis of borderline personality disorder from the perspective of Gestalt therapy as a specific form of creative adjustment in the situation of relating to the Other. In contrast to clinical descriptive models focused on deficits in affect regulation, identity, and interpersonal functioning, borderline experience is interpreted here as a particular way of organizing contact at the boundary between the need for closeness and the fear of losing autonomy. Drawing on the concepts of contact, contact boundary, field, dialogue, and intersubjectivity, the paper argues that behavior commonly described as destructive or deficient may be understood as a tense but internally meaningful form of creative adjustment to the experience of the Other as both necessary and dangerous. It is shown that oscillation between fusion and fear of engulfment, heightened sensitivity to rejection, instability of self-boundaries, and difficulty in holding the Other as a separate yet significant center of experience are central to borderline phenomenology. The article concludes that the category of creative adjustment makes it possible to move from a deficit-based language of borderline pathology toward a processual and intersubjective understanding of its phenomenology.

Key words: borderline personality disorder; Gestalt therapy; creative adjustment; intersubjectivity; contact

boundary; field; Other; phenomenology.

Введение.

Пограничное расстройство личности (далее – ПРЛ) относится к числу наиболее сложных для психотерапевтической работы состояний, что связано с выраженной нестабильностью идентичности, аффективной регуляции, импульсивности и межличностных отношений [1, с. 4-8]. Современные обзоры подчёркивают, что именно отношенческое измерение ПРЛ во многом определяет тяжесть клинической картины, особенности течения расстройства и характер психотерапевтической помощи [1, с. 5-8; 2, с. 92-96].

Вместе с тем описание ПРЛ нередко строится преимущественно в дефицитарном языке: говорится о диффузии идентичности, нарушениях привязанности, снижении способности к ментализации, примитивных защитах и дефицитах саморегуляции [3, с. 27-46; 4, с. 15-35; 5, с. 27-40]. Такой язык необходим для диагностики и клинической систематизации, однако он не всегда позволяет увидеть внутреннюю логику самого переживания и тот способ, которым субъект удерживает себя в отношении с другим человеком [2, с. 93-95; 6].

Гештальт-подход предлагает иную теоретическую перспективу. В классической гештальт-терапии психическая жизнь рассматривается как процесс контакта на границе организма и среды, а формы нарушения контакта понимаются не только как патологические, но и как способы приспособления, смысл которых раскрывается в контексте поля [7; 13, с. 203-220]. Современные гештальт-исследователи развивают это положение в идее эстетической и полевой диагностики, где симптом мыслится как процесс, разворачивающийся в отношении между терапевтом и клиентом [14, с. 1-11]. Русскоязычная гештальт-традиция дополнительно подчёркивает значение феноменологии, теории контакта, поля и диалога для понимания сложных форм психического функционирования и разрабатывает диалого-феноменологическую модель, в которой контакт понимается как процесс переживания на границе субъекта и среды [8, с. 75-97].

В этой связи представляется продуктивным рассмотреть пограничность не только как совокупность дефицитов, но и как особую форму творческого приспособления в ситуации отношения к Другому. Цель настоящей статьи – теоретически обосновать такую перспективу и показать, что категория творческого приспособления позволяет точнее описать феноменологию пограничного опыта в рамках гештальт-подхода.

Творческое приспособление как категория гештальт-подхода.

Одной из центральных категорий гештальт-терапии является контакт, понимаемый как процесс встречи организма со средой на контактной границе [7]. Контактная граница не является жёсткой перегородкой между субъектом и миром; это подвижная область, в которой одновременно происходят различение, обмен и построение отношения между «Я» и «не-Я» [7; 13, с. 37-52]. Именно здесь разворачивается творческое приспособление – поиск возможной формы существования в конкретной жизненной ситуации [9, с. 40-58; 15, с. 22-41].

Принципиально важно, что в гештальт-подходе приспособление не сводится к пассивному подчинению среде. Напротив, оно понимается как активный и нередко напряжённый процесс, в котором субъект стремится сохранить себя, удовлетворить значимые потребности и одновременно удержать связь с окружающим миром [7; 9, с. 55-62; 15, с. 33-48]. Даже болезненные, ригидные и повторяющиеся способы поведения в этой перспективе могут рассматриваться как имеющие собственную внутреннюю логику [14, с. 5-9].

В диалого-феноменологической модели И. А. Погодина – это положение усиливается: терапевтический процесс понимается как восстановление творческого приспособления на границе контакта, а сама психопатология – как результат блокирования процесса переживания [8, с. 78-85]. Симптомы и трудности контакта следует понимать не только как свойства индивида, но и как феномены поля отношений [8, с. 86-92]. Следовательно, при анализе ПРЛ вопрос состоит не только в том, какие функции нарушены, но и в том, какую задачу решает субъект в своём способе отношения к другому.

Интерсубъективность и проблема Другого.

Для понимания пограничности принципиально важна категория Другого. В диалогической философии М. Бубера человеческое существование раскрывается не в изоляции, а в пространстве встречи, в отношении «Я – Ты», где другой человек предстаёт самостоятельным центром присутствия [10]. Такой подход особенно продуктивен для анализа тех форм психического опыта, в которых сам вопрос о возможности отношения оказывается центральным [8, с. 82-85].

В клиническом описании ПРЛ именно отношение к другому оказывается наиболее уязвимым измерением. Современные обзоры показывают, что для данного расстройства характерны выраженные трудности в области межличностной регуляции, нестабильности привязанности, страха покинутости и импульсивных реакций в отношениях [1, с. 10-19]. В русскоязычной клинической литературе эта проблематика также описывается через нестабильность образа себя и другого, колебания между зависимостью и агрессией, трудность удержания устойчивой эмоциональной связи [3, с. 98-116; 2, с. 94-98; 4, с. 35-62].

Если интерпретировать эти явления только в дефицитарной логике, ПРЛ предстаёт прежде всего, как недостаточность структур Я. Однако в интерсубъективной перспективе становится возможным другой вопрос: каким образом субъект пытается сохранить себя в ситуации, когда Другой одновременно переживается как жизненно необходимый и как опасный [2, с. 95-99; 11, с. 52-54]. Именно здесь категория творческого приспособления оказывается методологически полезной.

Пограничность как форма творческого приспособления.

Рассмотрение ПРЛ как формы творческого приспособления смещает акцент с вопроса о дефиците на вопрос о функции. Пограничность тогда может быть понята как напряжённый способ организации контакта в условиях переживаемой интерсубъективной небезопасности [11, с. 52–53; 5, с. 40-48].

Одной из центральных структур такого опыта является колебание между стремлением к слиянию и страхом поглощения. Близость к другому человеку переживается как источник подтверждения, регуляции и удержания собственной целостности, но по мере усиления этой близости возникает противоположное переживание – угроза утраты автономии, растворения или подчинения со стороны Другого [1, с. 12-15; 3, с. 98-116]. В результате отстранение, разрыв контакта, агрессивная реакция или обесценивание могут выполнять функцию восстановления субъективной границы. Следовательно, деструкция близости оказывается не отсутствием логики, а парадоксальным способом её регулирования.

Другой ключевой аспект – повышенная чувствительность к отвержению. Согласно современным клиническим данным, пациенты с ПРЛ склонны переживать сигналы дистанции, задержки или изменения контакта как знаки собственной незначимости и покинутости [1, с. 13-17; 5, с. 27-35]. В терминах творческого приспособления это может быть понято как попытку предупредить катастрофу отвержения: субъект либо стремится немедленно восстановить подтверждение, либо сам разрушает связь, чтобы не оказаться в позиции оставленного.

Существенную роль играет неустойчивость контактной границы. В гештальт-теории граница обеспечивает одновременно различие и связанность [7]. При пограничности это различие становится хрупким: переживания, намерения или оценки другого человека оказываются слишком легко включёнными в структуру собственного Я [4, с. 27-35]. Отсюда возникают стремление к контролю, проверка надёжности, колебания между зависимостью и борьбой за автономию. Именно эти формы поведения могут быть интерпретированы как попытки заново организовать контактную границу там, где она не переживается как достаточно устойчивая [11, с. 52-54; 12].

Наконец, для пограничного опыта характерна трудность удержания Другого как отдельного и одновременно значимого центра опыта. В такой ситуации другой человек либо идеализируется, либо резко девальвируется, либо переживается как продолжение собственного состояния, либо как враждебная инстанция [3, с. 117-146; 4, с. 63-84]. Даже эта поляризация может быть понята в логике творческого приспособления: субъект пытается удержать отношение в условиях, когда различие между двумя субъектами переживается как трудно переносимое.

Таким образом, пограничность предстаёт не только как дефицит, но и как особая форма творческого приспособления, направленного на сохранение минимальной связности Я в ситуации, где отно-

шение к Другому оказывается одновременно необходимым и опасным.

Значение полевой парадигмы.

Понимание пограничности как творческого приспособления тесно связано с полевой логикой гештальт-подхода. Если симптом и его смысл определяются конфигурацией поля, то ПРЛ не может быть исчерпывающе описано как свойство изолированного индивида [7; 8, с. 86-92; 13, с. 84-102]. Оно должно рассматриваться как способ организации переживания в определённом межсубъектном контексте, где прошлый опыт, актуальные отношения и особенности другого человека образуют единую конфигурацию [14, с. 3-7].

Это позволяет перейти от вопроса «что нарушено у данного субъекта?» к вопросу «какую форму существования в поле отношений обеспечивает данный способ переживания?». Подобная смена взгляда не устраняет клиническую тяжесть ПРЛ [1, с. 5-8], но делает его описание менее редукционистским и более чувствительным к структуре переживания [8, с. 90-95].

Кроме того, такой подход сближает гештальт-терапию с феноменологической и диалогической традициями, для которых человеческая субъективность формируется не в замкнутой внутренней сфере, а в событии встречи [10; 8, с. 82-85; 15, с. 51-72]. Для анализа ПРЛ это особенно существенно, поскольку здесь зависимость чувства Я от качества отношения к другому проявляется с максимальной остротой.

Заключение

Проведённый теоретический анализ позволяет рассматривать пограничность в гештальт-подходе как особую форму творческого приспособления в ситуации отношения к Другому. Такая перспектива делает возможным переход от преимущественно дефицитарного языка описания ПРЛ к процессуальному, феноменологическому и интересубъективному пониманию его структуры.

Колебания между стремлением к слиянию и страхом поглощения, повышенная чувствительность к отвержению, неустойчивость контактной границы и трудность удержания Другого как отдельного субъекта могут быть поняты не только как признаки дезорганизации, но и как внутренне закономерные способы сохранения субъективной целостности в условиях интересубъективной небезопасности. Тем самым категория творческого приспособления обнаруживает свою ценность для дальнейшей разработки гештальт-подхода применительно к проблеме пограничного расстройства личности.

Список источников

1. Лейхсенринг Ф., Фонаги П., Хайм Н., Кернберг О. Ф., Левеке Ф., Люйтен П., Зальцер С., Шпитцер К., Штайнерт К. Пограничное расстройство личности: всесторонний анализ точек зрения относительно диагностики, клинической картины, этиологии, лечения и обзор текущих спорных вопросов // Всемирная психиатрия. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 4–25.
2. Соколова Е. Т. К проблеме психотерапии пограничных личностных расстройств // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 92–104.
3. Кернберг О. Ф. Тяжёлые личностные расстройства: стратегии психотерапии / пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 464 с.
4. Ильина С. В. Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.04 / Ильина Светлана Владимировна. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. – 25 с.
5. Бейтман Э., Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию: практическое пособие / пер. с англ. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 248 с.
6. Leichsenring F., Heim N., Leweke F., Spitzer C., Steinert C., Kernberg O. F. Borderline Personality Disorder: A Review // JAMA. – 2023. – Vol. 329, № 8. – P. 670–679.
7. Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудмен П. Практикум по гештальт-терапии / пер. с англ. М. П. Папуша. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 240 с.

8. Погодин И. А. Гештальт-терапия в работе с психической травмой: диалогово-феноменологическая модель // Консультативная психология и психотерапия. – 2009. – Т. 17, № 4. – С. 75–97.
9. Булюбаш И. Д. Руководство по гештальт-терапии. – М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2011. – 768 с.
10. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Н. Файнгольда. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
11. Gudelj L. Gestalt psychotherapy in the outpatient treatment of borderline personality disorder: a case report // African Journal of Psychiatry. – 2013. – Vol. 16, № 1. – P. 52–54.
12. Schillaci M., Faccini M., Orsini R., Barbieri I., Maffei C. Integration of Gestalt Therapy with Evidence-Based Interventions for Borderline Personality Disorder: Theoretical Framework and Clinical Model // Brain Sciences. – 2025. – Vol. 15, № 10. – Art. 1109.
13. Yontef G. M. Awareness, Dialogue and Process: Essays on Gestalt Therapy. – Highland, NY: The Gestalt Journal Press, 1993. – 561 p.
14. Roubal J., Francesetti G., Gecele M. Aesthetic Diagnosis in Gestalt Therapy // Behavioral Sciences. – 2017. – Vol. 7, № 4. – Art. 70.
15. Philippon P. The Emergent Self: An Existential-Gestalt Approach. – London: Karnac Books, 2009. – 160 p.

© Е.Н. Азорин, 2026

УДК 159.923:82

РАЗУМ И ЧУВСТВО: ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЕВГЕНИЯ БАЗАРОВА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

САГДАТУЛЛИНА АЛЬФИЯ КАЮМОВНА,

старший преподаватель

АСТАШКИНА АЛЁНА АНДРЕЕВНА,**ВАГАПОВА АМАЛЬ РУСТЭМОВНА,****ТИМЧЕНКО АННА НИКОЛАЕВНА,**

студенты

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Аннотация: В статье исследуется внутренний конфликт и экзистенциальный кризис Евгения Базарова в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Фокус смещён с идеологического спора «отцов и детей» на психологическую драму героя, раскрывающуюся в ключевых отношениях: с родителями и Анной Одинцовой. Через анализ этих линий демонстрируется трагический разлад между нигилистической доктриной Базарова и его пробуждающейся человеческой природой – потребностью в любви, принадлежности и духовной связи. Делается вывод, что финальная сцена смерти героя становится не поражением, а актом высшего нравственного прозрения, где торжествуют вечные экзистенциальные ценности над временной идеологией. Роман осмысливается как глубокое философско-антропологическое исследование границ рационализма и основ человеческого бытия.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Отцы и дети», Евгений Базаров, внутренний конфликт, экзистенциальный кризис, психология личности, разум и чувство, философская антропология, литературный герой.

REASON AND EMOTION: THE INNER CONFLICT AND EXISTENTIAL CRISIS OF YEVGENY BAZAROV IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «FATHERS AND SONS»

Sagdatullina Alfiya Kayumovna,**Astashkina Alena Andreevna,****Vagapova Amal Rustemovna,****Timchenko Anna Nikolaevna**

Abstract: This article examines the internal conflict and existential crisis of Yevgeny Bazarov in I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons». The focus shifts from the ideological dispute between the «fathers» and «sons» to the protagonist's psychological drama, which unfolds through key relationships: those with his parents and with Anna Odintsova. An analysis of these dynamics reveals the tragic discord between Bazarov's nihilistic doctrine and his awakening human nature – specifically, his need for love, belonging, and spiritual

connection. The conclusion is drawn that the hero's final death scene represents not a defeat, but an act of profound moral insight in which eternal existential values triumph over ephemeral ideology. The novel is interpreted as a deep philosophical-anthropological inquiry into the limits of rationalism and the foundations of human existence.

Keywords: I.S. Turgenev, «Fathers and Sons», Yevgeny Bazarov, internal conflict, existential crisis, psychology of personality, reason and feeling, philosophical anthropology, literary character.

Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» [1] традиционно рассматривается как произведение, отражающее идеологическое противостояние эпохи реформ. Однако его значение не исчерпывается социально-историческим контекстом. Тургенев осуществил в романе синтез социально-психологического анализа и философско-антропологической рефлексии, создав не просто типологию «отцов» и «детей», а глубокий художественный эксперимент по осмыслению границ рационализма и возможностей духовного самопознания личности. В центре этого эксперимента оказывается Евгений Базаров, который становится носителем новой антропологической модели – в ней сталкиваются нигилистическая доктрина и пробуждающаяся человеческая природа. Обращение к экзистенциальному измерению его образа позволяет увидеть в романе не только летопись общественной борьбы, но и универсальную драму человека, разорванного между разумом и чувством, идеей и жизнью.

Экзистенциально-феноменологический подход

Для того чтобы описать внутреннюю драму Базарова, необходимо использовать другой методологический принцип, отличающийся от того, который применяется при изучении социального конфликта. Анализ внутреннего конфликта Базарова требует обращения к методологическим принципам экзистенциальной философии и психологии личности. В отличие от социологических теорий поколений, объясняющих внешние детерминанты поведения, экзистенциальный подход фокусируется на уникальном опыте субъекта, его способности к рефлексии, выбору и переживанию пограничных ситуаций [2].

Центральной для нашего исследования становится категория «пограничной ситуации» (К. Ясперс) [3] – состояния, в котором человек сталкивается с предельными основаниями собственного существования: смертью, страданием, виной, борьбой. Именно такие ситуации (отвержение любви, болезнь, приближение смерти) обнажают иллюзорность нигилистической доктрины Базарова и выводят на поверхность подавленные эмоциональные и духовные потребности.

Ключевыми понятиями, применимыми к анализу образа Базарова, выступают:

- Подлинность и неподлинность существования (М. Хайдеггер) [4]. Базаров, декларирующий абсолютную свободу от авторитетов, оказывается в плену собственной ригидной идеологии, что делает его существование неподлинным – он избегает глубоких чувств и привязанностей, маскируя их рациональными объяснениями.

- Экзистенциальная тревога и страх перед свободой (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр) [5], [6]. Нигилизм Базарова может быть интерпретирован как защитная реакция на осознание бессмысленности бытия; его попытка построить жизнь на «полезности» и «фактах» оказывается бегством от фундаментальных вопросов о цели, любви и смерти.

- Конфликт между «Я-концепцией» и эмоциональным опытом (К. Роджерс, экзистенциальная психология) [7]. Внутренний разлад Базарова возникает из-за несоответствия между его сознательной установкой (нигилист, отрицающий чувства) и реальными переживаниями (привязанность к родителям, любовь к Одинцовой, страх одиночества).

Такой подход позволяет рассматривать роман не как иллюстрацию социальной борьбы, а как художественное исследование кризиса идентичности, где рациональное отрицание вступает в противоречие с иррациональной природой человека. Базаров становится не героем-идеологом, а трагической фигурой, пытающейся выстроить свою жизнь на принципах, которые не выдерживают столкновения с фундаментальными экзистенциалами – любовью, смертью, свободой и ответственностью.

Конфликт с родителями как экзистенциальный разрыв

Одним из ключевых аспектов романа, позволяющих проникнуть во внутренний мир Базарова, является его взаимодействие с родителями – Василием Ивановичем и Ариной Власьевной Базаровыми. Эта линия не сводится к бытовой зарисовке или иллюстрации межпоколенческого разрыва, она обнажает фундаментальное противоречие между нигилистической доктриной героя и его подавленной человеческой природой.

Родители Базарова воплощают мир патриархальных ценностей: искреннюю веру, безусловную любовь, привязанность к дому и семейным традициям. Их существование пронизано простотой и душевной теплотой, что резко контрастирует с рационалистическим мировоззрением сына. Для Базарова эмоции, вера и бытовые ритуалы кажутся проявлениями «слабости», несовместимыми с позитивистской картиной мира, где ценность имеет лишь то, что поддается практической пользе и научному объяснению.

В этом противоречии раскрывается экзистенциальный разлад Базарова. Его нигилизм, отрицающий любовь и привязанность как «романтизм» и «чепуху», сталкивается с реальностью семейных уз, которые невозможно объяснить или отменить рациональными аргументами.

Особую значимость данная линия приобретает в финале произведения. Столкнувшись с собственной смертностью, Базаров возвращается в родительский дом, где впервые за долгое время позволяет себе проявить искренние чувства. В этом эпизоде Тургенев достигает высшей степени эмоциональной выразительности: трагическая развязка становится нравственным очищением героя, раскрывающим подлинную глубину его человеческой природы. Смерть Базарова разрушает идеологические барьеры между ним и родителями; в их последнем общении преобладает безусловная любовь, перед лицом которой меркнут все рассуждения о прогрессе, свободе и отрицании.

Таким образом, в образах Базарова и его родителей Тургенев воплотил две противоположные, но взаимодополняющие стороны человеческого бытия: разум и чувство, рациональное и интуитивное, индивидуальное и родовое. Их столкновение демонстрирует, что никакие идеологические установки не способны окончательно разрушить естественную связь между поколениями. Этот конфликт носит не столько социальный, сколько экзистенциальный характер: он ставит перед героем вопрос о подлинности его существования, о том, можно ли построить жизнь на одном лишь отрицании, отказавшись от фундаментальных человеческих потребностей в любви и принадлежности.

Кризис любви: Базаров и Одинцова

Если конфликт с родителями обнажает глубинный, подсознательный разлад между доктриной и природой, то история взаимоотношений Базарова с Анной Сергеевной Одинцовой становится открытым столкновением рациональной установки с иррациональной силой чувства. Именно в этой сюжетной линии нигилистический проект Базарова проходит проверку на прочность и терпит крах.

С самого начала Базаров пытается вписать Одинцову в свою систему координат. Он рассматривает её с прагматической точки зрения: «герцогиня», «не похожа на прочих баб». Однако его притяжение к ней не укладывается в схему «полезности» и «физиологии». Тургенев показывает, как внешне скептическое, даже циничное отношение постепенно уступает место глубокому, мучительному влечению, которое Базаров не может ни объяснить, ни контролировать.

Ключевой сценой становится объяснение Базарова с Одинцовой, где он вынужден признать: «Я вас люблю глупо, безумно... Вот чего вы добились». Эта фраза знаменует полный крах рационалистической позиции. Слово «глупо» здесь принципиально: оно означает, что чувство не поддается рациональному осмыслению, оно иррационально, неподвластно воле и контролю. Для Базарова, который строил свою идентичность на отрицании «романтизма» и «белиберды», такое признание становится актом интеллектуального саморазрушения.

Однако Тургенев не даёт своему герою возможности разрешить этот конфликт через взаимность. Одинцова не отвечает на его чувство. Отвержение Одинцовой наносит Базарову тяжёлый психологический удар. Его уверенность в собственной исключительности и правоте оказывается поколеблена. Он пытается заглушить боль, уходя в работу, в цинизм, в демонстративное безразличие – но эти попытки лишь подчёркивают глубину внутреннего кризиса. Впервые Базаров сталкивается с тем, что его идеология не работает в сфере человеческих отношений, что существуют вещи, которые нельзя «отрицать» или «переделать»: любовь, страсть, уязвимость.

Таким образом, линия Базарова и Одинцовой не является просто любовным эпизодом. Она представляет собой экзистенциальный эксперимент, в котором проверяются пределы рационализма и обнаруживается его несостоятельность перед лицом фундаментальных человеческих переживаний.

Динамика внутреннего кризиса: от уверенности к сомнению

Внутренний кризис Базарова не возникает внезапно. Он развивается постепенно, проходя через несколько этапов, каждый из которых обнажает новые трещины в нигилистической системе героя. Тургенев выстраивает эту динамику как последовательное разрушение иллюзий, где внешнее поражение становится катализатором внутреннего перелома.

Начальный этап: уверенность и интеллектуальное превосходство. В начале романа Базаров предстаёт как абсолютно цельная личность. Его нигилизм – это не просто философская позиция, но способ существования, дающий ощущение власти над миром. Он убеждён, что всё поддаётся рациональному объяснению: искусство – «белиберда», природа – «мастерская», любовь – «физиология». Эта уверенность подкрепляется социальным статусом разночинца, который должен пробивать себе дорогу интеллектом и знаниями. Базаров наслаждается своей ролью «разрушителя», и эта позиция придаёт ему внутреннюю устойчивость.

Этап эскалации: первые трещины. Столкновения с Павлом Петровичем Кирсановым, которые поначалу лишь укрепляют Базарова в его правоте, постепенно начинают работать против него. Идейные споры перестают быть просто диалогом и превращаются в психологическое противостояние. Базаров вынужден постоянно защищать свою позицию, и это требует от него всё большего интеллектуального напряжения. В этом проявляется первый признак внутреннего сомнения: чем громче и категоричнее Базаров отрицает чувства, тем более очевидной становится его неуверенность в собственной доктрине.

Переломный момент: дуэль и её последствия. Дуэль с Кирсановым становится символической точкой бифуркации. Формально Базаров выходит из неё победителем (он ранит противника и сохраняет жизнь), однако психологически этот эпизод наносит ему тяжёлый удар. После дуэли Базаров покидает имение Кирсановых с чувством внутренней опустошённости, которое он пытается заглушить циничными замечаниями, но его голос звучит уже без прежней уверенности.

Углубление кризиса: отвержение Одинцовой и попытка бегства в работу. Отказ Одинцовой становится для Базарова моментом экзистенциального шока. Его уход в работу – это попытка подавить боль и вернуть контроль над собственной жизнью через привычную деятельность. Однако эта стратегия оказывается неэффективной. Базаров не может «переделать» себя, как он пытался «переделать» мир. Его сознание продолжает возвращаться к пережитому унижению, и это свидетельствует о том, что рациональная система, которую он выстроил, перестаёт работать как защитный механизм.

Завершение: встреча с родителями и предчувствие конца. Возвращение в родительский дом после дуэли и после объяснения с Одинцовой – это уже не просто визит, а бегство. Базаров оказывается в ситуации, где он более не может поддерживать маску непроницаемого нигилиста. Его общение с родителями, его раздражение и одновременно тоска по их любви выдают глубокий внутренний разлад. Тургенев показывает, как внешне грубый и резкий герой постепенно превращается в человека, уставшего от собственной роли, но не знающего, как из неё выйти.

Кульминацией этого процесса становится смертельная болезнь. Сцена заражения тифом не случайна: она воспринимается не как трагическая случайность, а как закономерный итог внутреннего кризиса. Базаров, потерявший опору в собственных убеждениях, оказывается неспособным противостоять даже случайности. Его смерть становится не столько физическим, сколько духовным событием – моментом, где иллюзии окончательно рассеиваются, и обнажается подлинная человеческая сущность.

Кульминация и разрешение: болезнь и смерть как нравственное прозрение

Смертельная болезнь застаёт Базарова в состоянии глубокого внутреннего разлада. Его нигилистическая система уже дала трещину: любовь к Одинцовой, дуэль с Кирсановым, болезненное возвращение к родителям – всё это постепенно подтачивало уверенность в собственной правоте. Однако именно перед лицом смерти происходит окончательный слом маски. Базаров в последние часы позволяет себе то, что раньше считал проявлением слабости: искренние чувства, тоску по жизни, любовь к родителям.

Особую значимость в этом эпизоде приобретает встреча с Одинцовой. Базаров, умирая, не проклинает её, не обвиняет в своём несчастье. Напротив, он говорит о ней с нежностью и горечью и просит её прийти поцеловать его. В этом жесте – не слабость, а последнее освобождение от собственного нигилизма, признание того, что любовь и человеческая связь имеют значение, независимо от того, признаёт это разум или нет.

В экзистенциальном смысле смерть Базарова – это момент обретения подлинности. Его существование, построенное на отрицании, оказывается неподлинным, поскольку оно избегало фундаментальных вопросов бытия: любви, смерти, свободы, ответственности. Базаров умирает не как нигилист, отрицающий мир, а как человек, примирившийся с миром, признавший его сложность и неустрашимость иррационального начала. В этом примирении – главный нравственный вывод романа: никакая идеология не способна отменить человеческую природу, и только через признание своих чувств и ограничений человек может обрести подлинность.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что образ Евгения Базарова в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» представляет собой не просто типологическую фигуру «нигилиста» и «разночинца», а глубокую экзистенциальную модель человека, столкнувшегося с неразрешимым противоречием между собственной идеологией и фундаментальными основами человеческого бытия.

Ключевым выводом нашего исследования является тезис о том, что смерть Базарова – это не поражение, а прозрение. Его последнее прощание с Одинцовой и примирение с родителями знаменуют обретение подлинности – того состояния, в котором человек принимает себя таким, какой он есть, со всеми слабостями и противоречиями.

Образ Базарова остаётся актуальным и сегодня, напоминая о том, что попытка построить жизнь на одном лишь отрицании неизбежно ведёт к внутренней пустоте и кризису. Его трагедия – это трагедия всякого, кто пытается подавить в себе человеческое во имя абстрактной идеи. И в этом – непреходящая ценность тургеневского романа, обращённого не только к своему времени, но и к вечным вопросам человеческого существования.

Список источников

1. Тургенев, И. С. Отцы и дети // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. – М.: Наука, 1981.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
3. Ясперс К. Философия. Книга 2. Просветление экзистенции / Карл Ясперс ; пер. с нем. Ю. В. Дзагуровой. – М. : Канон+, 2012. – 448 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – 3-е изд., испр. – СПб. : Наука, 2006. – 452 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / Сёрен Кьеркегор ; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М. : Терра-Книжный клуб, 1998. – 383 с.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр., предисл. и примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
7. Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию / Карл Р. Роджерс ; пер. с англ. М. Злотник. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 415 с.

© А.К. Сагдатуллина, А.А. Асташкина, А.Р. Вагапова, А.Н. Тимченко, 2026

УДК 159.9

ИКОНОПИСНЫЕ ОБРАЗЫ, КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ И ЛИЧНЫЕ СИМВОЛЫ В ПРАКТИКЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО АТЕЛЬЕ

ГЕНЕРАЛОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНАПреподаватель и методист курса Арт-терапии
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ «ALETHEIA»**Научный руководитель: Чернова Мария Борисовна***Доктор наук, Ph.D (университет Падуи, Италия), канд.пед.наук, доцент,
арт-терапевт, гештальт-терапевт,**член национальной ассоциации профессиональных арт-терапевтов Италии*

Аннотация: Актуальность данной статьи обусловлена поиском новых эффективных ресурсов психологической поддержки в условиях высокой неопределенности и эмоционального напряжения. Практика показывает, что для взрослого участника арт-терапевтического процесса наличие «культурного посредника» — архетипического образа или символа — значительно снижает уровень тревоги. Иконописная традиция в этом контексте рассматривается не как религиозный феномен, а как визуальный код, аккумулирующий многовековой опыт. В статье представлен практический опыт работы в арт-терапевтическом ателье со взрослыми.

Ключевые слова: арт-терапевтическое ателье, культурные архетипы, личные символы, художественная экспрессия, символизация

ICONOGRAPHIC IMAGES, CULTURAL ARCHETYPES AND PERSONAL SYMBOLS IN THE PRACTICE OF ART THERAPY STUDIO

Generalova Nataliy Sergeevna*Scientific supervisor: Chernova Maria Borisovna*

Annotation: The relevance of this article is due to the search for new effective psychological support resources in conditions of high uncertainty and emotional stress. Practice shows that for an adult participant in the art therapy process, the presence of a "cultural intermediary" - an archetypal image or symbol — significantly reduces the level of anxiety. In this context, the iconographic tradition is considered not as a religious phenomenon, but as a visual code accumulating centuries of experience. The article presents practical experience of working in an art therapy studio with adults.

Key words: art therapy studio, cultural archetypes, personal symbols, artistic expression, symbolization.

Введение

Современная арт-терапевтическая практика все чаще обращается к символическим и культурно-значимым образам как к ресурсу личностного развития и психологической поддержки. Это связано с тем, что художественная деятельность позволяет человеку не только выражать эмоциональные состояния, но и осмыслять внутренний опыт через форму, цвет, композицию и символ. Особую роль в дан-

ном процессе играют архетипические образы, обладающие устойчивой культурной значимостью и способностью вызывать глубокий эмоциональный отклик [10].

Выбор иконописных образов в качестве основы для арт-терапевтической работы с архетипами обусловлен их особой структурной организованностью, выразительной условностью и высокой степенью символической насыщенности [8; 13]. В иконописи форма никогда не исчерпывается внешним сходством с изображаемым объектом: она всегда указывает на нечто большее, чем видимое. Это качество делает иконописный образ особенно ценным для арт-терапии, поскольку участник получает возможность работать не только с визуальным впечатлением, но и с теми внутренними ассоциациями, которые этот образ вызывает [1; 2; 8].

Целью данной статьи является описание практического опыта организации практической работы в арт-терапевтическом ателье со взрослыми, основанной на использовании иконописных образов, культурных архетипов, их связи с личными символами и интенсификации процесса самопознания и самореализации взрослых людей, а также анализ терапевтического потенциала данного культурного феномена.

Практика работы со взрослыми участниками арт-терапии показывает, что творческая деятельность становится важным пространством восстановления контакта с собой, собственными чувствами и ценностями. А.А. Мелик-Пашаев подчеркивает *«человек по своей природе является творческим существом, наделенным определенным потенциалом, который должен реализоваться в течение жизни. Недостаточная реализация этого потенциала может сопровождаться возникновением психологических трудностей»* [7, с. 48]. В этом контексте арт-терапия выступает как средство активизации внутреннего ресурса личности и как форма бережного сопровождения процесса самореализации человека.

Теоретические основания работы

Арт-терапевтическое пространство представляет собой особую среду, в которой создаваемый участником художественный объект приобретает не только эстетическую, но и психологическую значимость [4; 15; 16]. В процессе творчества участник вступает в диалог с материалом, образом, собственными переживаниями и группой [15]. Такая среда создает условия для выражения чувств, которые не всегда доступны в вербальной форме [2].

Существенной характеристикой арт-терапевтического ателье является **атмосфера эмоциональной защищенности, принятия и безоценочности, эмоциональной безопасности** [14; 16]. В этих условиях художественная практика становится пространством, где возможно безопасное проявление скрытых, внутренних аспектов личности, их символическое оформление и последующее осмысление [6].

Важно отметить, что в процессе арт-терапии культурный архетип не выступает в качестве догмы или заранее заданного смысла. Напротив, он становится пространством встречи личного и общего, индивидуального переживания и коллективной памяти [13]. Именно в этой точке возникает терапевтический эффект: человек не остается один на один со своим переживанием, а обнаруживает, что его внутренний опыт соотносится с универсальными человеческими темами — заботой, утратой, ожиданием, защитой, надеждой, мудростью, преодолением [5]. Таким образом границы личностного бытия расширяются, снимается его ограничение, расширяется «личностный временной и сущностный хронотоп» [9, с. 29]. Значимость использования архетипов в практической работе арт-терапевтического ателье заключается в их универсальной форме, глубинном культурном и личностном содержании.

Описание практического опыта

В рамках практической работы в арт-терапевтическом ателье в качестве основных смысловых центров были выбраны архетипы Матери, Отца и архетип Мудреца. Архетип Матери соотносится с образами заботы, принятия, защиты, эмоциональной глубины и сакральной полноты. Архетип Отца связан с представлениями о законе, порядке, ответственности, силе и защите. Архетип Мудреца актуализирует темы знания, внутреннего руководства, поиска истины и духовной зрелости, может способствовать обращению к внутреннему ориентиру. Обращение к художественным образам, воплощающим эти архетипы позволяет участникам соотнести культурный символ с индивидуальным опытом и создать

собственную художественную интерпретацию. Таким образом, каждый символический мотив открывает собственное смысловое поле для интерпретации и может быть включен в индивидуальную траекторию самоисследования и трансформации личного опыта. [10; 13]. **Содержание и организация работы арт-терапевтического ателье**, структура работы включала несколько последовательных этапов, каждый из которых имел собственное психологическое и художественное значение. Методический комплекс ателье опирается на принципы организации пространства арт-терапевтического ателье и особенности терапии творческим самовыражением [2; 14; 15; 16].

Методический комплекс:

1. Погружение: знакомство с визуальным рядом, художественными образами, созданными в искусстве, обсуждение, обмен впечатлениями.

2. Художественная экспрессия: этап индивидуального творчества, создание собственного художественного образа, опора на внутренний отклик.

3. Феноменологическое описание: рефлексия, самоинтерпретация, анализ особенности арт-терапевтического процесса, фиксация непосредственных ощущений в процессе работы.

4. Групповая рефлексия: обсуждение работ, обмен эмоциями и переживаниями, основанные на принципах безоценочного восприятия. [2; 12; 14; 15; 16; 17]

В погружении была организована презентация иконописной традиции в живописи. Участникам были представлены произведения, связанные с личным прочтением культурного и духовного смысла образа русскими и итальянскими мастерами. В визуальный ряд вошли произведения Николая Константиновича Рериха, Андрея Рублёва, Джотто ди Бондоне, Андреа Ди Мессина и др. Такой подбор позволял показать, что символические образы, присутствующие в иконописи, пронизывают различные культуры и эпохи, сохраняя при этом узнаваемую смысловую глубину [1, 9].

В ходе обсуждения участники знакомились с символикой таких образов, как Богородица, Бог Отец, Святой, Крест, Древо жизни.

На этапе художественной экспрессии важным условием работы была свобода выбора художественных средств. Участникам предлагались масляная пастель, акварель, акриловые краски, карандаши, холсты, бумага и кисти. Также демонстрировались базовые приемы работы с выбранными материалами, а необходимая помощь оказывалась по запросу в ходе творческого процесса.

Свобода художественного выбора имела принципиальное значение, поскольку позволяла участникам выстраивать индивидуальный путь символизации внутреннего опыта. Как отмечал П.П. Чистяков *«искусство не является мертвой копией натуры, а представляет собой продукт души и человеческого духа»* [11, с. 58]. В этом смысле создаваемые работы рассматривались не как репродукции иконописных сюжетов, а как личностные высказывания, возникающие в диалоге с культурным символом.

Феноменологическое описание. Особенности арт-терапевтического процесса

Одной из центральных характеристик арт-терапевтического процесса стало создание особого пространства отношений, которые обеспечиваются принципами арт-терапевтического ателье. По мысли А. Деннер, *«для актуализации символического аспекта деятельности необходимо, прежде всего создать пространство чувств и отношений между всеми присутствующими. Только в таких условиях самовыражение приобретает глубину и эффективность»* [16, с. 22]. Данный тезис в полной мере подтвердился в практике работы ателье.

В ходе творческой деятельности участники не только создавали визуальные образы, но и постепенно осваивали новый способ взаимодействия с собственными скрытыми чувствами, переживаниями, с группой. Цвет, форма, композиция, характер линии и фактуры становились средствами выражения состояний, которые ранее могли оставаться неосознанными или трудно вербализуемыми. Важную роль в этом процессе играла психомоторная активность как основа художественного действия: через движение руки, выбор нажима, темпа и пластики реализуется возможность переводить внутреннее напряжение в художественную форму.

Атмосфера безоценочности и эмоционального принятия - необходимое условие продуктивной работы. В таких условиях арт-терапевтическое пространство становится местом, где человек может не

только создать образ, но и открыто выразить собственные мысли, чувства, поделиться личностным содержанием, заложенным в художественный образ.

Рефлексия и интерпретация художественных работ

Ключевым этапом арт-терапевтического процесса стала интерпретация созданных образов и последующая рефлексия. После завершения художественной работы участники совместно рассматривали произведения, а **автор, при наличии желания и внутренней готовности**, рассказывал о процессе создания образа, возникавших переживаниях и личных значениях отдельных символических элементов. Такой формат обсуждения обеспечивал мягкий переход от невербального выражения к осмыслению опыта [2, 3; 14; 15; 16;].

Именно на этапе рефлексии становились более отчетливыми скрытые чувства, страхи, внутренние конфликты, желания и значимые жизненные темы, которые получили выражение в художественном продукте. Посредством группового диалога удалось выявить актуальные психологические проблемы участников группы. При этом роль арт-терапевта состояла в сопровождении смыслообразования, в помощи участнику установить связь между символом, образом и личным опытом [3; 4; 14; 15; 16].

Созданный художественный продукт выступал как своеобразная фиксация эмоционального переживания в пространстве и времени. Он сохранял след внутренней работы и делал возможным возвращение к значимому содержанию уже после завершения процесса. Это особенно важно для взрослых участников, чьи чувства и состояния нередко вытесняются в повседневной жизни и получают недостаточно пространства для осознания [3, 6; 14; 15; 16; 17].

Таким образом, обращение к иконописным образам, культурным архетипам и личным символам в арт-терапевтическом ателье является продуктивным методом, позволяющим соединить культурную память, личностную рефлексию и творческое самовыражение.

Результаты и обсуждение

Практический опыт показал, что включение иконописных образов в арт-терапевтическую работу со взрослыми обладает выраженным ресурсным потенциалом. **Во-первых**, культурные архетипы создают опору для символизации личного опыта [13]. Они предоставляют участнику готовую почву для индивидуального содержания. **Во-вторых**, визуальные образы иконописной традиции обладают высокой концентрацией смысла, что способствует возникновению глубокого эмоционального отклика и усилению рефлексии. Во время работы участники создавали образы, в которых проявлялись темы защиты, утраты, поиска опоры, внутреннего руководства, надежды, принятия и личной трансформации. Это подтверждает, что художественная деятельность в условиях безопасного группового пространства способствует активизации внутренних ресурсов и расширению возможностей самопонимания. Таким образом, арт-терапевтическое ателье выступало не только как пространство психологической поддержки, но и как среда культурного и личностного развития. Практика показала, что даже при отсутствии религиозной мотивации участники включаются в работу с подобными образами достаточно глубоко, поскольку реагируют на универсальную символическую структуру. В этом заключается одна из сильных сторон арт-терапии: она позволяет обращаться к духовно-культурному материалу в светском, психологическом контексте, сохраняя уважение к личным границам каждого участника.

Важным результатом практической работы стало также повышение уровня спонтанности и доверия к собственному творческому действию. Многие участники отмечали, что образ возникает постепенно, как ответ на внутреннее состояние. Это способствует снижению внутренней критики и восстановлению контакта с телесно-чувственным переживанием.

Заключение

Проведенная практическая работа позволяет сделать вывод о высокой значимости иконописных образов в арт-терапевтической практике. Обращение к культурным архетипам и личным символам способствует углублению рефлексии, выражению эмоционального опыта и формированию новых смысловых связей между внутренним миром человека и культурным пространством.

Художественная деятельность в данном контексте становится способом фиксации переживания, средством внутреннего диалога и фактором личностного роста. Иконописная практика в структуре арт-терапии может рассматриваться как эффективный инструмент работы с глубинными смысловыми сло-

ями личности, позволяющий взаимодействовать с внутренним миром человека посредством символа, образа и творческого акта.

Проведенный анализ подтверждает, что иконописные образы являются мощным стимулом для проекции внутреннего мира взрослого человека. В отличие от абстрактных форм, данные образы задают определенный вектор размышлений о ценностях, страданиях, защите и преображении. Основным итогом работы в ателье становится трансформация скрытого эмоционального напряжения в осознанный личный символ. Это способствует не только эстетическому удовлетворению, но и достижению психологической интеграции, когда разрозненные переживания обретают форму и смысл в законченном художественном продукте.

Подобный формат работы может быть рекомендован для применения в практиках психологической помощи, образовательных и культурно-просветительских программах, а также в программах поддержки взрослого населения, нуждающегося в ресурсах самопонимания и эмоциональной стабилизации.

Список источников

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Архитектура-С. – 2000. – 392 с.
2. Бетенски М. Что ты видишь? Новые методы арт-терапии. – СПб.: Речь – 2002. – 256 с.
3. Бурно М. Е. Терапия творческим самовыражением. М.: Академический проект. – 2006. – 432 с.
4. Копытин А. И. Теория и практика арт-терапии. – СПб.: Питер. – 2010. – 368 с.
5. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – Киев: София. – 1997. – 384 с.
6. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб.: Речь. – 2003. – 256 с.
7. Мелик-Пашаев А. А. О пластической составляющей творчества //Национальный психологический журнал, – 2023 – № 8 (3). – С. 46-54
8. Никитин В. Н. Цанев П. Образ и сознание в арт-терапии / Изд. 2-е, исп. и доп. – М.: Когито-Центр, 2018. – 271 с.
9. Чернова М. Б. Проблемы духовности и свободы личности в современном обществе // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 26–30.
10. Чернова М. Б. Социально-педагогические и психологические аспекты формирования духовности личности: диалог как основа духовной жизни: учеб. пособие. – Гродно: ГрГУ. – 1999. – 62 с.
11. Чистяков П. П. Письма. Дневник. Воспоминания. Современники об искусстве. – М: Искусство – 1953. – 594 с.
12. Шоттенлоэр Г. Рисунок и образ в гештальт-терапии. – СПб.: Речь. – 2001. – 224 с.
13. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс. – 1991. – 304 с.
14. Case C., Dalley T. Manuale di arteterapia. – Torino – 2003. – 130 p.
15. Chernova M. I sogni spezzati possono tornare a volare. Il metodo di arteterapia. – Firenze: Marco del Bucchia Editore. – 2009 – 208 p.
16. Denner A., Malavasi L. Arteterapia: metodologia e ricerca. Atelier terapeutici di espressione plastica. – Tirrenia: Edizioni del Cerro – 2016.
17. Marchi E. Il simbolo che cura: manuale di attività riabilitative a mediazione artistica. – Maria Pacini Fazzi Editore. – 2021. – 220 p.

УДК 159.9.075

МАСТЕР-КЛАСС «ПОВЫШЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ У СТРЕЛКОВ-ВИНТОВОЧНИКОВ»

ПОТАПОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА

студент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: Гридяева Людмила Николаевна

к.психол.н., доцент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Аннотация: Мастер-класс направлен на целенаправленное повышение уровня мотивации достижения успеха у стрелков-винтовочников, через осознание внутренних барьеров, коррекцию ошибочных установок и отработку навыков ментальной саморегуляции в условиях, максимально приближённых к соревновательным.

Ключевые слова: мастер-класс, пулевая стрельба, мотивация, спортивный результат, стрелок-винтовочник.

MASTER CLASS IMPROVING THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF RIFLE SHOOTERS

Potapova Julia Igorevna*Scientific adviser: Gridyeva Lyudmila Nikolaevna*

Abstract: The master class is aimed at purposefully increasing the level of motivation for success among rifle shooters, through awareness of internal barriers, correction of erroneous attitudes and development of mental self-regulation skills in conditions as close as possible to competitive ones.

Key words: master class, bullet shooting, motivation, sports performance, rifle shooter.

Введение

В современной психологии мотивация достижения успеха рассматривается в качестве одного из ведущих детерминантов соревновательной надёжности и результативности, особенно в видах спорта, предъявляющих высокие требования к психофизиологической точности и помехоустойчивости (пулевая стрельба) [1]. Эмпирические исследования фиксируют у значительной части стрелков-винтовочников преобладание мотивации избегания неудачи, что в условиях соревновательного стресса приводит к росту тревожности, когнитивной дезорганизации и снижению сенсомоторного контроля. Традиционные методы внешнего стимулирования (поощрение за результат, наказание за промах) не только не устраняют данный дисбаланс, но и усугубляют его, закрепляя страх неудачи. В связи с этим возникает необходимость разработки и апробации психолого-педагогических программ, направленных на целенаправленное формирование у спортсменов устойчивой внутренней мотивации, ориентированной на успех. Настоящий мастер-класс представляет собой такую практико-ориентированную форму работы, реализующую принципы ментального тренинга в работе со стрелками-винтовочниками [3].

Мастер-класс проектировался как практико-ориентированное занятие, в центре которого стояла не просто передача знаний, а активное переформатирование мотивационной сферы стрелков-винтовочников. Его главная задача заключалась не в том, чтобы объяснить спортсменам, что такое мотивация, а в том, чтобы дать им инструменты для управления собственной мотивацией в реальном соревновательном режиме – на огневом рубеже, под давлением и ожиданием хорошего результата.

Основная часть

В отличие от традиционных бесед о важности результата, данный мастер-класс строится так:

1. Диагностика реального состояния – каждый участник через серию коротких тестов и рефлексивных упражнений фиксировал свой текущий уровень мотивации, соотношение страха неудачи и стремления к успеху, а также типичные мысли, возникающие перед ответственным выстрелом.

2. Деконструкция привычных паттернов – спортсменам наглядно демонстрировалось, как внешние стимулы («выиграть любой ценой», «не подвести тренера», «боязнь промаха») работают против них, повышая тревожность и снижая точность. Вместо этого вводилась установка: «каждый выстрел – это решение, а не приговор».

3. Формирование устойчивой мотивационной стратегии – через серию упражнений (ментальная репетиция, проговаривание целей, работа с вниманием и дыханием) у стрелков-винтовочников закреплялся навык переключения с мотивации избегания (не промахнуться) на мотивацию достижения (выполнить технически идеальный выстрел) (табл. 1).

Особое внимание уделялось индивидуализации. Поскольку у каждого стрелка свои психологические триггеры, мастер-класс предусматривал гибкие сценарии: часть упражнений выполнялась в парах, часть – в индивидуальном режиме «тишины и сосредоточения», что позволяло каждому стрелку-винтовочнику найти свой «ключ» к устойчивому состоянию.

Таблица 1

Этапы мастер-класса

Этап	Содержание	Как это работало на мотивацию
1. Входная рефлексия	Заполнение мини-опросников, ответы на вопросы «Чего я боюсь больше всего на старте?», «Что для меня значит успех?»	Перевод неосознаваемых страхов в осознаваемую зону – первый шаг к управлению ими
2. Разбор соревновательных ситуаций	Видеоразбор и кейсы с реальных стартов (чужих и собственных), анализ момента срыва	Выявление связи между мыслью, эмоцией и результатом; разрушение иллюзии «внешних причин»
3. Блок ментальных техник	Упражнения на концентрацию, «якорение» уверенного состояния, визуализация удачного выстрела	Формирование новой автоматической реакции на стресс — вместо тревоги возникает собранность
4. Соревновательная симуляция	Условный «бой» с ограничением времени и имитацией ответственности (работа в группе, бонусы за серию)	Закрепление мотивации достижения в условиях, близких к соревновательным; перенос навыка из тренинга в реальность
5. Итоговая рефлексия и закрепление	Каждый формулирует свою новую «боевую установку» (например, «Я контролирую процесс, результат — следствие»)	Переход от внешней оценки к внутренней; формирование автономной мотивации

Проведённый мастер-класс, ориентированный на развитие мотивации достижения успеха у стрелков-винтовочников, позволил подтвердить исходную гипотезу о том, что целенаправленное психолого-педагогическое воздействие, реализуемое в формате практико-ориентированного занятия, способно оказывать значимое влияние на структурно-динамические характеристики мотивационной сферы спортсменов. В ходе работы были последовательно решены следующие задачи:

- осуществлена первичная диагностика актуального мотивационного профиля участников;
- выявлены дефицитные звенья в системе саморегуляции, связанные с доминированием мотивации избегания неудачи;
- апробирован комплекс когнитивных и поведенческих техник, направленных на переориентацию установок с внешней оценки на внутренние критерии успешности;
- зафиксированы качественные изменения в рефлексивных отчётах спортсменов.

Анализ динамики показателей позволяет констатировать, что ключевым механизмом произошедших изменений выступила трансформация субъективного восприятия соревновательной ситуации: от угрожающей (ситуация компетентности с возможностью негативной оценки) к вызову (ситуация проявления мастерства с акцентом на процессуальные характеристики деятельности). Данный сдвиг, зафиксированный как на вербальном уровне (самоотчёты), так и в поведенческих проявлениях (уменьшение количества преждевременных спусков, увеличение пауз для самоконтроля), свидетельствует о начале процессов реструктуризации мотивационной иерархии в сторону усиления внутренней побудительной основы деятельности.

Особого внимания заслуживает факт, что предложенная программа мастер-класса «Повышение психологической устойчивости у стрелков-винтовочников», строилась не на трансляции готовых алгоритмов, а на создании условий для самостоятельного открытия стрелками-винтовочниками взаимосвязей между собственными мыслями, эмоциональными состояниями и результативностью. Такой подход, согласующийся с положениями теории самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан), обеспечивает не ситуативное, а долгосрочное усвоение мотивационных стратегий, поскольку стрелки-винтовочники становятся активными субъектами преобразования собственной деятельности, а не пассивными реципиентами внешних предписаний [2].

Вместе с тем, результаты мастер-класса «повышение психологической устойчивости у стрелков-винтовочников» следует интерпретировать с учётом ряда ограничений. Во-первых, одноразовый характер мероприятия не позволяет говорить о сформированной устойчивой мотивационной установке – для закрепления эффектов требуется систематическая работа в рамках регулярного психологического сопровождения тренировочного процесса. Во-вторых, групповая форма проведения, хотя и создавала дополнительный мотивационный фон за счёт элементов соревновательности, ограничивала возможности полной индивидуализации воздействия с учётом типологических особенностей каждого стрелка. В-третьих, оценка эффективности основывалась преимущественно на качественных и субъективных показателях (самоотчёты, наблюдение), что требует в дальнейшем дополнения объективными психофизиологическими измерениями (вариабельность сердечного ритма, кожно-гальваническая реакция, стабилеографические параметры стойки) для верификации полученных данных.

Выводы

Мастер-класс «Повышение психологической устойчивости у стрелков-винтовочников» показал, что повышение уровня мотивации достижения успеха у стрелков-винтовочников достигается не через усиление внешнего давления, а через возвращение спортсмену чувства контроля, чёткое разделение процесса и результата, а также развитие способности переживать напряжение не как угрозу, а как вызов. В результате участники не просто получили новые знания – они прожили опыт успешной саморегуляции, что является самым надёжным фундаментом для устойчивой мотивации в дальнейшей соревновательной карьере.

Список источников

1. Бабушкин, Г.Д., Бабушкин, Е.Г. Формирование спортивной мотивации у занимающихся спортом: учебное пособие для вузов физической культуры. – Омск: Издательство СибГУФК, 2015. – 151 с.
2. Дергачева, О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана <https://psychologos.ru/articles/view/avtonomiya-i-samodeterminaciya-v-psihologii-motivacii-dvoezn--teoriya-e.-desi-i-r.-rayana>

3. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения = The Anatomy of Achievement Motivation: The Anatomy of Achievement Motivation: [Пер. с англ.] / Хайнц Хекхаузен. – Санкт-Петербург: Речь, 2001. – 238 с.

УДК 316.6

ПРАВИЛА КОНСТРУКТИВНОЙ КРИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

ЛАПШИН АРСЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

студент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Научный руководитель: Щелокова Алена Александровна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения»

Аннотация: В статье представлен нестандартный разбор конфликта персонажей классического литературного произведения с моделированием ситуации перефразирования диалога. За основу было взято учение о типах критики: деструктивная и конструктивная.

Ключевые слова: конструктивная критика, деструктивная критика, субъект, персонаж, конфликт.

RUIES OF CONSTRUCTIVE CRITICISM (I. S. TURGENEV «FATHERS AND SONS» AS AN EXAMPLE)

Lapshin Arseniy Evgenievich*Scientific adviser: Schelokova Alena Aleksandrovna*

Abstract: The article presents an unconventional analysis of a conflict between characters in a classic literary work, modeling a situation in which the dialogue is paraphrased. The analysis is based on the theory of criticism types: destructive and constructive.

Key words: constructive criticism, destructive criticism, subject, character, conflict.

Каждый из нас когда-либо сталкивался с тем, что окружающие высказывают свое мнение о нас или о наших поступках, либо делал это самостоятельно. Такое явление называют критикой (от греч. Kritike –суждение) – прямое или косвенное указание на недостатки или ошибки другого человека [1]. Таким образом, мы даем свою оценку действиям другого субъекта. Это коммуникативный инструмент, владение которым является искусством, ведь в современном мире умение указывать на чужие недостатки и принимать свои является ключевым навыком грамотного человека. Люди с древних времен осваивают умение критиковать и считают его ключевым. Древнегреческий философ Аристотель утверждал, что критика является важной частью процесса открытия истины [2].

Существует два проявления критики: конструктивная и деструктивная. Конструктивная критика, как правило, объективна и уважительна, её целью является помощь. Она не может принести моральный вред субъекту, на которого направлена. Такая критика используется как в деловых, так и личных отношениях чтобы указать на недостатки для их исправления.

Деструктивная критика обязательно приводит к ухудшению отношений с человеком, на которого она направлена, так как основана на осуждении. Она не способствует исправлению ошибок, потому что такая критика не аргументирована и её целью является унижение субъекта. Современное, интелли-

гентное общество не одобряет её применение.

Гришина Н.В., профессор СПбГУ, в книге «Психология конфликта», рассматривая конструктивную критику как способ предотвращения конфликтов, выделяет её структуру:

1. Указание на суть недостатков, тормозящих работу.
2. Указание на основного виновника негативного результата.
3. Выявление других людей, причастных к ошибкам.
4. Анализ условий, которые способствовали сбою в работе.
5. Прогнозирование последствий, вытекающих из критикуемого события
6. Предложения о сроках ликвидации недостатков [3].

Основная задача критики, по её мнению, заключается в необходимости коррекции поведения человека. При этом необходимо полностью контролировать своё поведение и действия.

Для того чтобы сформулировать правила конструктивной критики, обратимся к роману И. С. Тургенева «Отцы и дети» [4]. В одном из эпизодов мы можем наблюдать конфликт Николая Петровича Кирсанова и Евгения Базарова.

Павел Петрович Кирсанов защищает аристократизм, либерализм. Он считает, что общество должно держаться на уважении к традициям, авторитетам и выработанным веками нормам.

Базаров яростно отрицает ценность аристократии, выступает за нигилистов. Для него аристократы не приносят обществу пользу, он презирает их.

Рассмотрим проявления деструктивной критики в их диалоге:

Ср.: *«Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – говорил между тем Базаров, – подумай, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны»* (1).

Конфликт начинается с того, что Базаров начинает критиковать принципы аристократизма и либерализма, используя деструктивные способы.

Ср.: *«Однако, позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить»* (2).

Кирсанов вынужден критиковать идеи Базарова в ответ.

Ср.: *«Нет, Вы не русский после всего, что вы сейчас сказали! Я вас за русского признать не могу»* (3).

Эта фраза Кирсанова показывает то, что деструктивная критика, к которой прибегает Базаров, неизбежно задевает чувства оппонента и приводит к обиде.

Сейчас, для того чтобы выявить отличия между конструктивной и деструктивной критикой на практике, используя структуру конструктивной критики Н.В. Гришиной, перефразируем высказывания главных героев:

1) *«Чтобы разобраться в принципах Вашей идеологии, мне придется приложить много сил, так как она несет в себе много терминов, том числе иностранных. Такие идеи, в большей степени, способна понимать лишь образованная часть населения. Если продолжить оперировать данными понятиями, мы потеряем связь с реальностью и отвлечемся от действительно важных проблем. Предлагаю сконцентрировать наши усилия на создании общественных благ для того, чтобы приносить пользу обществу».*

2) *«Евгений Васильевич, Ваш подход, на мой взгляд, излишне негативен так как он построен на полном отрицании существующего общественного строя, при этом Вы не можете предложить альтернативу. Сторонники вашего мнения, обычно, также одержимы критикой. Если мы полностью разрушим существующую модель общества, при этом у нас не будет хотя бы представлений о том, как будет выглядеть новая, это приведет к хаосу, а не прогрессу»* (2).

3) *«Ваша позиция, основанная на отрицании всех предложенных Вам идей, вызывает у меня сомнения насчет воспитанных в вас культурно-исторических ценностей. На Ваш взгляд, не существует ни одной правильной модели общества. Это приводит наш диалог в тупик, так как Ваша критика основана на полном отрицании предложенных идей. Предлагаю вернуться к этому обсуждению, когда Вы сможете предложить мне свои пути развития страны в ответ»* (3).

После того, как диалог двух персонажей был перефразирован, можно сделать вывод о том, что

использование конструктивной критики не привело к ссоре оппонентов. Их диалог будет продолжен, когда Евгений Базаров учтет свои ошибки, сформулирует идеи развития страны и обсудит их с Кирсановым вновь.

Исходя из этого, можно сформулировать правила конструктивной критики:

1. Вместо осуждения мнения оппонента следует проанализировать его точку зрения, похвалить и объективно указать на некоторые недостатки.
2. Следует объяснить к чему приведет проблема если не принять меры.
3. Предложить свои варианты решения проблемы.
4. После того, как ошибки будут исправлены, обсудить причины возникновения проблемы еще раз.

В ходе работы были сформулированы правила конструктивной критики, которая является основой коммуникации в современном обществе, соблюдение этих правил поможет объективно указывать на недостатки чего-либо и способствовать их исправлению. Такой подход, в отличие от инструментов деструктивной критики, не приводит к конфликтам, а скорее нивелирует их в будущем и, соответственно, улучшает отношения между субъектами.

Список источников

1. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под ред. А. Бодалева. – М.: Когито-центр. – 2011[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http:// psychology_pedagogy.academic.ru/8672](http://psychology_pedagogy.academic.ru/8672) (02.07.2026)
2. Аристотель Сочинения : в 4 т. / Аристотель. Т. 4 / [ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Биbihина и др.]. — Москва : Мысль, 1975.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер. – 2008. – 544 с.
4. Тургенев И. С. Отцы и дети. – М.:ДА!Медиа. – 2014. – 154 с.

УДК 159.9

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ ВЫБОРЕ ИЗ ОТВЕРСТИЙ РАЗНОГО ДИАМЕТРА У ГЕККОНОВ *HEMIDACTYLUS TRIEDRUS*

ГЕНЕРАЛОВ МАКСИМ ВАСИЛЬЕВИЧ,

аспирант

КУЛИКОВА ВЕРОНИКА ВЛАДИМИРОВНА

студент

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Научный руководитель: Хватов Иван Александрович*кандидат психологических наук,**заведующий Научно-образовательным центром биопсихологических исследований,**заведующий кафедрой общей психологии***Самулеева Мария Владимировна,***кандидат биологических наук, доцент кафедры системной нейробиологии**НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»*

Аннотация: В данной работе мы провели первичную адаптацию задачи типа «Тело как препятствие» для гекконов *Hemidactylus triedrus* для изучения учета гекконами пространственных характеристик отверстия при переходе в комфортную зону. Совпадение первого подхода и последующего проникновения может указывать на принятие решения до непосредственного контакта с отверстием. У части особей было выявлено предпочтение больших отверстий, что демонстрирует индивидуальные различия в рамках выборки. Полученные результаты указывают на перспективность дальнейшего применения данной методики в изучении телесно-пространственной регуляции поведения у рептилий и открывает перспективы для дальнейших исследований когнитивных способностей данного вида.

Ключевые слова: Сравнительная психология; телесно-пространственная регуляция поведения; рептилии; гекконы *Hemidactylus triedrus*.

INDIVIDUAL DIFFERENCES IN THE CHOICE OF HOLES OF DIFFERENT DIAMETERS IN *HEMIDACTYLUS TRIEDRUS* GECKOS

**Generalov Maxim Vasilyevich,
Kulikova Veronika Vladimirovna***Scientific adviser: Khvatov Ivan Alexandrovich,
Samuleeva Maria Vladimirovna*

Abstract: In this study, we carried out an initial adaptation of the "body-as-an-obstacle" task for *Hemidactylus triedrus* geckos to investigate how they account for the spatial characteristics of an aperture when moving into a comfort zone. The coincidence of the initial approach and the subsequent penetration may lead to decisions being made prior to direct contact with the opening. A preference for larger openings was observed in some individuals, demonstrating individual differences within the sample. The results indicate the potential for the

further application of this methodology in studying bodily-spatial regulation of behavior in reptiles and open up prospects for further research into the cognitive abilities of this species.

Keywords: Comparative psychology; bodily-spatial regulation of behavior; reptiles; *Hemidactylus triedrus* geckos.

В современной сравнительной психологии остро стоит вопрос измерения когнитивных способностей тех или иных видов животных, а также их представлений о самих себе. При решении данного вопроса исследователи часто сталкиваются с различными концептуальными ограничениями – от методологических до терминологических. Одним из выходов из данной ситуации является эмпирическое изучение телесно-пространственной регуляции поведения животного для рассмотрения возможных посылок учета животным границ собственного тела. [1] Для исследования данного вопроса часто применяются задачи типа «Тело как препятствие». Их суть заключается в создании условий, при которых для успешного выполнения задачи животному необходимо тем или иным образом учитывать физические характеристики собственного тела. Один из видов таких задач – эксперимент на выбор отверстия. В этом эксперименте животное в экспериментальной установке на протяжении определенного количества проб выбирает одно из трех отверстий различного размера и формы и пытается в него проникнуть. [2, 3, 4, 5] Первым этапом данного исследования выступает эксперимент, определяющий наличие у животных предпочтения отверстий того или иного размера. В рамках нашей работы мы адаптировали данную методику к гекконам вида *Hemidactylus triedrus*.

В естественных условиях обитания представители данного вида часто укрываются в таких природных убежищах как термитники, трещины в скалах, норы грызунов, а также под валунами и корой деревьев. [6] Это позволяет предполагать, что экспериментальная задача проникновения через отверстия различных диаметров будет соответствовать экологии поведения данного вида.

Еще одной значимой особенностью данного вида является ночной образ жизни. [6] С учетом данного обстоятельства, мы сместили суточные циркадные ритмы участвующих в эксперименте животных таким образом, чтобы период их активности совпадал с экспериментальными пробами. Период активности гекконов начинался с 10:00 и заканчивался в 22:00. Инвертирование циркадных ритмов производилось за счет лампы на механическом таймере. Температура воздуха в помещении не превышала 26 °С. Также, участвовавшие в исследовании гекконы были предварительно подвергнуты процедуре хэндлинга, то есть были приучены к нахождению на руках у экспериментатора для снижения шанса оказать на животное непреднамеренное стрессовое воздействие в ходе экспериментальных проб.

Выборка: В исследовании приняли участие 6 гекконов вида *Hemidactylus triedrus* (4 самки и 2 самца) возрастом приблизительно 2,5 года. Вес геккона на момент начала исследований составлял 4–9 г. Животные были выращены в лаборатории (Геккобаза, Московская гимназия на юго-западе номер 1543) и являются представителями одной генетической линии.

Экспериментальная установка: Представляла собой прямоугольный пластиковый контейнер размером 505 мм в длину, 395 мм в ширину и 175 мм в высоту. Установка состояла из прямоугольной арены, разделенной перегородкой на два равных по размеру отсека. В перегородке располагались три круглых проема, внутрь которых на время проб вставлялись проницаемые пластиковые тубусы разного диаметра, что позволяло чередовать отверстия различных размеров в зависимости от пробы. Финишный отсек был более предпочтителен для геккона из-за разницы температуры и освещения (рис. 1).

Методика: Исследование проводилось индивидуально. Геккона переносили в стартовую зону экспериментальной установки, где перед ним в перегородке было открыто два малых отверстия с диаметрами по 14 мм, и одно большое – с диаметром 22 мм. Взаимное расположение отверстий для проникновения в каждой пробе менялось квазислучайным образом. Зона старта эксперимента являлась зоной повышенного дискомфорта для геккона, освещение и температура в этой зоне соответствовали условиям, в которых гекконы склонны искать укрытие – над установкой светил яркий свет, а температура пола соответствовала 25 °С. При прохождении через перегородку сквозь отверстие геккон попа-

дал из менее комфортных условий в более комфортные – в зоне финиша в соответствии с естественными условиями обитания гекконов было темно, а температура поддерживалась на уровне 35 °С. Также, при пересечении перегородки через отверстие, каждый геккон получал кормовой объект (личинку мучного хрущака) в качестве пищевого подкрепления. Основным показателем предпочтения определенных отверстий служил анализ частоты пересечений отверстий определенных размеров (больших либо маленьких). Регистрировался размер и положение отверстий, к которым геккон подходил и в которые он проникал. Успешной считалась проба, в рамках которой геккон проникал в одно из отверстий и пересекал перегородку. Продолжительность одной пробы не превышала 15-20 минут, с каждым гекконом проводилось не более одной пробы подряд и не более четырех проб в день. С каждым гекконом было проведено от 5 до 36 проб, закончившихся проникновением геккона через отверстие. Все пробы фиксировались на видеозапись и повторно отсматривались.

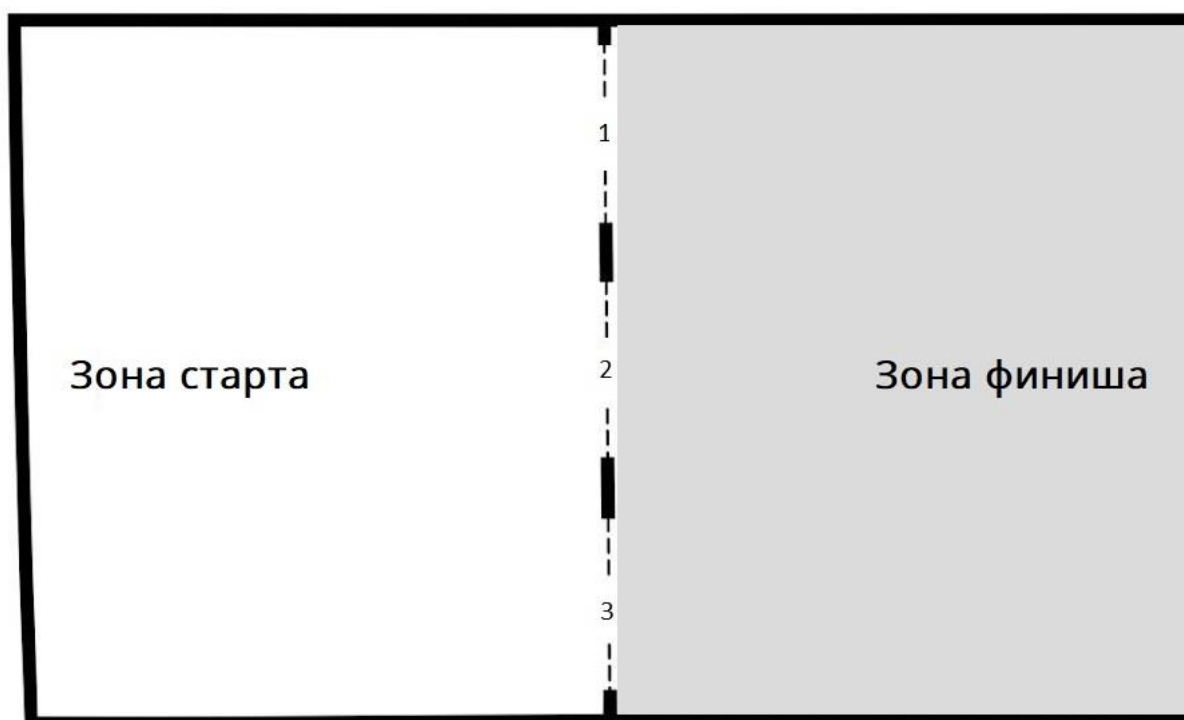

Рис. 1. Схема экспериментальной установки

Обработка данных: Статистическая обработка данных проводилась в программе jamovi. Предпочтения по размеру отверстий оценивались с помощью биномиального теста. Предпочтения по положению отверстий оценивались с помощью критерия соответствия χ^2 . Для оценки связи между выбором отверстия для подхода и проникновения использовался биномиальный тест со случайным уровнем (33,3%). Уровень статистической значимости был принят равным $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение: У части особей частота выбора большого отверстия значимо превышала случайный уровень 1/3 - Особь №1 (10 проб, 90%, $p < 0.001$), Особь №7 (24 пробы, 58%, $p = 0,01$), Особь №9 (9 проб, 66%, $p = 0,042$), Особь №15 (16 проб, 75%, $p < 0.001$), Особь №16 (5 проб, 100%, $p < 0.004$). В то же время Особь №14 не продемонстрировала предпочтений отверстий какого-либо размера (36 проб, $p = 0,421$). При этом для особей с малым числом завершённых проб, особенно №9 и №16, интерпретацию нужно оставить крайне осторожной.

Ни у одной особи не было обнаружено предпочтений левого, центрального или правого расположения отверстия - Особь №1 (10 проб, $\chi^2=0.2$, $df=2$, $p=0.905$), Особь №7 (24 пробы, $\chi^2=0.750$, $df=2$, $p=0.687$), Особь №9 (9 проб, $\chi^2=2.00$, $df=2$, $p=0.368$), Особь №14 (36 проб, $\chi^2=2.00$, $df=2$, $p=0.368$), Особь №15 (16 проб, $\chi^2=1.63$, $df=2$, $p=0.444$), Особь №16 (5 проб, $\chi^2=0.4$, $df=2$, $p=0.819$) В данном случае так

же важно отметить, что у отдельных животных этот результат получен на малом числе завершенных проб и требует осторожной интерпретации.

Также результаты показывают, что при анализе по пробам первый подход в 97% случаев совпадал с последующим проникновением (97%, $p < .001$). Из ста проведенных проб – лишь в трех геккон проникал не через то отверстие, к которому подходил изначально.

В данной работе была проведена первичная адаптация задачи выбора отверстия для оценки того, как гекконы *Hemidactylus triedrus* используют пространственные характеристики прохода при переходе в более комфортную зону. Полученные данные показывают, что у части особей наблюдалось предпочтение отверстия большего диаметра, тогда как выраженных предпочтений по положению отверстия выявлено не было. В большинстве завершенных проб животные проникали в то отверстие, к которому подходили первым, что может указывать на принятие решения до непосредственного контакта с отверстием. В связи с малым числом животных, неодинаковым числом завершенных проб у разных особей и предварительным характером статистического анализа результаты следует рассматривать как пилотные и требующие дальнейшей проверки на расширенной выборке

Список источников

1. Khvatov I. A. (2026) The modal-modular model of animal self-representation: a comparative and operational framework. *Front. Psychol.* 17:1885694. doi: 10.3389/fpsyg.2026.1885694.
2. Lenkei, R., Faragó, T., Kovács, D., Zsilák, B., & Pongrácz, P. (2020). That dog won't fit: body size awareness in dogs. *Animal Cognition*, 23, 337–350. doi:10.1007/s10071-019-01337-3
3. Schiffner, I., Vo, H. D., Bhagavatula, P. S., & Srinivasan, M. V. (2014). Minding the gap: in flight body awareness in birds. *Frontiers in Zoology*, 11, 64. doi:10.1186/s12983-014-0064-y
4. Khvatov, I. A., Smirnova, A. A., Samuleeva, M. V., Ershov, E. V., Buinitskaya, S. D., & Kharitonov, A. N. (2021). Hooded crows (*Corvus cornix*) may be aware of their own body size. *Frontiers in Psychology*, 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.769397.
5. Khvatov, I. A., Ganza, P. N., Kharitonov, A. N., and Samuleeva, M. V. (2024). Wistar male rats (*Rattus norvegicus domestica*) are aware of their dimensions. *Animals* 14:3384. doi: 10.3390/ani14233384
6. Mirza Z. A., Gowande G. G., Patil R., Ambekar M., Patel H. (2018.) First appearance deceives many: disentangling the *Hemidactylus triedrus* species complex using an integrated approach. *PeerJ* 6:e5341. doi:10.7717/peerj.5341

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

НЕЙРОСЕТЕВОЙ "СЛОП" КАК ФАКТОР ЭРОЗИИ ДОВЕРИЯ: ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

РУБАН ПОЛИНА ДМИТРИЕВНА

Бакалавр

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: статья посвящена снижению пользовательского доверия к искусственному интеллекту под воздействием низкокачественного контента («нейросетевого слопа»). Анализируются семантические девиации больших языковых моделей как источник эрозии доверия. Эмпирическую базу составляют исследования 2025-2026 г., фиксирующие распространение ИИ-контента в образовательных видео, рекомендательных системах и его связь с когнитивным отвращением. Выявлен «парадокс доверия»: высокая начальная вера в ИИ снижает критичность проверки. Предлагаются критерии оценки достоверности нейросетевого контента и стратегии верификации для минимизации рисков.

Ключевые слова: Нейросетевой "слоп"/ AI slop, генеративный ИИ, доверие к искусственному интеллекту, большие языковые модели/ LLM, пользовательский опыт

NEURAL NETWORK "SLOP" AS A FACTOR OF TRUST EROSION: THE IMPACT OF SEMANTIC DEVIATIONS OF LARGE LANGUAGE MODELS ON USER EXPERIENCE

Ruban Polina Dmitrievna

Abstract: this article examines the decline in user trust in artificial intelligence driven by low-quality content ("neural network slop"). It analyzes the semantic deviations of large language models as a source of trust erosion. The empirical basis comprises studies from 2025–2026 documenting the proliferation of AI-generated content in educational videos and recommendation systems, as well as its link to cognitive aversion. A "trust paradox" is identified: high initial confidence in AI reduces the critical scrutiny applied during verification. The article proposes criteria for assessing the reliability of neural network-generated content and outlines verification strategies to minimize associated risks.

Key words: Neural network "slop"/ AI slop, generative AI, trust in artificial intelligence, large language models/ LLM, user experience.

Актуальность: системы искусственного интеллекта стали неотъемлемой частью повседневной коммуникации, однако рост объёмов синтезированного контента выделил системную проблему: большие языковые модели (LLM) продуцируют не только достоверные ответы, но и семантически искажённые высказывания — «нейросетевой слоп» (AI slop). Масштаб феномена подтверждают эмпирические данные: 21% рекомендаций YouTube для новых пользователей — ИИ-контент с миллиардами просмотров, «слоп» распространён в образовательных биомедицинских видео, его архитектура вызывает когнитивное отвращение. Не смотря на то, что были разработаны алгоритмы обнаружения «слопа» - их внедрение остается ограниченным. Также существует парадокс: рост «слопа» совпадает с повышением

доверия к ИИ в одних сферах и его падением в других.

Объект исследования: пользовательский опыт взаимодействия с ИИ-контентом.

Предмет исследования: влияние семантических девиаций на уровень доверия к ИИ.

Цель: выявить механизмы влияния семантических девиаций на эрозию доверия и предложить критерии верификации контента.

Гипотеза: семантические девиации, генерируемые большими LLM и квалифицируемые как «нейросетевой слоп», являются системным фактором эрозии ситуативного и институционального доверия пользователей, при этом действие данного фактора опосредовано механизмами когнитивного отвращения и «парадокса доверия».

Исследование основано на вторичном анализе данных зарубежных и отечественных работ (2025–2026 г.) посвящённых феномену «нейросетевого слопа» и доверию к ИИ.

Теоретическая основа: актуальные исследования AI-Generated “Slop”, Google Research, Kapwing, Gartner, The Generative Architecture of AI-Generated Video Slop and Cognitive Disgust и др. (2025-2026)

Методологическая основа: контент-анализ, корреляционный анализ (выявление связи между частотой ошибок генерации (семантических девиаций) и уровня субъективного доверия), качественный анализ семантических девиаций (на примерах культурных искажений и экстраполяционных артефактов).

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Нейросетевой слоп (AI slop) — низкокачественный, статистически аномальный контент, генерируемый большими языковыми моделями (LLM), характеризующийся семантической пустотой, шаблонностью, фактическими ошибками и отсутствием глубины проработки темы [1]. Термин вошёл в оборот в 2022–2024 гг. по аналогии со «спамом», отражая сдвиг восприятия ИИ от восхищения к разочарованию в результатах массовой генерации [4]. Однако, в отличие от «спама», «слоп» является побочным продуктом архитектурных ограничений LLM, а не злонамеренной деятельности.

Признаки слопа: статистические аномалии речевой продукции; фактическая недостоверность; отсутствие глубины; когнитивный эффект (ощущение пустоты или отвращения у реципиента) [1, 4].

Семантическая девиация — отклонение от нормативного значения высказывания, приводящее к смысловым искажениям. В контексте LLM — генерация грамматически правильных, но семантически пустых или ложных высказываний.

Типология семантических девиаций:

Экстраполяционные артефакты: при выходе за пределы обучающей выборки модель экстраполирует на основе далёких аналогий, порождая утверждения без референта в реальности, выдуманные цитаты и несуществующие источники.

Репрезентативные искажения: дисбаланс обучающих данных (преобладание англоязычных западных корпусов) порождает англоцентрический семантический акцент: подмена культурно-специфической лексики общими эквивалентами, игнорирование локальных реалий.

Статистические аномалии: LLM генерируют текст с более плоским семантическим пространством, чем естественный язык: высокочастотные слова менее многозначны, низкочастотные — менее специфичны. У моделей малого размера возможен катастрофический семантический коллапс — обеднение семантики до нулевой вариативности.

Когнитивное отвращение: экспериментально установлено [4]: видеослоп вызывает негативную эмоциональную реакцию в течение 3–5 секунд, активирующую механизмы, сходные с реакцией на физическое отвращение. Это предиктор снижения доверия к ИИ-системам в целом.

Институциональное и ситуативное доверие:

Институциональное доверие — обобщённое отношение к ИИ как классу;

Ситуативное доверие — конкретная оценка надёжности в данном контексте.

Разрыв между уровнями создаёт пространство для распространения слюпа: высокое институциональное доверие удерживает пользователя в экосистеме ИИ, низкое ситуативное заставляет перепроверять каждый ответ [13].

Парадокс доверия: чем выше изначальное доверие к ИИ, тем реже пользователь проверяет факты и тем охотнее распространяет ошибочный контент [8].

Механизм: активация эвристики авторитета подавляет систематическую обработку информации. В контексте слюпа это создаёт положительную обратную связь — доверчивые пользователи становятся неосознанными распространителями семантических девиаций.

Уровни взаимодействие пользователя с LLM:

Уровень восприятия: модель генерирует контент с семантическими девиациями. Явные девиации активируют когнитивный диссонанс; неявные — когнитивное отвращение [4]

Уровень когнитивной обработки: при высоком институциональном доверии активируется эвристика авторитета, критичность снижается, девиация не замечается или рационализируется. При низком доверии или высокой цифровой грамотности активируется эвристика проверки.

Уровень поведенческого результата: без верификации — ретрансляция слюпа (парадокс доверия); с верификацией и обнаружением ошибки — снижение ситуативного доверия; при накоплении негативного опыта — снижение институционального доверия (эффект генерализации).

2. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Масштаб распространения «нейрослюпа»:

Эмпирические данные свидетельствуют о системном характере феномена распространения «нейрослюпа». Было установлено, что значительная доля образовательных биомедицинских видео на YouTube содержит ИИ-контент, что коррелирует со снижением доверия студентов к научным источникам [1]. Авторы исследования отмечают, что студенты перестают доверять не только конкретным видео, но и образовательным платформам в целом, экстраполируя негативный опыт на всю цифровую образовательную среду.

Исследование Karwing показали, что 21% видео, рекомендуемых новым пользователям YouTube, являются ИИ-слюпом. Топовые каналы в этой нише имеют миллиарды просмотров и доходы до \$4,2 млн в год, что создаёт экономический стимул для дальнейшего производства низкокачественного контента [3]. Этот факт превращает «слюп» из технической аномалии в устойчивую рыночную стратегию.

Техническая возможность обнаружения «слюпа» с точностью 94% была продемонстрирована исследованием Google Research, однако их алгоритмы пока не внедрены массово на цифровых платформах. Авторы связывают это с отсутствием регуляторных требований и экономической заинтересованностью платформ в удержании пользовательского внимания любой ценой [2].

Общее доверие и риски:

Исходя из данных опроса 377 потребителей в США, 53% не доверяют результатам AI-поиска, а 41% считают ИИ-сводки более раздражающими, чем обычный поиск [5].

Данные опроса 1200 руководителей в США, Сингапуре и Европе демонстрируют, что 20–25% жалуются на «галлюцинации ИИ», а 22–26% признают наличие «теневого ИИ», когда сотрудники используют нейросети без контроля компании [6].

Анализ восприятия новостей от ИИ выявил высокий уровень медиаграмотности парадоксально повышает доверие к качеству контента, даже если он сгенерирован нейросетью [7].

Семантические девиации и их восприятие:

Качественный анализ выявил типичные примеры девиаций: культурные ошибки, выдуманные источники и цитаты, логически несостоятельные рассуждения.

Было экспериментально установлено, что генеративная архитектура видеослопа вызывает когнитивное отвращение у зрителей в течение 3–5 секунд просмотра, что становится предиктором снижения доверия не только к конкретному видео, но и к ИИ-системам в целом. Этот эффект объясняется несоответствием между ожидаемой семантической глубиной и фактической «пустотой» контента [4]

В анализ моделей Deep Knowledge Tracing показано, что универсальная «кривая забывания» Эббингауза (основа многих ИИ-алгоритмов) не подходит для разных типов памяти и задач обучения [9]. В то же время, новая модель ClusterKT доказывает, что учет связей между темами улучшает предсказание знаний и учет забывания, что важно для качества образовательного ИИ [10]

Динамика доверия в России:

Осведомленность о NLP и речевых технологиях — 53% (выше среднего).

Главная потребность пользователей — практическая польза и интеграция ИИ в знакомые сервисы [11]. В российских редакциях ИИ используют для рутины, а не для творчества. Журналисты уверены: ИИ не заменит человека [15]

Главные барьеры доверия российских пользователей — галлюцинации ии, выдуманная литература и культурная предвзятость (например, образ девиантно не соответствует запросу). Молодежь предпочитает краткие ответы, старшее поколение — развернутые [14]

Психология доверия:

Опрос 544 пользователей выявил «парадокс доверия»: чем сильнее пользователь доверяет ИИ, тем охотнее он дает обратную связь, но тем реже проверяет факты, рискуя распространять ошибки.[8] В контексте «слопа» это говорит о том, что доверчивые пользователи становятся неосознанными распространителями семантических девиаций, увеличивая объем слопа в цифровой среде. Это создаёт положительную обратную связь: чем больше слопа, тем ниже общий уровень доверия, но чем выше индивидуальное доверие, тем больше слопа.

Российские опросы также фиксируют парадоксальную динамику. Доверие к голосовым ассистентам банков выросло до 72%, а 29% респондентов готовы доверить ИИ финансовые стратегии (год назад — 9%). Однако в сферах воспитания, управления страной и принятия жизненных решений доверие не превышает 30% [12, 13]. Это указывает на ситуативную природу доверия: пользователи делегируют ИИ рутинные задачи, но отказывают ему в экзистенциальной компетенции.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Связь между семантическими девиациями и эрозией доверия носит прямой, но нелинейный характер.

Данные показывают, что единичная ошибка генерации не разрушает доверие мгновенно — скорее работает эффект накопления. Чем чаще пользователь сталкивается с семантическими девиациями («слопом»), тем быстрее снижается его субъективная оценка надёжности ИИ-систем. При этом пороговая точка, после которой доверие обрушивается, индивидуальна и зависит от предшествующего опыта, цифровой грамотности и контекста использования.

«Слоп» функционирует как информационный токсин: отдельные эпизоды низкого качества контента могут не вызывать немедленной реакции, но их кумулятивный эффект приводит к генерализации недоверия — пользователь начинает сомневаться во всех ИИ-системах, включая добросовестные. Этот эффект особенно опасен в образовательной среде, где студенты после столкновения со «слопом» теряют доверие не только к ИИ-инструментам, но и к платформам, их размещающим. Также исследование Google Research подтверждают, что технические средства обнаружения «слопа» существуют, но их внедрение блокируется отсутствием регуляторных требований и экономическими стимулами платформ.

Ограничения исследования: основной массив эмпирических данных представлен зарубежными источниками, преимущественно анализирующими YouTube и западные цифровые платформы. Это

ограничивает применимость выводов к российскому контексту, где структура рекомендательных систем, языковые особенности и культурные паттерны потребления контента могут модифицировать механизмы восприятия «слопа». Кроме того, в России отсутствуют экспериментальные исследования, которые измеряли бы физиологические и когнитивные реакции на семантические девиации с учётом культурной специфики. Также следует отметить, что большинство использованных источников не предоставляют открытого доступа к первичным данным, что ограничивает возможность независимой верификации результатов.

Сравнение данными в России: российские пользователи демонстрируют ситуативное доверие: они готовы делегировать ИИ рутинные задачи (финансовые операции, конспектирование, анализ данных), но категорически не доверяют в экзистенциальных сферах — воспитании детей, управлении страной, принятии жизненных решений. Это можно интерпретировать как защитный механизм: пользователи интуитивно ограничивают зону ответственности ИИ, минимизируя потенциальный ущерб от «слопа» в важных сферах. Однако парадокс заключается в том, что в рутинных задачах, где доверие выше, риск неосознанного распространения «слопа» также выше — пользователи реже проверяют факты, полагаясь на кажущуюся надёжность ИИ.

ВЫВОД И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Главный вывод исследования — «нейросетевой слоп» представляет собой не технический сбой или побочный эффект развития технологий, а системный фактор эрозии доверия к ИИ-системам. Семантические девиации, продуцируемые LLM, через механизмы когнитивного диссонанса и когнитивного отворачивания формируют устойчивое негативное восприятие ИИ, которое генерализуется на все системы данного класса. При этом парадокс доверия создаёт самоподдерживающийся цикл: чем выше доверие, тем меньше проверка, тем больше распространение «слопа», тем ниже общее доверие к ИИ. Это требует системного ответа — не только технического, но и культурно-институционального.

Практические рекомендации:

Критерии оценки достоверности:

- Семантическая связность. Проверяется логика изложения: переходят ли абзацы друг в друга, нет ли внутренних противоречий.
- Глубина проработки. Оценивается наличие деталей, примеров, нюансов.
- Референциальность. Проверяется наличие ссылок на источники, цитат, имён исследователей.
- Культурная релевантность. Оценивается соответствие контента культурному контексту пользователя.
- Статистическая нормальность. Проверяется отсутствие неестественной шаблонности.
- Авторство и платформа. Оценивается, указан ли конкретный автор или ответ дан безлично, есть ли маркировка «сгенерировано ИИ», размещён ли контент на доверенной платформе или на малоизвестных агрегаторах.

Стратегии верификации для пользователей:

1. Стратегия «Трёх источников»: пользователю не рекомендуется доверять ответу, пока ключевой факт не подтверждён тремя независимыми источниками. Алгоритм: берётся ключевое утверждение из ответа ИИ, проверяется в поисковике, находятся 2–3 других источника (предпочтительно человеческие тексты или официальные документы). Если хотя бы два источника не совпадают с ответом ИИ — контент недостоверен.

2. Стратегия «Перекрёстного допроса». Пользователь задаёт ИИ уточняющие вопросы по тем же фактам, но в разных формулировках. Если модели противоречат друг другу в деталях или дают разные числовые значения — это признак экстраполяционного артефакта.

3. Стратегия «Семантического сканирования». Чтение текста с установкой на поиск «пустых» маркеров: избыток модальных глаголов (может быть, вероятно, следует), отсутствие числовых данных там, где они должны быть, обобщения без исключений («все учёные считают»). Если текст на 80% состоит из таких маркеров — это «слоп», даже если грамматически он безупречен.

4. Стратегия «Отложенной проверки». Пользователю рекомендуется не принимать решение о достоверности сразу, а сохранить ответ и вернуться к нему через 30–60 минут.

5. Разработка и внедрение чек-листов по верификации нейросетевого контента, включающих проверку источников, перекрёстную сверку фактов с несколькими независимыми источниками и критическую оценку семантической связности ответа.

Стратегии для платформ и регуляторов:

1. Стратегия маркировка ИИ-контента. Введение обязательного указания, что текст или видео сгенерированы ИИ, с указанием конкретной модели и версии.

2. Стратегия понижение веса в рекомендациях. Снижение рейтинга ИИ-контента в рекомендательных системах на основе алгоритмов масштабируемого обнаружения «слопа»

3. Краудсорсинговый фильтр. Внедрение механизма, позволяющего пользователям отмечать контент как «подозрительный на слоп» с последующей модерацией, что создаёт коллективный иммунитет к низкокачественному контенту.

4. Внедрение стандартов качества. Введение требований к минимальной плотности фактов в единицу текста (например, не менее трёх проверяемых утверждений на 1000 знаков), что делает производство «слопа» экономически нецелесообразным.

5. Разработка национального датасета семантических девиаций с учётом культурного и языкового контекста, проведение экспериментальных исследований когнитивных реакций на «слоп» на отечественных выборках, а также выработка стандартов качества ИИ-контента, аналогичных стандартам качества журналистских или научных публикаций.

Список источников

1. Jones E. M., Newman J. D., Kim B., Fogle E. J. AI-Generated “Slop” in Online Biomedical Science Educational Videos: Mixed Methods Study of Prevalence, Characteristics, and Hazards to Learners and Teachers // JMIR Medical Education. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12634010/> (10.06.2026)

2. Orten B., Liu C., Tan K., Liu, Y. Scalable Detection of Adversarial Synthetic Slop and Coordinated Media Abuse: A LoRA-Enabled Multimodal Defense System // Google Research – 2026.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://research.google/pubs/scalable-detection-of-adversarial-synthetic-slop-and-coordinated-media-abuse-a-lora-enabled-multimodal-defense-system/> (10.06.2026)

3. Curtis L. AI Slop Report: The Global Rise of Low-Quality AI Videos // Kapwing – 2025.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kapwing.com/blog/ai-slop-report-the-global-rise-of-low-quality-ai-videos/> (10.06.2026)

4. Gartner Survey Finds 53% of Consumers Distrust AI-Powered Search Results [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2025-09-03-gartner-survey-finds-53-percent-of-consumers-distrust-ai-powered-search-results0?trk=article-ssr-frontend-pulse_little-text-block (10.06.2026)

5. ABBYY Survey Reveals Confessions with Generative AI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.abbyy.com/company/news/genai-challenges-survey-2025-us/> (10.06.2026)

6. When the AI author is not disclosed: how cognitive dispositions affect audience perceptions of AI-generated news across topics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44382-026-00023-6> (10.06.2026)

7. Hu P., Cao C., Li D. Providing feedback without verification: A hidden risk of trust in generative AI // Technology in Society – 2026.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X26001594> (10.06.2026)

8. Sha A., Gu Z., Nunes B. P. Is there a better way to forget? Modelling memory decay in deep knowledge tracing // Knowledge-Based System. – 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0950705125019227> (10.06.2026)

9. Cluster-driven knowledge tracing: : Joint learning-forgetting effects modeling via state dependency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://dlnext.acm.org/doi/10.1016/j.eswa.2025.128619?__cf_chl_f_tk=rNaUZxifWRFcfHy9qAJ01YJqZ91K0d72dkDBRvC38Q-1783169590-1.0.1.1-eOchi82OIMjc716sWg8O0EJe5eCMZi3v.KjRZigsB7k (10.06.2026)

10. «Яков и Партнёры» & Яндекс (2025): главная потребность пользователей — практическая польза и интеграция ИИ в знакомые сервисы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://yakovpartners.com/upload/iblock/83b/4ak0lf4wrvp7luwohy7d761na5387d4j/Artificial-Intelligence-in-Russia.pdf#11#1> (10.06.2026)

11. «Выбери.ру»: доверие к нейросетям в сфере финансовых услуг быстро растет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.osp.ru/articles/2025/0827/13059863> (10.06.2026)

12. Content AI на ЦИПР 2026: россияне готовы доверить ИИ работу, но не судьбу своих детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=196291> (10.06.2026)

13. Соколов, А. В. Ответы нейросетей на запросы пользователей: интерпретации и особенности восприятия / А. В. Соколов, Р. В. Габайдулин, Н. А. Сухонина // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 100-111. – DOI 10.17072/2218-1067-2025-1-100-111. – EDN RAKOIB..

14. Зуйкина К. Л., Разумова Д. В., Технологии искусственного интеллекта в работе российских СМИ: инструменты, проблемы и угрозы // Вестник Московского университета. – 2025. – №10. – С 79-103.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

ТРАНСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИКИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЛОГИСТИКИ И ГЕОПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ

ЧУХАНЦЕВА ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНАБакалавр международных отношений
Уральский гуманитарный институт

Аннотация: В статье рассматривается транспортный потенциал Арктики как один из ключевых факторов трансформации мировой логистики и роста геополитического значения региона в XXI веке. Проанализированы основные арктические морские маршруты — Северный морской путь, Северо-Западный проход и перспективный трансарктический (полярный) морской путь, их современное состояние, преимущества, ограничения и перспективы развития. Рассмотрены основные направления государственной политики России по развитию Северного морского пути, позиция Канады и США в отношении статуса Северо-Западного прохода, а также интересы Китая и других государств в освоении арктических транспортных маршрутов. Сделан вывод, что развитие арктических морских коммуникаций становится одним из важнейших факторов изменения мировой транспортной системы, усиливая экономическое и стратегическое значение Арктики в современных международных отношениях.

Ключевые слова: Арктика, транспортный потенциал, Северный морской путь, Северо-Западный проход, трансарктический морской путь, полярный морской путь, международная логистика, изменение климата, геополитика Арктики.

THE TRANSPORT POTENTIAL OF THE ARCTIC AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF GLOBAL LOGISTICS AND GEOPOLITICS IN THE 21ST CENTURY

Chukhantseva Polina Vladimirovna

Abstract: The article examines the transport potential of the Arctic as one of the key factors driving the transformation of global logistics and the growing geopolitical significance of the region in the 21st century. It analyzes the main Arctic maritime routes—the Northern Sea Route, the Northwest Passage, and the prospective Transarctic (Polar) Sea Route—along with their current status, advantages, limitations, and development prospects. The study reviews the key directions of Russia's state policy regarding the development of the Northern Sea Route, the positions of Canada and the United States on the status of the Northwest Passage, as well as the interests of China and other states in the development of Arctic transport corridors. The article concludes that the advancement of Arctic maritime communications is becoming one of the most significant factors reshaping the global transportation system, thereby enhancing the economic and strategic importance of the Arctic in contemporary international relations.

Keywords: Arctic, transport potential, Northern Sea Route, Northwest Passage, Transarctic Sea Route, Polar Sea Route, international logistics, climate change, Arctic geopolitics.

Одним из наиболее значимых факторов возрастания геополитической роли Арктики в XXI веке стало развитие ее транспортного потенциала. На протяжении многих десятилетий суровые климатические условия, многолетний ледовый покров и отсутствие необходимой инфраструктуры существенно ограничивали использование Северного Ледовитого океана в качестве международной транспортной артерии. Однако ускоряющееся изменение климата и сокращение площади морских льдов постепенно создают предпосылки для формирования новых морских маршрутов, способных изменить мировую систему морских перевозок. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), средняя площадь морского льда в Арктике в сентябре сократилась с 6,23 млн км² в 1979–1988 гг. до 3,76 млн км² в 2010–2019 гг., что соответствует уменьшению примерно на 40 %. [1, с. 342] Эти процессы повышают доступность северных морских путей и значительно расширяют возможности их хозяйственного использования.

Развитие арктических транспортных маршрутов представляет интерес не только для прибрежных государств, но и для крупнейших мировых торговых держав. На сегодняшний день большая часть мировой торговли осуществляется морским транспортом, при этом основная часть грузов между Европой и Азией проходит через Суэцкий канал. Несмотря на высокую эффективность данного маршрута, он обладает рядом существенных недостатков: высокой загруженностью, рисками пиратства в отдельных районах, зависимостью от политической стабильности Ближнего Востока, а также уязвимостью перед чрезвычайными ситуациями. Инцидент с контейнеровозом *Ever Given* в 2021 году, который на шесть дней полностью заблокировал Суэцкий канал и привел к многомиллиардным экономическим потерям мировой торговли, продемонстрировал необходимость диверсификации глобальных транспортных маршрутов. [2]

Наряду с Суэцким каналом важнейшим звеном мировой морской торговли остается Малаккский пролив, соединяющий Индийский и Тихий океаны и обеспечивающий кратчайший морской путь между Европой, Ближним Востоком и странами Восточной Азии. Через него проходит значительная часть мирового контейнерного грузооборота, а также крупные объемы поставок нефти и сжиженного природного газа, прежде всего в Китай, Японию и Республику Корея. Вместе с тем высокая интенсивность судоходства делает Малаккский пролив уязвимым для ряда рисков. Ограниченная пропускная способность, узкие и мелководные участки повышают вероятность заторов и аварий, а сохраняющиеся случаи пиратства и вооруженных нападений на суда, несмотря на совместное патрулирование Индонезии, Малайзии и Сингапура, продолжают создавать угрозы безопасности международного судоходства.

Кроме того, пролив представляет собой один из ключевых «узких проходов» мировой торговли. Любые аварии, природные катаклизмы или политические кризисы способны привести к серьезным перебоям в глобальных цепочках поставок. Особенно чувствительной данная зависимость является для Китая, значительная часть импорта энергоресурсов которого проходит именно через Малаккский пролив. [3] В китайской стратегической литературе данная проблема получила название «Малаккская дилемма» и рассматривается как один из факторов, стимулирующих поиск альтернативных транспортных маршрутов, включая развитие Северного морского пути и других арктических морских коммуникаций.

На этом фоне Арктика рассматривается как потенциальная альтернатива традиционным морским коммуникациям. Использование северных маршрутов позволяет существенно сократить расстояние между европейскими и азиатскими портами. Например, путь между Роттердамом и Шанхаем через Северный морской путь составляет около 13 тыс. км против примерно 20–21 тыс. км через Суэцкий канал, что позволяет уменьшить расстояние почти на 35–40 %. [4] В результате сокращается продолжительность рейса на 10–15 суток, уменьшается расход топлива, снижаются эксплуатационные расходы судоходных компаний и выбросы парниковых газов. Именно поэтому транспортный потенциал Арктики рассматривается как один из важнейших факторов трансформации мировой логистики.

В настоящее время выделяют три основных арктических морских маршрута: Северный морской путь, Северо-Западный проход и перспективный трансарктический (полярный) морской путь. Несмотря на различную степень освоенности, каждый из них способен в будущем занять собственную нишу в мировой транспортной системе.

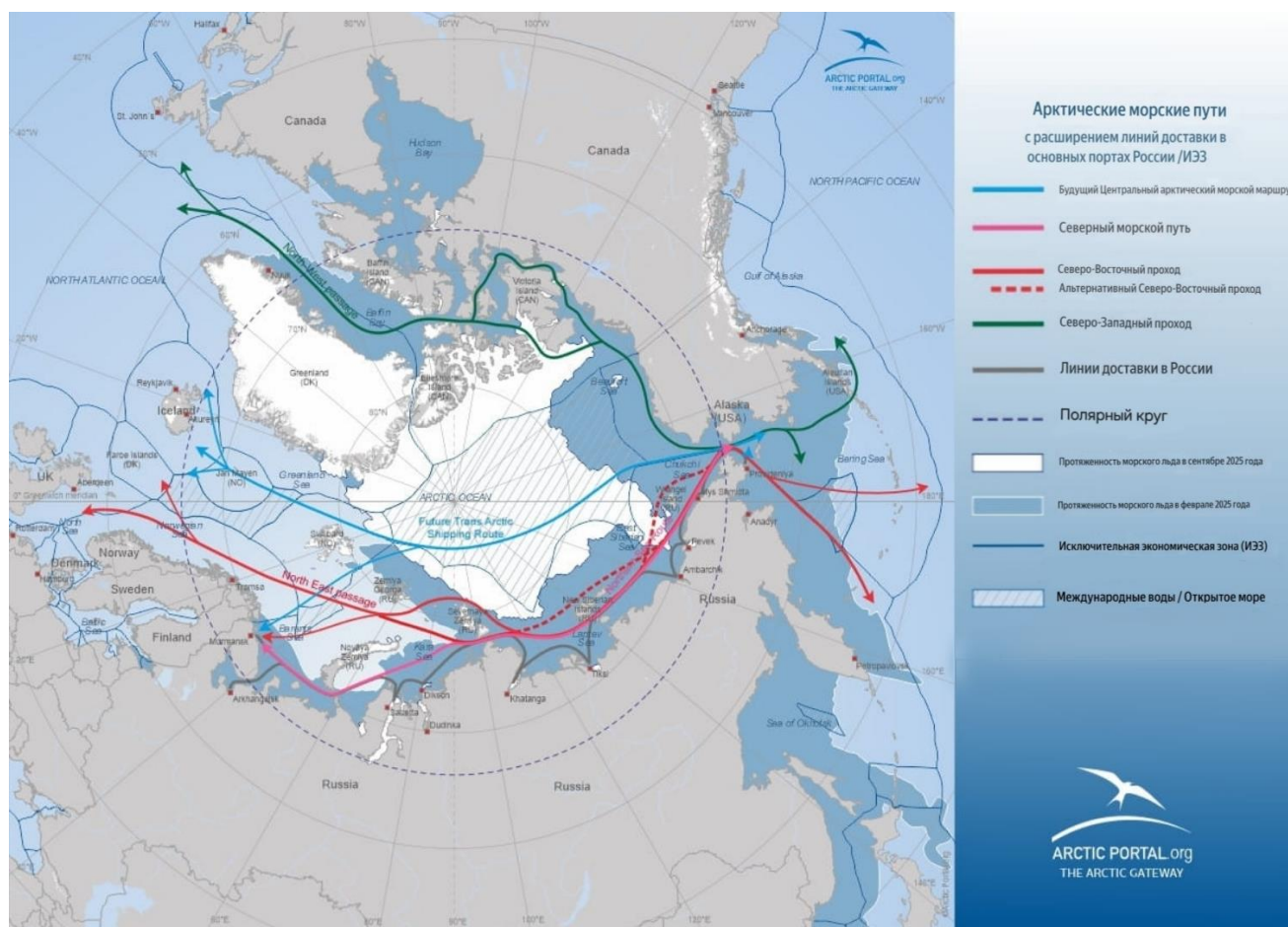

Рис. 1. Арктические морские маршруты

Северный морской путь

Наиболее развитым и экономически значимым маршрутом является Северный морской путь (СМП), проходящий вдоль северного побережья России от пролива Карские Ворота до Берингова пролива через моря Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское. Согласно российскому законодательству, большая часть маршрута проходит через внутренние морские воды, территориальное море и исключительную экономическую зону Российской Федерации. [6] Управление судоходством осуществляет государственная корпорация «Росатом», которая отвечает за организацию ледокольной проводки, обеспечение безопасности навигации и развитие инфраструктуры.

Значение Северного морского пути определяется не только его международным транзитным потенциалом, но и исключительной ролью в развитии российской Арктики. Через СМП осуществляется снабжение удаленных арктических территорий, доставка оборудования для освоения нефтегазовых месторождений, вывоз природных ресурсов и обеспечение деятельности крупных промышленных проектов.

Основную часть грузопотока на сегодняшний день составляют российские экспортные грузы. Наибольшие объемы перевозок приходятся на сжиженный природный газ с проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ», нефть Новопортовского месторождения, газовый конденсат, уголь Таймыра, никель и цветные металлы компании «Норильский никель», строительные материалы и грузы северного завоза. [7] Таким образом, современный Северный морской путь пока выполняет преимущественно функцию национальной транспортной системы России, а не полноценного международного транзитного коридора.

Тем не менее, международный интерес к маршруту постепенно возрастает. Наиболее активным иностранным партнером России выступает Китай, который рассматривает Северный морской путь как составную часть инициативы «Полярный шелковый путь». Китайские судоходные компании, включая COSCO Shipping, начиная с 2013 года регулярно выполняют коммерческие рейсы по Северному мор-

скому пути. [8, с. 14] По данным международных и отраслевых источников, в 2024 году китайская контейнерная линия перевезла чуть более 1, 4 млн тонн грузов, а также около 600 000 тонн нефти, что стало одним из крупнейших показателей среди иностранных участников. Помимо Китая, интерес к использованию маршрута проявляют Республика Корея, Япония, Индия, Сингапур и ряд европейских государств. Особенно важное значение маршрут приобретает для перевозки энергоресурсов в азиатские страны.

Несмотря на очевидные преимущества, развитие Северного морского пути сопровождается рядом серьезных ограничений. Навигация по-прежнему зависит от ледовой обстановки и требует сопровождения атомными ледоколами. В настоящее время безопасное прохождение большинства участков маршрута для обычных судов возможно главным образом в летне-осенний период. В 2010-х годах продолжительность навигационного сезона составляла около трех месяцев, однако современные климатические прогнозы свидетельствуют о постепенном увеличении периода навигации. По различным оценкам, уже к середине XXI века окно навигации может расшириться приблизительно до пяти месяцев в году, а к концу столетия в зависимости от сценариев изменения климата отдельные участки Северного морского пути смогут использоваться до шести месяцев ежегодно. [9, с. 94]

Для реализации данного потенциала Россия активно инвестирует в развитие инфраструктуры маршрута. В последние годы ведется модернизация портов Сабетта, Диксон, Тикси, Певек и Мурманск, создаются современные аварийно-спасательные центры, развивается спутниковая связь, гидрометеорологическое обеспечение и система мониторинга ледовой обстановки. [10, с. 59] Особое внимание уделяется строительству крупнейшего в мире атомного ледокольного флота. В эксплуатацию уже введены ледоколы проекта 22220 («Арктика», «Сибирь», «Урал», «Якутия»), продолжается строительство ледоколов «Чукотка» и «Ленинград», а также сверхмощного ледокола проекта «Лидер», который должен обеспечить круглогодичную навигацию на отдельных участках маршрута. [6] Благодаря масштабному развитию инфраструктуры объем перевозок по акватории Северного морского пути увеличился с 4 млн тонн в 2014 году до более чем 37 млн тонн в последние годы. [11] Российские стратегические документы предусматривают дальнейший рост грузооборота до 150–200 млн тонн в долгосрочной перспективе, прежде всего за счет увеличения экспорта углеводородов.

Северо-Западный проход

Вторым важнейшим арктическим транспортным маршрутом является Северо-Западный проход, проходящий через многочисленные проливы Канадского Арктического архипелага и соединяющий Атлантический и Тихий океаны. [13, с. 136] В отличие от Северного морского пути данный маршрут не обладает единым навигационным коридором и включает несколько альтернативных вариантов прохождения через канадские острова. Именно сложная конфигурация проливов, многочисленные мелководные участки, наличие айсбергов и тяжелая ледовая обстановка значительно затрудняют регулярное коммерческое судоходство.

Экономическое значение Северо-Западного прохода также заключается в возможности сокращения расстояния между восточным побережьем Северной Америки и странами Восточной Азии. Однако его использование остается значительно менее интенсивным по сравнению с Северным морским путем. В настоящее время маршрут преимущественно используется научно-исследовательскими судами, туристическими круизными лайнерами, судами снабжения арктических поселений и отдельными коммерческими рейсами. Так, в 2013 году первое коммерческое транзитное плавание по маршруту совершило грузовое судно Nordic Orion, перевезшее около 73 тыс. тонн коксующегося угля из канадского порта Ванкувер в Финляндию. Использование Северо-Западного прохода позволило сократить маршрут примерно на 1 тыс. морских миль по сравнению с традиционным путем через Панамский канал. [14]

Одной из главных причин ограниченного развития Северо-Западного прохода являются не только природные условия, но и существующие международно-правовые разногласия. Канада рассматривает воды Канадского Арктического архипелага как исторические внутренние воды, находящиеся под полным государственным суверенитетом. [15, с. 1] Соответственно, иностранные суда, по мнению Оттавы, обязаны получать разрешение на проход и соблюдать канадское законодательство. Соединенные Штаты Америки, а также большинство морских держав придерживаются иной позиции. Они счита-

ют Северо-Западный проход международным проливом, через который действует право транзитного прохода в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Вашингтон опасается, что признание канадской позиции может создать международный прецедент, который впоследствии позволит другим государствам ограничивать свободу судоходства в стратегически важных проливах мира.

Несмотря на различие юридических подходов, конфликт между двумя государствами носит преимущественно политико-правовой характер. В 1988 году между Канадой и США было подписано Соглашение о сотрудничестве в Арктике (Arctic Cooperation Agreement), согласно которому американские ледоколы проходят через воды Канадского Арктического архипелага только с согласия Канады, при этом обе стороны специально оговорили, что соглашение не затрагивает их официальные юридические позиции относительно статуса прохода. Следовательно, вопрос суверенитета остается нерешенным и продолжает периодически становиться предметом дипломатических дискуссий. [17]

С учетом прогнозируемого сокращения площади арктических льдов интерес к Северо-Западному проходу постепенно возрастает. Канадское правительство реализует масштабную программу модернизации северной инфраструктуры. Ведется строительство глубоководного порта Нанисивик, расширяются возможности береговой охраны, развивается спутниковая система наблюдения, усиливается военное присутствие в Арктике, строятся новые патрульные ледокольные корабли класса Harry DeWolf, модернизируются аэродромы и объекты двойного назначения. [18] Однако по уровню инфраструктурного развития Северо-Западный проход пока значительно уступает российскому Северному морскому пути.

В настоящее время Северо-Западный проход не является маршрутом регулярного международного транзитного судоходства. Основными пользователями остаются сама Канада, обеспечивающая снабжение арктических поселений, деятельность береговой охраны и проведение научных исследований, а также Соединенные Штаты, суда которых периодически проходят через проливы Канадского Арктического архипелага в рамках научных экспедиций и операций военно-морских сил. Отдельные коммерческие рейсы также осуществляли суда, принадлежащие компаниям Канады, Дании, Германии, Финляндии и Китая.

Перевозимые грузы пока носят преимущественно специализированный характер и включают уголь, оборудование для горнодобывающей промышленности, строительные материалы, грузы снабжения северных территорий, а также оборудование для нефтегазовых проектов. В отличие от Северного морского пути, Северо-Западный проход пока не используется для массовых регулярных контейнерных перевозок между Европой и Азией. Однако с точки зрения международного морского права любые иностранные суда потенциально могут использовать данный маршрут.

Трансарктический морской путь (Полярный морской путь)

Помимо двух действующих маршрутов, в научной литературе все больше внимания уделяется перспективному трансарктическому маршруту, который часто называют трансарктический морской путь или Полярным морским путем. В отличие от Северного морского пути и Северо-Западного прохода данный маршрут проходит через центральную часть Северного Ледовитого океана практически по прямой линии между Северной Европой и Беринговым проливом, минуя прибрежные воды большинства арктических государств. [19]

Главное преимущество данного маршрута заключается в том, что значительная часть его проходит через районы открытого моря за пределами национальных юрисдикций. Это означает отсутствие необходимости получать разрешение прибрежных государств на проход судов, что потенциально делает маршрут наиболее свободным с точки зрения международного морского права.

Идея формирования такого транспортного коридора появилась еще в начале XXI века после публикации ряда климатических исследований, посвященных сокращению площади многолетнего льда в центральной Арктике. Особую известность получила работа финского исследователя Мальте Хумперта, который совместно с коллегами разработал несколько моделей будущих арктических транспортных маршрутов и ввел в научный оборот понятие Future Central Arctic Shipping Route (трансарктический морской путь). Проведенные исследования показали, что при дальнейшем сокращении ледового покрова именно центральная часть Северного Ледовитого океана может стать наиболее коротким путем между Европой и Восточной Азией.

Однако в настоящее время данный маршрут существует исключительно как долгосрочная теоретическая перспектива. Центральная Арктика остается зоной наиболее сложной ледовой обстановки. Здесь сохраняются массивы многолетнего льда толщиной несколько метров, отсутствуют порты, пункты базирования, системы спасения, объекты связи, навигационного обеспечения и возможности оперативной ликвидации аварий. Кроме того, любые чрезвычайные ситуации в центральной Арктике будут значительно сложнее устраняться из-за огромной удаленности от береговой инфраструктуры. [20, с. 293]

Дополнительным фактором, который в перспективе может повлиять на развитие трансарктического (полярного) маршрута, являются пересекающиеся претензии арктических государств на расширение внешних границ своего континентального шельфа. В соответствии со статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву прибрежные государства могут претендовать на расширение континентального шельфа за пределами 200 морских миль, если смогут научно обосновать естественное продолжение своей материковой окраины. Наиболее масштабные заявки в Комиссию ООН по границам континентального шельфа подали Россия, Канада и Дания (через Гренландию), причем в ряде случаев их притязания пересекаются и распространяются вплоть до района Северного полюса. [21, с. 200] Следует отметить, что данные претензии касаются исключительно прав на разведку и разработку минеральных ресурсов морского дна и не распространяются на водную толщу и свободу судоходства, которая регулируется иными положениями международного морского права. Поэтому даже в случае признания расширенного континентального шельфа за тем или иным государством это не означает установления его суверенитета над водами центральной Арктики или ограничения международного судоходства.

Несмотря на существующие ограничения, большинство климатических моделей предполагает, что уже во второй половине XXI века вероятность сезонного использования центрального арктического маршрута значительно возрастет. Именно поэтому многие государства внимательно отслеживают изменения ледовой обстановки, инвестируют в научные исследования Арктики и разрабатывают долгосрочные стратегии освоения региона.

Заключение

Рост значения арктических транспортных маршрутов неизбежно усиливает международную конкуренцию за влияние в регионе. Россия рассматривает Северный морской путь как национальную транспортную систему и важнейший элемент развития Арктической зоны Российской Федерации. Канада последовательно укрепляет контроль над Северо-Западным проходом. Соединенные Штаты выступают за сохранение свободы судоходства в Арктике и не признают чрезмерного расширения национальной юрисдикции. Китай, не являясь арктическим государством, активно наращивает научное, экономическое и инвестиционное присутствие в регионе, стремясь обеспечить себе доступ к будущим транспортным маршрутам. [23, с. 109] Европейский союз, Япония, Республика Корея, Индия и Сингапур также рассматривают развитие арктического судоходства как важное направление диверсификации глобальных логистических цепочек.

Таким образом, транспортный потенциал Арктики постепенно превращается в один из ключевых факторов мировой геополитики XXI века. Развитие Северного морского пути уже сегодня оказывает влияние на международную торговлю и экономическое освоение российской Арктики, тогда как Северо-Западный проход остается перспективным, но менее освоенным маршрутом, развитие которого сдерживается как природными условиями, так и сохраняющимися международно-правовыми разногласиями. Особое место занимает трансарктический (полярный) маршрут, который пока существует преимущественно в виде научной концепции, однако способен в будущем существенно изменить мировую транспортную географию.

Можно сделать вывод, что в XXI веке арктические морские коммуникации постепенно переходят из категории потенциальных транспортных направлений в число стратегически значимых элементов мировой логистической системы. Их значение определяется не только возможностью сокращения расстояний между Европой и Азией, но и влиянием на энергетическую безопасность, освоение природных ресурсов, развитие приполярных территорий и изменение баланса сил в мировой политике. По мере дальнейшего сокращения ледового покрова и развития арктической инфраструктуры роль северных морских маршрутов будет возрастать, а конкуренция государств за контроль над ними и участие в их

использовании станет одним из важнейших направлений международной политики в Арктике.

Список источников

1. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2021. – 2391 p. (accessed: 17.06.2026)
2. Скорлыгина Н. Контейнеровоз устроил недельный коллапс на Суэцком канале // Коммерсантъ: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4761533> (дата обращения: 17.06.2026)
3. World oil transit chokepoints critical to global energy security // EIA: [Electronic resource]. — URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=18991> (accessed: 17.06.2026)
4. Соловьев Д., Нефедова Л. Северный морской путь: экономический потенциал, климатическая устойчивость и геополитическое партнерство России и Китая // Энергетическая политика: [Электронный ресурс]. — URL: <https://energy-policy.ru/severnyj-morskoj-put-ekonomicheskij-potenczial-klimaticheskaya-ustojchivost-i-geopoliticheskoe-partnerstvo-rossii-i-kitaya/gaz/2025/09/09/> (дата обращения: 17.06.2026)
5. Maps: Shipping // Arctic Portal: [Electronic resource]. — URL: <https://arcticportal.org/maps/download/maps-shipping> (accessed: 20.06.2026)
6. Большой Севморпуть // Национальные проекты России: [Электронный ресурс]. — URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/transport/bolshoj-sevmorput/> (дата обращения: 20.06.2026)
7. Минеральное богатство Арктики // Go Arctic: [Электронный ресурс]. — URL: <https://goarctic.ru/news/mineralnoe-bogatstvo-arktiki/> (дата обращения: 20.06.2026)
8. Китайско-российское сотрудничество в развитии Северного морского пути / Ч. И. Нг, Ю. Ву, В. Чжан [и др.] // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 46-74. – DOI 10.17323/1996-7845-2025-01-03. – EDN FCZXNM.
9. Мохов И. И., Хон В. Ч. Продолжительность навигационного периода и ее изменения для Северного морского пути: модельные оценки // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2. – С. 88-95. (дата обращения: 20.06.2026)
10. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин. – Москва: РИСИ, 2011. – 194 с. (дата обращения: 20.06.2026)
11. Направления деятельности // Государственная корпорация «Росатом»: [Электронный ресурс]. — URL: https://rosatom.ru/directions/logistics_and_development_of_the_northern_sea_route_transportation/ (дата обращения: 20.06.2026)
12. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // Совет Безопасности Российской Федерации: [Электронный ресурс] — URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/hcTiEHnCdN6TqRm5A677n5iE3yXLi93E.pdf> (дата обращения: 23.06.2026)
13. Митько А. В., Сидоров В. К. Идентичность Канады в Арктическом регионе на основе Северо-Западного прохода / Митько Арсений Валерьевич, Сидоров Владимир Константинович // Арктика XXI век. 2023. №3. (дата обращения: 30.06.2026)
14. Чернов В. Канада встала в проходе // PortNews: [Электронный ресурс]. — URL: <https://portnews.ru/comments/1687/> (дата обращения: 30.06.2026)
15. Lalonde S. The Debate over the Legal Status of the Northwest Passage: Explanatory Notes // NAADSN: [Electronic resource]. — URL: https://www.naadsn.ca/wp-content/uploads/2023/10/23sep-Lalonde-NWP_Policy-Primer.pdf (accessed: 30.06.2026)
16. National Strategy for the Arctic region // The White House: [Official website]. — URL: <https://rosap.ntl.bts.gov/view/dot/60576> (accessed: 30.06.2026)

17. Arctic Cooperation Agreement Between the Government of Canada and the Government of the United States of America: [Signed on January 11, 1988, in Ottawa.] // Government of Canada. – 1995. CTS No. 1988/29 (accessed: 30.06.2026)
18. Canada's First Arctic and Offshore Patrol Ship Assembled // The Maritime Executive: [Electronic resource]. — URL: <https://maritime-executive.com/article/canadas-first-arctic-and-offshore-patrol-ship-assembled> (accessed: 30.06.2026)
19. Smith L.C., Stephenson S.R. New Trans-Arctic shipping routes navigable by midcentury / Laurence C. Smith, Scott R. Stephenson // PNAS. 2013. – 5p. (accessed: 03.07.2026)
20. Humpert M., Raspotnik A. The Future of Arctic Shipping Along the Transpolar Sea Route / Malte Humpert, Andreas Raspotnik // Arctic Yearbook 2012. – P. 281-301. (accessed: 03.07.2026)
21. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS). Принята 10 декабря 1982 года в Монтего-Бэй // Организация Объединённых Наций: [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 03.07.2026)
22. Østreng W. (ed.). Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages / Willy Østreng. – Berlin : Springer, 2013. – 414 p. (accessed: 03.07.2026)
23. Карсанова Е. С. Геополитическая конкуренция великих держав в Арктике / Карсанова Елена Созрикеевна // Управление. 2024. Т. 12. №3. – С. 102–110. (дата обращения: 03.07.2026)

УДК 320

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

МОНГУШ МАРАТ ЧОЙГАНОВИЧ

студент

Владивостокский государственный университет

Научный руководитель: Николенко Анастасия Алексеевна

к.п.н. профессор

Владивостокский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются особенности трансформации современной системы международных отношений в условиях постмодерна. Анализируются процессы кризиса вестфальской модели суверенитета, диффузии власти, усиления роли негосударственных акторов и сетевых форм взаимодействия. Особое внимание уделено деятельности БРИКС и ШОС как примерам ситуационного мультилатерализма, а также феномену «войны нарративов» как инструменту борьбы за интерпретацию норм международного права. На основе проведенного исследования предложены направления адаптации внешней политики Российской Федерации к условиям многополярного мира посредством использования инструментов сетевой дипломатии и управления множественностью интерпретаций.

Ключевые слова: международные отношения, постмодерн, суверенитет, БРИКС, ШОС, сетевая дипломатия, многополярность, международное право.

INTERNATIONAL RELATIONS DURING POSTMODERN EPOCH

Mongush Marat Choyganovich*Scientific adviser: Nikolenko Anastasia Alekseevna*

Abstract: The article examines the transformation of the modern system of international relations in the context of postmodernism. It analyzes the crisis of the Westphalian model of sovereignty, the diffusion of power, the growing role of non-state actors, and the development of network forms of interaction. Particular attention is paid to the activities of BRICS and the Shanghai Cooperation Organisation as examples of situational multilateralism, as well as to the phenomenon of the "war of narratives" as a tool for competing interpretations of international law. Based on the conducted research, the paper proposes approaches to adapting the foreign policy of the Russian Federation to the conditions of a multipolar world through the use of network diplomacy and the management of multiple interpretations.

Keywords: international relations, postmodernism, sovereignty, BRICS, Shanghai Cooperation Organisation, network diplomacy, multipolarity, international law.

ВВЕДЕНИЕ

Современная система международных отношений переживает фундаментальную трансформацию, связанную с крушением однополярной модели и активизацией таких объединений, как БРИКС и ШОС. Рост гибридных вызовов, включая информационные войны и экономическое давление, маскирующееся под нормативные дискурсы, требует переосмысления традиционных подходов к внешней политике. В этих условиях понимание постмодерной логики становится не просто академическим упраж-

нением, а необходимым инструментом для разработки эффективной и прагматичной стратегии, основанной на балансе интересов и множественности интерпретаций. Актуальность данного исследования обусловлена именно этой потребностью в концептуальном обновлении инструментария международно-политического анализа.

Ключевая проблема, с которой сталкиваются современные исследователи и практики, заключается в неадекватности существующих теорий международных отношений для описания реальных практик взаимодействия акторов. Государственные нарративы конкурируют с негосударственными, субъекты становятся все более асимметричными, а дипломатия все чаще осуществляется не только на официальных площадках, но и через медиа, социальные сети и культурные коды. Такая ситуация порождает стратегическую неопределенность при принятии внешнеполитических решений, поскольку классические модели не учитывают множественность идентичностей и конкуренцию смыслов. Преодоление этой теоретической недостаточности является необходимым условием для адекватного понимания современных международных процессов.

Центральная идея данной работы состоит в том, что классические модели международных отношений, такие как реализм и либерализм, постепенно теряют свою объяснительную силу. Это связано с децентрализацией власти, диффузией суверенитета и появлением множества конкурирующих идентичностей, что требует новой концептуализации дипломатической практики. Вместо линейной логики «цель-средство» современные международные отношения все больше подчиняются нелинейной логике взаимодействия акторов, где управление нарративами и интерпретациями становится ключевым ресурсом. Таким образом, мы предлагаем пересмотреть традиционные подходы и разработать операциональные концепты, адекватные постмодерному контексту.

Исходя из вышесказанного, целью настоящего исследования является выявление и систематизация ключевых эффектов постмодернистской парадигмы — таких, как деконструкция суверенитета, ирония власти и нормативная фрагментация — на современные международные отношения. В рамках работы мы стремимся не только описать эти эффекты, но и предложить конкретные операциональные подходы к адаптации внешней политики Российской Федерации в условиях многополярного мира. Реализация поставленной цели позволит перейти от абстрактных теоретических построений к формированию практических рекомендаций, способных повысить эффективность внешнеполитического инструментария.

1 ДЕКОНСТРУКЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

1.1. Кризис вестфальской модели и релятивизация государственного суверенитета

Вестфальская система международных отношений, основанная на принципе территориального суверенитета, переживает фундаментальный кризис в условиях глобализации. Транснациональные потоки капитала и информации активно размывают границы национальных государств, подрывая их способность контролировать экономические и культурные процессы на своей территории. Как отмечается в научной литературе, «относительное ослабление наций-государств в глобальном мире провоцирует новые вызовы и угрозы привычной модели национального Модерна со стороны суб- и наднациональных интересов и субъектов — экономических, этнических, религиозных» [7, с.136]. Это приводит к тому, что государство перестает быть единственным центром принятия решений, уступая место множеству негосударственных акторов. Процесс релятивизации суверенитета особенно ярко проявляется в сфере информационной политики и публичной дипломатии. Традиционные государственные институты вынуждены адаптироваться к новым реалиям, где ключевую роль играют данные из социальных сетей и настроения пользователей. Исследования показывают, что «внешняя политика, процесс принятия решений, публичная дипломатия, информационные проекты и пр. стали опираться на данные о расстановке сил в социальных сетях, настроениях пользователей и их политических предпочтениях» [9, с.39]. Таким образом, государственный суверенитет утрачивает свою абсолютность, превращаясь в один из элементов сложной сетевой структуры глобального управления.

Другим важным аспектом кризиса вестфальской модели является эрозия монополии государства на легитимное насилие. В современном мире все более заметную роль играют частные военные ком-

пании и негосударственные вооруженные формирования, которые действуют как на локальном, так и на транснациональном уровне. Эти акторы не только подрывают традиционное право государства на применение силы, но и создают новые формы политической субъектности, не вписывающиеся в классические иерархические структуры. В результате государство теряет контроль над значительной частью силового поля, что ведет к дальнейшей релятивизации его суверенитета и усложнению международных отношений.

1.2. Диффузия власти: переход от иерархии к сетевым структурам влияния

Классическая вестфальская модель, основанная на жесткой иерархии суверенных государств, утрачивает свою объяснительную силу в условиях постмодерна. На смену ей приходят сетевые формы координации, которые не предполагают единого центра управления, а основываются на горизонтальных связях и взаимозависимости множества акторов. Как отмечается в современных исследованиях, «переход от однополярной системы к многополярной архитектуре международных отношений позволяет более равномерно распределить влияние между различными центрами силы, такими как США, БРИКС, ЕС, Китай и Россия» [8, с.119]. Это означает, что власть перестает быть монополией национальных государств и начинает циркулировать в сетях, где каждый узел обладает определенным ресурсом влияния.

Усиление роли негосударственных акторов, таких как транснациональные корпорации и неправительственные организации, становится ключевым признаком диффузии власти. Эти субъекты не только лоббируют свои интересы, но и активно формируют мировую повестку, включая вопросы экологии, прав человека и цифрового регулирования. При этом «объекты воздействия остаются теми же, что и при информационной войне, – блогеры в социальных сетях, крупные паблики, образовательные программы, НКО, СМИ, организации, представляющие гражданское общество» [2, с.58]. Таким образом, негосударственные акторы превращаются в полноценных участников международных отношений, способных влиять на общественное мнение и политические решения без формальных дипломатических полномочий.

Фрагментация международного права и появление гибридных регуляторных режимов дополняют картину перехода от иерархии к сетям. Традиционные нормы, закрепленные в универсальных договорах, все чаще дополняются или заменяются неформальными стандартами, разрабатываемыми в рамках частно-государственных партнерств или транснациональных сообществ. Такие гибридные режимы сочетают элементы мягкого права и обязательных предписаний, что затрудняет их классификацию в рамках вестфальской парадигмы. Подобная динамика создает вызовы для государств, вынужденных адаптироваться к множественности регуляторных полей, где влияние распределено между разнородными акторами.

2 КЕЙС-СТАДИ ПОСТМОДЕРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

2.1. Ситуационный мультилатерализм в деятельности БРИКС и ШОС

Трансформация системы международных отношений в эпоху постмодерна привела к пересмотру традиционных форм многостороннего взаимодействия. В отличие от жестких блоков, характерных для модерна и основанных на фиксированных идеологических или военно-политических обязательствах, современная практика порождает феномен ситуационного мультилатерализма. Данная концепция описывает гибкие, тематически-ориентированные коалиции, формируемые *ad hoc* для решения конкретных проблем, что позволяет участникам варьировать степень вовлеченности в зависимости от контекста и приоритетов. Как отмечается в современной литературе, «суверенитет в постглобальном мире, вероятно, будет носить ситуативный характер, т.е. иметь те или иные приоритетные практические проявления в зависимости от времени и пространства реализации [5, с.133]». Логика ситуационного мультилатерализма отрицает универсальные и постоянные союзы, предлагая взамен сетевую структуру, где связи активируются по мере необходимости. Такой подход особенно востребован в условиях диффузии власти, когда ни один актор не обладает достаточными ресурсами для единоличного решения сложных проблем. Вместо заключения долгосрочных пактов государства предпочитают формировать

временные альянсы, объединяющие усилия для достижения конкретных целей в определенный момент. Этот феномен отражает более широкий переход «от многослойности конкуренции – к многослойности суверенитета», где «суть процессов и их ключевые аспекты... определяются не только пространственно локализованно, но и ситуативно [5, с.139]».

Деятельность БРИКС и ШОС представляет собой яркий пример реализации принципов ситуационного мультилатерализма на практике. В рамках этих объединений создаются неформальные механизмы согласования позиций по вопросам безопасности и экономики, которые не требуют от участников жестких обязательств, но позволяют координировать действия в конкретных областях. Такой подход позволяет государствам-членам сохранять стратегическую автономию, участвуя в совместных проектах лишь тогда, когда это соответствует их национальным интересам, и дистанцируясь от инициатив, которые таковыми не отвечают. Например, в вопросах противодействия терроризму или обеспечения региональной безопасности в рамках ШОС формируются временные коалиции, где ключевую роль играют ситуативные интересы, а не идеологическая близость. Аналогичным образом, в БРИКС экономическое сотрудничество часто принимает форму гибких проектов и рабочих групп, которые активируются под конкретные задачи и могут быть заморожены или трансформированы по мере изменения обстоятельств. Эта гибкость делает БРИКС и ШОС эффективными инструментами адаптации к постмодерной реальности, где стабильность достигается не через жесткость структуры, а через способность к постоянной реконфигурации.

2.2. Война нарративов: борьба за интерпретацию норм международного права

В постмодерной парадигме международные отношения перестают быть исключительно аренной материальной силы и превращаются в поле конкуренции смыслов и интерпретаций. Контроль над толкованием норм международного права выступает инструментом гибридного влияния, позволяющим актору придавать легитимность собственным действиям и подрывать правовую основу поведения оппонентов. Такая динамика способствует смещению акцента с прямого военного давления на манипуляцию легальностью и публичной речью, что делает международное право предметом стратегической борьбы. Механизмы этой борьбы включают артикуляцию юридических аргументов, медийное производство смысла и институциональную селекцию прецедентов, через которые формируется глобальная легитимность. «Постглобальный мир, увы, начинает превращаться в некую пропагандистскую конструкцию, которую пытались приватизировать различные игроки на мировой арене подобно тому, как ранее были приватизированы понятия «демократия» и «глобализация»» [5, с.125]. В результате интерпретационная гегемония становится стратегическим ресурсом, доступ к которому определяется не только возможностями вооруженной силы, но и контролем над каналами коммуникации и юридическим дискурсом.

Актеры применяют «войну нарративов» для легитимации собственных действий и делегитимации оппонентов посредством стратегического обращения к нормам и институтам международного права. Одной из форм такого воздействия является избирательное цитирование резолюций ООН и принципов *jus cogens*, когда нормативные положения используются выборочно в зависимости от политической выгоды. Такая практика искажает универсалистский характер правовых норм и создает параллельные легитимизационные порядки, конкурирующие за признание на международной арене. Эффективность избирательной легитимации во многом определяется доступом к информационным платформам и медийным ресурсам, через которые распространяются соответствующие интерпретации. «Отрицательным фактором является и то, что информационным миром управляют западные СМИ и интернет-компании, — это прежде всего отразилось на информационной кампании российской вакцины «Спутник V», которую до сих пор не признает ряд стран» [10, с.119]. Это свидетельствует о симбиотической связи между юридической риторикой и медийным контролем, при которой право функционирует как инструмент влияния, а не как нейтральный арбитр. В итоге избирательное использование правовых ссылок укрепляет политическую асимметрию и усложняет возможности коллективного обеспечения соблюдения международных норм.

3. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

3.1. От линейного планирования к управлению множественностью интерпретаций

Классическое линейное планирование во внешней политике предполагает прогнозирование на основе экстраполяции стабильных тенденций и достижимость единой, объективной истины. Однако в эпоху постмодерна, характеризующуюся плюрализмом смыслов и конкурирующих дискурсов, такая методология утрачивает свою релевантность. В сложных системах, где действуют разнонаправленные силы и противоречивые факторы, линейная логика неспособна адекватно отражать происходящие процессы. Именно поэтому, как отмечается в современной науке, постнеклассический подход, предложенный В.С. Степиным, предполагает отказ от линейной экстраполяции процессов в сложных системах, «функционирующих в среде, где действуют многочисленные разнонаправленные силы и противоречивые факторы» [6, с.5]. Тем самым кризис традиционного планирования становится отправной точкой для поиска принципиально иных стратегий управления.

Управление множественностью интерпретаций представляет собой альтернативу монолитным нарративам, основанную на признании того, что внешнеполитическая реальность конструируется через постоянную конкуренцию смыслов. Вместо того чтобы навязывать единственную трактовку событий, современная дипломатия должна быть готова к гибкому реагированию на появление и эскалацию альтернативных дискурсов. Это подразумевает не отказ от собственных ценностных ориентиров, а способность оперативно корректировать коммуникационную стратегию в зависимости от доминирующих в международном пространстве интерпретаций. Такой подход позволяет не только нейтрализовать враждебные нарративы, но и использовать неопределенность как ресурс для достижения тактических и стратегических целей.

Переход к модели управления множественностью интерпретаций требует внедрения качественно новых аналитических инструментов, способных фиксировать и интерпретировать нарративные трансформации в реальном времени. В частности, перспективным представляется применение методов семиотического анализа для деконструкции дискурсов и выявления скрытых смыслов, а также точек неопределенности, где возможна смена доминирующей интерпретации. В этом контексте особое значение приобретает «моделирование на основе применения генетических алгоритмов для реализации принципа управления типа «forward control», означающее выявление трендов эволюции системы до начала необратимого развития геополитической обстановки» [6, с.6]. Использование таких подходов позволяет дипломатическим ведомствам действовать на опережение, не дожидаясь кристаллизации угрожающих нарративов, и тем самым обеспечивать стратегическую гибкость в условиях неопределенности.

3.2. Инструментарий сетевой дипломатии в интересах внешней политики РФ

Сетевая дипломатия в современной российской внешнеполитической практике опирается на использование неформальных каналов коммуникации и привлечение негосударственных акторов для продвижения национальных интересов. В условиях постмодерной диффузии власти, когда традиционные государственные институты утрачивают монополию на международное влияние, обращение к сетевым структурам становится стратегически оправданным шагом. Как отмечается в теоретических работах, «третьей волне геополитики соответствует уже «человек информационный», живущий и действующий в глобальном информационном, экономическом и экологическом пространствах и имеющий возможность оказывать влияние на ход социально-политических процессов» [6, с.8]. Именно этот новый актор – информационный человек – становится ключевым проводником идей, формируя альтернативные центры принятия решений и каналы влияния, дополняющие официальную дипломатию.

Ключевым инструментом сетевой дипломатии является целенаправленная работа с нарративами, направленная на создание альтернативных интерпретаций событий, снижающих нарративное влияние оппонентов. Данный подход успешно апробирован на примере институционального оформления незападных объединений: «Идея создания на базе «шанхайской пятёрки» более сильной структуры стала вызревать в 1998 г. в МИДе и Минобороны РФ. <...> Уже здесь прочитывался замысел сближения пяти незападных цивилизаций — русской, китайской, исламской, индустской и буддийской» [11,

с.471]. Формирование такой альтернативной системы координат позволяет не только противопоставить собственный нарратив доминирующему западному дискурсу, но и создать устойчивые ценностно-смысловые связи между участниками сети, обеспечивая долгосрочное сотрудничество.

Для эффективного функционирования сетевой дипломатии требуется операциональная модель, включающая алгоритмы быстрого перераспределения ресурсов между узлами сети для адаптации к изменяющейся информационной среде. Переход от линейного планирования к управлению множественностью интерпретаций предполагает создание гибких структур, способных в реальном времени перенаправлять информационные, организационные и экспертные ресурсы на наиболее актуальные направления. Такая модель обеспечивает внешнеполитическому ведомству возможность действовать проактивно, своевременно реагируя на возникающие вызовы и используя открывающиеся «окна возможностей» в условиях стратегической неопределенности, что конвертируется в реальное конкурентное преимущество на международной арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило, что вестфальская модель суверенитета, долгое время служившая фундаментом международных отношений, утратила свою объяснительную монополию в условиях постмодерна. Классические теории, такие как реализм и либерализм, сталкиваются с кризисом адекватности, поскольку не способны в полной мере описать процессы децентрализации власти и конкуренции множественных нарративов. Диффузия власти от государств к негосударственным акторам и релятивизация норм, выявленные в ходе анализа, требуют существенной ревизии традиционных парадигм. Таким образом, теоретический фундамент работы доказал необходимость переосмысления базовых принципов дипломатической практики.

Эмпирические кейсы, включая анализ деятельности БРИКС и ШОС, а также феномена «войны нарративов», наглядно продемонстрировали трансформацию дипломатических методов. Современная дипломатия всё активнее опирается на ситуационный мультилатерализм, где гибкость взаимодействия и управление интерпретациями норм становятся ключевыми инструментами влияния. Борьба за смыслы и контроль над информационными потоками замещает традиционное силовое давление, что подтверждает переход к нелинейным стратегиям. Следовательно, успех внешнеполитических действий сегодня напрямую зависит от способности актора эффективно работать в условиях множественности интерпретаций.

Для адаптации внешней политики РФ к постмодерному контексту был предложен операциональный инструментарий, основанный на принципах сетевой дипломатии и управления множественностью интерпретаций. Переход от линейной модели «цель-средство» к нелинейной логике позволяет гибко реагировать на стратегическую неопределённость, отказываясь от жёстких догм в пользу гибких сетевых стратегий. Использование постмодерных инструментов влияния, таких как работа с нарративами и дипломатия сетей, обеспечивает конкурентное преимущество в многополярном мире. Данные рекомендации направлены на укрепление позиций государства через эффективное использование новых форм политической субъектности.

Научная новизна работы заключается в систематизации ключевых эффектов постмодерна на международные отношения, включая деконструкцию суверенитета, иронию власти и нормативную фрагментацию, а также в разработке операциональных рекомендаций для внешнеполитического планирования. Дальнейшие исследования могут быть направлены на углублённое изучение конкретных механизмов нарративного влияния и сетевого взаимодействия, что позволит уточнить предложенные подходы. Полученные результаты создают основу для более эффективного стратегического планирования в условиях современной международной нестабильности.

Список источников

1. Аатиф Д., Пьетробон Э., Бо П. и др. Новые горизонты многополярного мира. — Москва: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2025.
2. Барташевич Д.А. Фейк-ньюс в контексте современных информационных и когнитивных войн // Власть. — 2025. — №1. — С. 57–61.
3. Березин А. Стратегические нарративы России и Украины, или Культура отмены истории // Palladium. — 2024. — №11. — С. 1–5.
4. Булва В.И. Теория и практика сетевой дипломатии // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — №506. — С. 82–87.
5. Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. — 2022. — №4. — С. 121–144.
6. Карякин В.В. «Третья волна» – геополитика постмодерна // Международные отношения. — 2015. — №1. — С. 4–8.
7. Мартыанов В.С. В поисках парадигмы позднего модерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2010. — №10. — С. 135–139.
8. Сампиев И.М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации и становления многополярности // Humanities of the south of russia. — 2025. — №1. — С. 110–114.
9. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». — 2020. — №2. — С. 37–47.
10. Чернявская К.Ю. Цифровая дипломатия — инструмент внешней политики Российской Федерации // Русская политология — russian political science. — 2021. — №2. — С. 116–120.
11. Юртаев В.И., Рогов А.С. Шос и брикс: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник рудн. серия: международные отношения. — 2017. — №3. — С. 469–482.

УДК 320

«МОНО» СТАТУСЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ КРИТЕРИЕВ

АВЕРЬЯНОВ АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ

аспирант

Институт деловой карьеры АНО ВО «ИДК»

Научный руководитель: Ермаков Дмитрий Николаевич*профессор, доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук**Институт деловой карьеры АНО ВО «ИДК»*

Аннотация: Затяжной кризис российских моногородов, усиленный санкциями, актуализировал задачу интенсификации государственной политики стимулирования их развития. Помимо традиционных социально-экономических, проблемными аспектами остаются критерии монопрофильности, отнесения к статусу «моногород», а соответственно, прозрачности и обоснованности определения мер поддержки.

Ключевые слова: моногород, монопрофильное муниципальное образование, региональная политика, деиндустриализация, корпоративный город, диверсификация.

«MONO» STATUS OF RUSSIAN CITIES: PROBLEMS OF CRITERIA

Averyanov Anton Alekseevich*Scientific Supervisor: Dmitry Nikolaevich Ermakov*

Abstract: The protracted crisis of Russian single-industry towns, exacerbated by sanctions, has highlighted the need to intensify state policy to stimulate their development. In addition to traditional socioeconomic factors, the criteria for single-industry status, classification as a «single-industry town», and consequently, the transparency and validity of determining support measures remain problematic.

Key words: single-industry town, single-industry municipality, regional policy, deindustrialization, corporate town, diversification.

Первый перечень моногородов был составлен только в 2009 г. Минрегионом России в составе 335 населённых пунктов, включая 12 закрытых территориальных образований (ЗATO). На начало 2026 г. точное число моногородов не определено, их правовой режим также ещё формируется. Постановлением Правительства РФ №709 от 29.07.2014 [1], в оборот введены два понятия: «монопрофильное муниципальное образование» и «моногород», которые, судя по тексту документа, следует считать синонимами. При этом, ни в указанном постановлении, ни в законодательстве, точных определений рассматриваемых понятий нет, приведены лишь критерии их оценки. Принятое в конце 2025 г. уточняющее Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2025 г. № 1911 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 709» также не содержит такого определения. Вопрос активно дискутируется уже более десятилетия. В 2013 г. в монографии по теме, эксперты Финансового университета констатировали отсутствие «до настоящего времени четкого определение понятия «моногород» [2]. Нет его и сегодня, что, однако не мешает проводить соответствующую федеральную и региональную политику, направленную, как отмечает Е.А. Сергиенко на «полноценное и эффективное функционирование этого особого типа муниципальных образований» [3, с.597].

Рассматриваемый тип понимается по-разному: как «монопрофильный», «монопромышленный», «моноотраслевой», «монофункциональный» и с другими дополнениями приставки «моно». Констатируя «отсутствие согласия в научном сообществе» [4, с.110], многие исследователи предпринимали попытки «дать авторскую характеристику данного понятия», существенно расходясь с зарубежными коллегами, которые в большей степени фокусируют внимание на решении проблем бывших корпоративных городов, чем на «уточнении» их общего наименования.

Ещё в 2002 г. в ст. 169 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 17.12.2025) было сформулировано и закреплено ключевое для любого моногорода понятие «градообразующая организация» - юридическое лицо, численность работников которого превышает четверть численности работающего населения данного населенного пункта [5]. Важно, что градообразующим считалось не обязательно промышленное предприятие, а любая организация, обеспечивающая занятость четверти и более населения. Положения закона созвучны, опубликованному в 2000 г. обзорному докладу Экспертного института, где впервые приведены критерии определения моно-статуса города, в котором свыше половины промышленной продукции или услуг выпускается одним предприятием (группой предприятий одной отрасли), либо на одном предприятии (группе предприятий одной отрасли) работает не менее 25% работающих горожан [6, с.235]. Данное процентное соотношение в последствии было взято за основу.

Моногорода могут быть классифицированы по формам специализации на: *монофункциональные* – с малым числом взаимосвязанных предприятий (организаций), в том числе разных отраслей, обеспечивающих его социально-экономическое развитие; *моноотраслевые* – чья экономика базируется на нескольких предприятиях одной отрасли и *моноцентрические* – существующие за счёт одного градообразующего предприятия [2]. Сюда, как уже отмечалось выше, следует добавить категорию «бывших», моногородов всех трех категорий, где указанные предприятия прекратили работу или находятся в состоянии реорганизации, банкротства, глубокого и затяжного кризиса, что консервирует статус поселения.

Количество и концентрация моногородов в местах добычи и переработки сырья позволяют вести речь о существовании «монорегионов» (Карелия).

Таким образом, с учётом корректировок, внесённых Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2025 г. № 1911, монопрофильное муниципальное образование (моногород) должны соответствовать одновременно нескольким критериям:

1) имеет статус городского округа (городского поселения), кроме муниципальных образований, где по закону субъекта РФ располагается законодательный (представительный) орган власти субъекта РФ;

2) имеет численность постоянного населения более 3000 жителей;

3) входит в актуальный перечень монопрофильных муниципальных образований (моногородов) и относится к категориям 1 или 2 по критерию рисков ухудшения их социально-экономического положения;

4) численность работников одной из организаций (одного юридического лица, его филиала) в этом муниципальном образовании, ведущей один вид основной экономической деятельности, включая единый производственно-технологический процесс, составляет 20% и более численности работников всех организаций, работающих;

5) одна из указанных выше организаций, включая филиалы должна вести добычу полезных ископаемых (исключая нефть и газ), а также производство и/или переработку промышленной продукции.

Утверждаемый распоряжением Правительства РФ перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) планируется скорректировать в первом полугодии 2026 г., о чём уведомил Минэкономразвития, однако, процедура составления перечня не вполне прозрачна. Планируемое его существенное сокращение свидетельствует, во-первых, о том, что критерии отнесения поселений к моногородам требуют, как минимум, корректировки. Так, например, на территории СЗФО уровень занятости экономически активного населения на ещё действующих градообразующих предприятиях в среднем не превышает ориентировочно 15%. На практике, так называемые градообразующие предприятия

испытывают хронические трудности, а их показатели занятости включают формально трудоустроенных и/или частично занятых «мёртвых душ» [7, с.165], что искажает статистику. Кроме того, несколько десятилетий реализации политики диверсификации экономики и содействия развитию моногородов пока не дали ожидаемых результатов. Причина видится в не системности мер, ситуативном регулировании, как это было, например, в Пикалево и отсутствии разработанной концепции, которая бы легла в основу соответствующего документа стратегического планирования.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ №709 от 29.07.2014 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения»// Правительство РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://government.ru/docs/all/92333/> (23.06.2026)
2. Развитие моногородов России: монография / колл. авт. Под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/im4y2ls4o9/direct/114066304?ysclid=mk83kxzjo507904045> (25.06.2026)
3. Сергиенко Е. А. Проблема создания, развития и функционирования монопрофильных муниципальных образований (моногородов) в современной России// Федерализм в современном публичном праве. собрание трудов V Международной научно-практической конференции. М., 2023. - С. 592-599.
4. Бартош А. А., Малышев Е. А. Монопрофильное муниципальное образование как особая категория научного исследования // Вестник Забайкальского государственного университета. - 2017. - Вып. 23. - № 5. - С. 107-114.
5. Собрание законодательства РФ от 28 октября 2002 г. - №43. - Ст. 4190.
6. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад. / Под ред. И.В. Липсица. – М.: Изд. дом «Хроникер», 2000.
7. Недосека Е. В., Карбаинов Н. И. Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России // Арктика и Север. - 2020. - №41. - С. 163-181.

УДК 338.004.8

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ФРОЙМЧУК АРКАДИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

аспирант

Институт деловой карьеры АНО ВО «ИДК»

Научный руководитель: Ермаков Дмитрий Николаевич*профессор, доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук
Институт деловой карьеры АНО ВО «ИДК»*

Аннотация: Институциональная среда развития и применения технологий ИИ в сфере государственного управления опирается на совокупность применимого законодательства и документы стратегического планирования при координирующей роли Минцифры РФ во взаимодействии с Альянсом ИИ. Участие в глобальном регулировании, как и международное сотрудничество затруднены санкциями и ограничивается в основном странами БРИКС. Вопросы безопасности, соблюдения прав и свобод, этики и ответственности при применении технологий ИИ, а также привлечения институтов гражданского общества к процессу регулирования решаются медленно.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, институциональная среда, информационное законодательство.

FORMATION OF AN INSTITUTIONAL ENVIRONMENT FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES FOR PUBLIC ADMINISTRATION

Froimchuk Arkady Valerievich*Scientific Advisor: Dmitry Nikolaevich Ermakov*

Abstract: The institutional framework for the development and application of AI technologies in public administration relies on a combination of applicable legislation and strategic planning documents, coordinated by the Russian Ministry of Digital Development, Communications, and Mass Media in collaboration with the AI Alliance. Participation in global regulation, as well as international cooperation, is hampered by sanctions and is limited primarily to the BRICS countries. Issues of security, respect for rights and freedoms, ethics and responsibility in the application of AI technologies, and the involvement of civil society institutions in the regulatory process are being addressed slowly.

Key words: artificial intelligence, public administration, institutional environment, information legislation.

В соответствии с Указом Президента России №490 от 10.10.2019 и «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» под искусственным интеллектом (ИИ) понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции че-

ловека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Обратим внимание на использование категории «комплекс», а не «система». Здесь имеется ввиду совокупность технологических решений, информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, включая использование методов машинного обучения, а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

В соответствии с п.2 ст.2 федерального закона от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ [2] ИИ определялся как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». При этом, указанный комплекс состоял из информационно-коммуникационной инфраструктуры, включая информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, другие средства обработки информации, программное обеспечение (включая использование методов машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В ГОСТ Р 71476-2024 — «Искусственный интеллект. Концепции и терминология» [3] (далее – Стандарт) термин ИИ несколько иначе, с одной стороны более ограниченно, а с другой – более широко. Так как указанный ГОСТ соответствует международным документам, ИИ описывается как «ИИ - область науки и техники, рассматривающая технические системы, которые порождают такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора поставленных человеком задач». В п. 3.1.3 ГОСТа искусственный интеллект (ИИ. artificial intelligence) определяется как «исследование и разработка механизмов и приложений систем ИИ».

Приведенное определение обусловлено тем, что российский ГОСТ, собственно российским не является, так как подготовлен Научно-образовательным центром компетенций в области цифровой экономики ФГБОУ ВО МГУ им. М.В. Ломоносова и ООО «Институт развития информационного общества» (ИРИО) на основе их собственного перевода на русский язык международного стандарта ИСО/МЭК 22989:2022 "Информационные технологии. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта" (ISO/IEC 22989:2022 «Information technology - Artificial intelligence - Artificial intelligence concepts and terminology», MOD [4]). Несмотря на стратегический курс на импортозамещение, по сути, иностранный стандарт не корректировался, так как в основном соответствует уровню развития наук об информации и информационного права, принимая во внимание, что исследования в этом направлении чрезвычайно активны.

Наличие адаптированного Стандарта, где понятие ИИ определяется исключительно в смысле дисциплины, не препятствует научной дискуссии, в рамках которой ИИ понимается как способность вычислительных систем выполнять задачи, ассоциируемые с живым интеллектом человека [5, с. 11]. Институциональная среда в рассматриваемой сфере в России формируется на основе Указа Президента РФ от 10.10.2019, документа стратегического планирования «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», а также с использованием экспериментальных правовых режимов, установленных федеральным законом от 31.07.2020 №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Наиболее обсуждаемым здесь является механизм ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу человека или юридического лица при реализации экспериментального правового режима в результате использования решений, созданных с применением ИИ. Очевидно, что в данном случае перед регулированием должна стоять задача обеспечения гарантий прав и законных интересов всех участников правоотношений, в которых участвует ИИ, равно как и возможность возмещения ущерба [6, с.64].

По истечению действия проекта «Цифровая экономика» в 2024 г. был пролонгирован федеральный проект «Искусственный интеллект». В данном случае для ИИ выделен в отдельный федеральный проект, при том, что прочие цифровые решения остаются сегментами других проектов. На максимальную концентрацию ресурсов в этом направлении уже обращали внимание многие авторы [7, с.429].

В России, институциональная среда развития ИИ координируется Минцифрой РФ с участием Альянса ИИ, объединяющего свыше 200 компаний, а также Центра компетенций НТИ.

В целом, институциональная среда, в которой разрабатываются и применяются технологии ИИ, опирается на совокупность применимого законодательства и документы стратегического планирования, находясь в стадии активного формирования. Координатором этой работы является Минцифры РФ во взаимодействии с Альянсом ИИ. Государственное финансирование работ по развитию ИИ осуществляется в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы. Международное сотрудничество в современной ситуации затруднено санкциями и ограничивается в основном странами БРИКС. Действующее регулирование позволяет тестировать и внедрять инновации, в которых применяются ИИ, в виртуальных помощниках, беспилотных транспортных и летательных аппаратах, телемедицине и др. Основной фокус здесь делается на суверенитете и инновациях.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. (ред. от 15 февраля 2024 г.) №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 14 октября 2019 г. №41. Ст. 5700.
2. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве».
3. ГОСТ Р 71476-2024 — «Искусственный интеллект. Концепции и терминология». Утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. - № 1550-ст.
4. ISO/IEC 22989:2022 Information technology — Artificial intelligence — Artificial intelligence concepts and terminology Published (Edition 1, 2022) ISO/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iso.org/standard/74296.html> (24.06.2026)
5. Müller, Vincent C.; Bostrom, Nick (2014). «Future Progress in Artificial Intelligence: A Poll Among Experts». AI Matters. 1 (1): 9–11.
6. Соломонов Е. В. Юридическая ответственность искусственного интеллекта// Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2025. - Вып. 22. - № 2. - С. 62-71.
7. Partnership on AI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.partnershiponai.org/> (24.06.2026)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МОЛОДОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ 2026

Сборник статей

Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 5 июля 2026 г.

Под общей редакцией

кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 6.07.2026.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 14,2

МЦНС «Наука и Просвещение»

440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10

www.naukaip.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в Международных научно-практических конференциях!

Дата	Название конференции	Услуга	Шифр
25 июля	XXX Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2749
25 июля	XXII Международная научно-практическая конференция МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ	150 руб. за 1 стр.	МК-2750
25 июля	VIII Международная научно-практическая конференция НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ 2026	150 руб. за 1 стр.	МК-2751
25 июля	XXI Всероссийская научно-практическая конференция ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2752
25 июля	XI Международная научно-практическая конференция ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС, ИННОВАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2753
25 июля	XI Международная научно-практическая конференция ПЕДАГОГИКА, ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2754
25 июля	XI Международная научно-практическая конференция ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПРАВОСУДИЕ И ГОСУДАРСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2755
15 августа	XXIII Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	150 руб. за 1 стр.	МК-2756
15 августа	XVIII Международная научно-практическая конференция МОЛОДОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ 2026	150 руб. за 1 стр.	МК-2757
15 августа	XIV Международная научно-практическая конференция НАУКА СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2758
15 августа	XVI Международная научно-практическая конференция ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ И УПРАВЛЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2759
15 августа	XIII Международная научно-практическая конференция ОБРАЗОВАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2760
15 августа	XIII Международная научно-практическая конференция ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ЗАКОН И ПОРЯДОК: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2761
20 августа	XIV Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ, ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ	150 руб. за 1 стр.	МК-2762
20 августа	XXIV Международная научно-практическая конференция НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2763
20 августа	XXXIV Международная научно-практическая конференция НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ	150 руб. за 1 стр.	МК-2764
25 августа	XI Международная научно-практическая конференция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ 2026	150 руб. за 1 стр.	МК-2765
25 августа	II Международная научно-практическая конференция НАУКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ	150 руб. за 1 стр.	МК-2766

www.naukaip.ru